

ГЕРМАНН ГАРТФЕЛЬД

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
В ЧУЖБУЮ
СТРАНУ**

ГЕРМАНН ГАРТФЕЛЬД

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЧУЖУЮ СТРАНУ

ОЧЕРКИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Издательство «Стефанус»

г. Черкассы

1995

Coming Home to a Foreign Country

Russian Edition

Copyright 2015 Voice Media

info@VM1.global

Web home: www.VM1.global

All rights reserved. No part of the publication may be reproduced, distributed or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic, or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except in the case of brief quotations embodied in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law. For permission requests, email the publisher, addressed “Attention: Permission Coordinator,” at the address above.

This publication **may not be sold, and is for free distribution** only.

История семьи Клемм так или иначе похожа на судьбы других семей. Супружеская пара немецкого происхождения переезжает с шестью детьми из Советского Союза в Германию на постоянное проживание. Вопреки ожиданиям здесь их ждут новые трудности, причинившие семье множество неприятностей.

Перевод с немецкого языка.

© Издательство «Стефанус». Перевод.

Литературный редактор Лев Хмельковский.

Корректурa - Лариса Демченко

Технический редактор - Константин Бондарь

Издательство «Стефанус» Международной христианской ассоциации готово высылать вам нашу ежемесячную бесплатную газету «Курьер МХА». У нас можно приобрести новые книги и брошюры, о которых вы узнаете из газеты.

Наш адрес:

Украина,

257005, г. Черкассы,

а/я 3610,

«Стефанус».

ВВЕДЕНИЕ

*Посему принимайте друг друга ,
как и Христос принял вас в славу Божию.
К Римлянам , 15:7*

Путешествуя по Африке, я услышал нарекания дамы, громко жаловавшейся по- немецки своим африканским друзьям на переселенцев из восточных стран. Голос ее был звучен и я поневоле слушал жалобы. Мне вспомнилось, как во время учебы в Библейской школе сразу же после приезда в Германию вместе с другими слушателями, я пережил первые трудности из-за незнания местных обычаев, слабых познаний в немецкой культуре.

Своим незнанием, непониманием простых истин, известных коренным немцам с детства, мы приносили немало огорчений своим наставникам и многим людям из нашего окружения, в целом весьма доброжелательным и готовым помочь. Слушая немку, обиженную на своих соседей, приехавших с Востока и ежедневно совершающих массу ошибок, я понял, что должен поделиться своим опытом, обобщить его и предложить читателям вместе подумать над тем, почему между немцами возникла пропасть, почему они такие разные... Если удалось разрушить стену в Берлине, то удастся построить мосты... Так возникло решение написать эту книгу. Книгу о немцах, приехавших из России.

Это было нелегко сделать... Я как раз закончил работу над рукописью, в которой рассказал о нелегкой судьбе девушки по имени Ирина, пережившей преследования за свои христианские убеждения. Я все еще жил душным воздухом психиатрической больницы, в которой содержалась молодая христи-

анка, и не мог запросто перейти к иной теме. Я молился и ждал. Вскоре мне предстояло уехать за океан изучать богословие и в связи с предстоящей поездкой издательство «Голос мира» /Friedensstimme/ поручило мне прокомментировать и подготовить к печати материалы четырех судебных процессов, касающихся веры. Поглощенный работой, я не забывал об африканской встрече и своем намерении.

Тем временем судьба привела меня в Цюрих, где мне предстояло начать пасторское служение. Одновременно в университете Брюсселя близился срок защиты моей докторской диссертации... И вдруг я устыдился своих сомнений. Я понял, что тысячи людей ждут моего рассказа о людях, живших в стране, которая не стала им Родиной, преследовала и унижала их. Когда же им удалось вернуться на землю своих праотцов, они и здесь не почувствовали себя полноценными людьми, ежедневно чувствуя насмешливые взгляды, слушая раздраженные реплики... Они были как малые дети, впервые без няньки вышедшие на улицу. И я отложил научные изыскания, пренебрег интересными поездками и начал писать.

Это рассказ о судьбе одной немецкой семьи из числа тех, которые с деда-прадеда жили в России, прилежно трудились, верили в Бога и молились Ему, дружили с соседями, но всегда оставались чужаками, пришельцами. А когда в России утвердился коммунистический режим, судьба этих людей стала особенно тяжелой. Персонажи этого повествования выдуманы и тем не менее реальны. Возможно, кто-то узнает себя в этой книге... Хочу заверить, что я никого конкретно не имел ввиду и не ставил себе цели описывать конкретных людей. И все-таки я думал о каждом из них. Судьба семьи Клемм могла бы стать и моей судьбой, если бы Гос-

подъ даровал нам с женой детей. Всех своих спутников, переживших исход из России, хочу попросить: не судите автора, не отбрасывайте его книгу, прежде чем полностью не прочтете ее. Не полагайтесь на суждения других - составьте собственное мнение... Читателей, которые родились и выросли на Западе, прошу быть снисходительными к моему труду и простить некоторую субъективность. Ведь я не хотел быть судьей, а пытался лишь обратить внимание на особенности интеграции христиан с Востока в западное общество и его христианские общины. Возможно, написанное поможет сближению людей разной судьбы и улучшит взаимопонимание в обществе.

Я беспредельно благодарен моей жене Марии, помогавшей мне писать эту книгу в будни и праздники. Когда приходила усталость и мог возникнуть конфликт, мы бросались друг к другу и кружились по комнате в танце, гуляли по улицам Цюриха, болтали, чтобы после возвращения с новыми силами приняться за книгу.

Я благодарю моего пресвитера и Братский совет моей церкви - они молились за успех моего труда и были снисходительны, когда я, увлекшись литературными заботами, допускал упущения в служении: ведь община евангельских христиан-баптистов в Цюрихе была первым местом моего пасторского служения. Чуткость и помощь моих цюрихских братьев помогли мне после трехлетнего пребывания в Америке вновь найти себя в Европе и приобрести опыт новой адаптации.

Я признателен людям на Востоке, в черкасском издательстве «Стефанус», которые перевели мою книгу на русский язык и подготовили ее издание в одном из монастырей города Львова, ибо верю, что эта книга будет полезна многим сомне-

вающимся, не знаящим, как поступить... Я верю, что этот рассказ поможет людям, приехавшим в Германию и постоянно живущим в этой стране, найти друг друга.

ИСХОД

В Министерстве внутренних дел

Зигфрид Клемм не удивился письму с предложением в указанный день и час прибыть в Управление виз и разрешений Министерства внутренних дел Казахстана : он хлопотал о гостевой визе в Германию. И вот он уже сидит в уютном кабинете - здесь бываюи иностранцы, поэтому заметны атрибуты внешней «показухи», есть и самоварчик, за стеклом подвесного шкафчика белеет кофейный сервиз. Но Клемму ни чай, ни кофе не положены, он ведь советский немец, родившийся и выросший в Казахстане. Однако руководитель отдела беседует с приглашенным любезно, по служебной привычке памятуя, что этот человек вскоре окажется на Западе. Тем более нужны ему наставления о том, как вести себя в капиталистической стране. Руководитель отдела сам в Германии не бывал, но инструкцию для советских граждан, выезжающих по частным приглашениям в капиталистические страны и приравненную к ним Югославию, знает наизусть, поэтому в бумажку не заглядывает.

Многое знает он и о сидящем по ту сторону стола человеке. Зигфрид Клемм - инженер, выпускник технического вуза, женат, имеет шестерых детей и разрешение выехать на постоянное проживание в Германию. О таком разрешении сам Клемм пока не знает и руководителю отдела предстоит мягко подвести этого немца к неожиданному известию. Он говорит:

- На Западе вас ждут разные неожиданности. Не исключено, что определенные службы попытаются предложить вам сотрудничество и даже использовать вашу национальность для пропаганды выдумок о преследовании немцев в Советском Сою-

зе. Советую вам не поддаваться на подобные провокации и помнить, что ваш отец с оружием в руках защищал социалистическую революцию и пролил кровь за дело рабочих, за утверждение диктатуры пролетариата.

Зигфрид ухмыльнулся:

- А благодарный пролетариат не удосужился даже учредить пенсию по инвалидности своему борцу, раненому пять раз и потерявшему в огне гражданской войны руку и ногу. Мой отец пытался прокормить семью, работая сторожем зерносклада в колхозе имени Ленина недалеко от Омска, но и там его не оставили в покое, перед войной забрали и увезли в лагеря Норильска. Там он и погиб в полярную стужу...

Руководитель отдела поморщился:

- Не надо преувеличений. Советская власть здесь ни при чем. Мой отец тоже был порядочным человеком и тоже погиб в годы сталинской чистки. Деятельность Сталина и его подручных осуждена партией еще на XX съезде и нет нужды возвращаться к этому. Если вы с такими настроениями уедете за границу, то и вам придется несладко, и мне, кстати, перепадет... Я знаю, что вы верующий, а одна из ваших доктрин предлагает верующим прощать обиды. Не так ли?

Руководитель отдела внимательно посмотрел на Зигфрида, подумал. Видимо, он решил передать ершистого посетителя более опытному сотруднику. Задача и впрямь была непростой: тысячи и тысячи советских немцев обивают пороги служебных кабинетов, пытаясь выбраться из нашей страны в Германию, а этого выставляют едва ли не силой, тогда как проще было бы и его отправить вслед за его отцом поближе к

норильскому никелю. Вслух руководитель отдела сказал:

- Прошу вас пройти в комнату 26, там вас ждут... Когда пустите корни на Западе, не забывайте, кто вам помогал уехать. У каждого есть свои потребности и хороший ковер, красивое покрывало на кровать будут приятным подарком...

Он проводил недоумевающего Клемма до двери и у выхода передал ему сложенные стопкой заграничные паспорта для всей семьи. Зигфрид вышел и направился к 26-й комнате, размышляя над словами руководителя. Это была неуклюжая шутка или вымогательство? «В моей стране, - думал Клемм, - торгуют всем и без взятки не могут обойтись даже в министерстве, где должны платить лучше, чем в какой-нибудь конторе». В коридоре Зигфрид вспомнил недавно услышанный анекдот и ухмыльнулся. Ему рассказали о стороже зернохранилища, который встретил Никиту Сергеевича Хрущева во время его разездов по стране и пожаловался на свою горькую судьбину: семья большая, едва сводит он концы с концами.

«Где же вы работаете?» - поинтересовался Хрущев. «Сторожем зернохранилища», - ответил жалобщик. «Ну вот, вы там спите на посту, - усмехнулся Хрущев, - а могли бы присмотреться к жизни своих начальников. Они трудятся днем и ночью, вот и живут лучше вас». Уже в следующую ночь сторож не спал в укромном уголке зерносклада, а прислушивался к окружающей жизни. Около полуночи он услышал, как во двор въехал автомобиль и директор хранилища начал командовать прибывшими. С ним приехали секретарь партийной организации, председатель профсоюзного комитета, несколько активистов. Они начали дружно выносить из

амбара заготовленные днем мешки с зерном. Через несколько минут машина ушла, а сторож поспешил домой, разбудил жену и старших детей, взял побольше мешков и до утра они перетаскали из склада немало пшеницы. После этого сторож не спал и каждый раз после отъезда директора продолжал его занятие. Во дворе сторожа появилась корова и поросенок, в доме - телевизор... Вскоре сторож на собственные деньги направился в Москву и сумел повидать Никиту Хрущева. «А! - узнал его Никита. - Как дела?» Сторож улыбнулся: «Подарочек вам привез - поросеночка. Неудобно было в кабинет с мешком, так я в приемной оставил». Никита Сергеевич расцвел: «Подарки от трудящихся я люблю. Это ведь ленинский обычай. Веди, показывай». Но в приемной мешка с поросенком не было. Хрущев лишь усмехнулся: «Вот видишь, товарищ, у нас в Кремле тоже не дремлют». С тем и уехал сторож домой.

Веселая улыбка еще светилась на лице Клемма, когда он вошел в комнату 26, где его ждал солидный мужчина в штатском.

- Радуетесь отъезду? - поинтересовался он.

- Что вы? - удивился Клемм.- Просто, анекдот вспомнил...

- Позвольте представиться, полковник госбезопасности Милютин,- сказал мужчина в штатском и, не ожидая реакции Клемма, продолжил: - Нам известно, что у вас есть родственники в Западной Германии, США и Парагвае...

Зигфрид встретил это сообщение спокойно: о своей зарубежной родине он писал в заявлении, указав в анкете каждого.

- Ваше заявление рассмотрено,- сказал полков-

ник,- и вам разрешено уехать в Западную Германию на постоянное проживание.

- Как ? - удивился Клемм.- Я же собирался в гости...

Милютин хмуро посмотрел на собеседника. Неужели он не понимает, что еще недавно таких субъектов вообще содержали в местах не столь отдаленных? Пастор баптистской общины, пусть даже зарегистрированной, но все равно это же секта из числа имеющих зарубежные связи! К тому же, община Клемма отличалась повышенной активностью : хоры - молодежный и общинный, оркестр, хорошо организованная работа среди молодежи и женщин - все это доставляло немало хлопот не только службе госбезопасности, но и партийным работникам. Люди Милютина подозревали отдельных членов этой общины в сотрудничестве с протестантским издательством «Христианин», хотя на евангельских христиан-баптистов распространялся запрет такого сотрудничества. С пастором проводились профилактические беседы, но он ловко уклонялся от каких-либо откровений, действуя по принципу: не пойман - не вор. В управлении КГБ досадовали, но поделать ничего не могли - не было доказательств.

Клемм не был профессиональным пастором - он работал инженером-конструктором на тракторном заводе и этим добывал средства на содержание семьи. Диплом инженера тоже достался ему не без ухищрений: немцев в технические вузы не принимали и только революционное прошлое отца помогло делу - сказал веское слово один из влиятельных людей, воевавших в гражданскую вместе с Клеммом-старшим. Еще повезло, что не вспомнили о высылке в Норильск.

Избрание Зигфрида пастором в баптистской общине не осталось незамеченным и создало в КБ напряженную обстановку вокруг Клемма. Но денег за свое служение он не получал, поэтому нельзя было обвинить его в незаконной работе по совместительству. Да и община поддерживала своего пастора. Были даже коллективные письма в органы, в которых верующие просили не обижать пастора Клемма и намекали, что в случае каких-либо притеснений баптисты уйдут в подполье. Этого в управлении Милютина не хотели. Образцовой была и семья пастора - его дети имели способности к музыке, дочь Елена во время богослужений играла на пианино, Павел дирижировал одним, а Михаил вторым хором. Активно работали в общине и остальные - Петр был лидером молодежи, Наталья организовала тайную воскресную школу для детей. Любимицей семьи была 15-летняя Сима. Хорошенькая девушка не имела педагогических способностей и не отличалась влечением к музыке, но была трудолюбивой, хорошо шила, вязала на спицах и крючком, а поэтому самой судьбой была определена в портнихи.

Именно Сима особенно бурно радовалась предстоящей поездке в Германию. Ей не терпелось познакомиться с родственниками, посмотреть на жизнь людей в этом раю... Сима мечтала о счастливом случае: если повезет, она сможет остаться там навсегда...

В КГБ не знали о настроениях Симы, но зато хорошо знали об отношении к Зигфриду Клемму идеологических служб партии и не могли не считаться с их мнением. Намерение Зигфрида погостить у родни как нельзя более совпадало с общим желанием избавиться от этой семьи. Но в семье

Клемма, кроме Симы, никто не собирался переселяться на Запад. Семья жила дружно, в относительном достатке, а главное, все радостно трудились в общине и находили огромное личное удовлетворение в том, что все новые люди находят себя в вере в Иисуса Христа. Они считали своим призванием это служение и не собирались оставлять его ради земных преимуществ западной жизни, о которых имели, кстати, весьма смутное представление.

Милютин был хорошо осведомлен также о личных делах Клемма, потому что диакон общины сотрудничал с КГБ и регулярно доносил обо всем, чем занимался пастор. За свою информацию диакон-«стукач» получал довольно щедрые денежные подачки-вознаграждения, а также заверения, что его сведения не будут использованы против Клемма, а лишь послужат его защите от возможных провокаций со стороны западных спецслужб. Зигфрид вскоре разгадал двойную игру своего диакона и сообщил о ней Братскому совету общины. Поразмыслив, руководители общины решили не препятствовать диакону, потому что его разоблачение привело бы к появлению нового, более опытного осведомителя. Стоило ли рисковать ухудшением дела, если тайные дела общины были не так уж и велики и касались приобщения молодежи к Слову Божьему?

Милютин ожидал сопротивления Клемма решению о фактическом выдворении его из страны, но притворно удивился:

- Вы разве не рады случаю оставить эту негостеприимную для немцев землю и уехать в страну предков, где уровень жизни несравненно выше нашего?

Клемм отметил про себя, что слова полковника

противоречат официальной пропагандистской версии о высоком благосостоянии советского народа, но не стал его дразнить своими замечаниями, а ответил вполне искренне:

- Я не рад и не хочу таких перемен... Я вырос в Советском Союзе, мой образ мышления типичен для советских людей и на Западе мне будет нелегко приспособиться к тамошнему образу жизни. Просто нужно было родиться там, вырасти там, чтобы хорошо знать все традиции, обычаи и привычки. А мы там будем, как белые вороны... К тому же язык... Ведь я говорю на том немецком языке, который двести лет тому назад привезли сюда мои далекие предки из Голландии. Нас такой язык устраивает, но в Германии меня не поймут, а моих детей высмеют их сверстники. И самое главное - я пастор, то есть пастырь христианской общины. Могу ли я в погоне за мнимым благополучием оставить свою паству?

Полковник ухмыльнулся:

- В Германии, несомненно, есть общины, которые с распростертыми объятиями примут такого опытного наставника, как вы, и будут благодарить Бога не только за это, но и за спасение своего пастора из коммунистического ада!

Клемм промолчал. Неискренность полковника ему не понравилась.

Причины исхода советских немцев состояли отнюдь не в стремлении добиться материального благополучия. После того, как явные репрессии против отдельных народов прекратились, трудолюбивые немцы получили возможность устроить свою жизнь довольно сносно. Конечно, старшие помнили годы жизни в селениях Поволжья и Юга Украины, даже несколько идеализировали былое, мечтали о его возрождении, но выросшие в Сибири и

Казахстане были реалистами и не обольщались мечтой, не имевшей пока что никакой почвы для её осуществления. Самыми сильными мотивами исхода были ностальгия и надежда воспитать детей в духе немецких трудолюбия, добропорядочности, возможно, веры, уберечь от тлетворного влияния явно деморализованного, все более спивающегося общества этой непредсказуемой страны. Зигфрид помнил слова своего отца:

- Тебе, возможно, придется стать свидетелем депортации немцев из Советского Союза. Это будет их национальным спасением.

Отец Зигфрида, отпрыск переселившихся в Россию меннонитов, был воспитан в строгих правилах немецких семей. В сущности, он был неверующим человеком, как и большинство советских людей, но страдал от всеобщего невежества, хамства, лени, пьянства, а поэтому возлагал большие надежды на воссоединение советских немцев со своим народом. Его сын вернулся к Богу и не считал возможным для себя бежать от трудностей, вместо терпеливого преодоления их вместе с братьями во Христе независимо от национального происхождения каждого из верующих.

Полковник, казалось, читал мысли Клемма и прервал его молчание:

- Вы идеалист, Клемм. Мы ежедневно отклоняем десятки прошений об отъезде, мы вынуждены терпеть пикеты, голодовки, демонстрации и другие проявления протеста тех, кому мы отказываем в разрешении на выезд. Многие немцы рискуют своей общественной репутацией и даже свободой в этом противостоянии... Мы вынуждены так поступать не только по идейным соображениям. Я не открою большой тайны, сказав, что специалисты

немецкого происхождения составляют в нашем экономическом и даже оборонном потенциале своеобразный интеллектуальный блок, который не хотелось бы нам потерять. И если мы даем вам возможность уехать навсегда, то в этом не следует искать какую-то скрытую неприязнь, преследование... Я назвал бы это решение проявлением искреннего сочувствия. У вас большая семья, непривычно большая для наших условий, а вы, способный инженер-конструктор, получаете на своем заводе сто тридцать пять рублей в месяц. Справедливо ли это? В Германии ваш заработок может быть несравненно выше, отдача больше и наша страна, имеющая с Германией давние экономические связи, тоже выиграет от того, что мы дадим дружественной стране своих специалистов, стремящихся хорошо потрудиться. Почему же вы не рады такому повороту в жизни всей вашей семьи?

Клемм все еще молчал. Ему не хотелось вступать в ненужную, надуманную дискуссию, ибо истинные причины его высылки были ему ясны и ухищрения полковника воспринимались как наивные попытки облечь в нереальную форму чей-то конкретный и не подлежащий отмене приказ.

Неисполнение могло принести крупные неприятности и Милютину, и Зигфриду. Старший пресвитер недавно сказал пастору:

- Я не удивлюсь, если тебе предложат без хлопот переселиться в Германию. Ты стал истинным служителем нашей церкви, каких, к сожалению, у нас пока что немного. В партийных органах это понимают, там умеют работать с кадрами, поэтому твой отъезд будет для тебя меньшим злом. А нам придется смириться и искать, воспитывать достойную замену.

Предвидение старшего пресвитера сбывалось... Товарищ Клемм,- вновь заговорил Милютин.- В ФРГ к вам будут обращаться «пастор или господин», но для нас вы все равно останетесь товарищем. Прошу вас ценить это и не делать опрометчивых поступков. Многие грешат тем, что сразу же попадают на удочку западных издателей и соглашаются писать книги-разоблачения советского образа жизни.

Немножко правды и много вымысла... Искренне советую вам не делать этого. Нам ведь тоже кое-что о вас известно. Мы знаем, что ваш отец ринулся в революцию совсем не потому, что сочувствовал пролетарскому делу, а после того, как махновцы расстреляли его хорошо обеспеченную родню. Это случилось как раз в то время, когда и Красная Армия повернулась против Нестора Махно, поэтому отец попал именно в Красную Армию. Он храбро сражался, но не за идеалы социалистической революции, а из желания отомстить убийцам. Именно в них он видел причину разрушения благополучия семьи богатых меннонитов из селения Молочное на Юге Украины. Он был репрессирован в 1937 году. Такие попутчики на самом деле были не сочувствующими, а приспособленцами, которые при первом же случае вновь изменили бы делу рабочего класса. Богатый немец, несомненно имевший наемных рабочих, вдруг записывается в Красную Армию, вступает в партию... Вскоре его истинное лицо раскрылось, он начал разглаживать об отсутствии демократии внутри партии и тому подобное... Естественно, что он до сих пор, даже посмертно, не реабилитирован. Если возникнет необходимость, мы расскажем историю вашего отца и скомпроме-

тируем вас в глазах западной общественности. Но мы ведь сможем и договориться, не так ли?

Клемм вновь промолчал. Всё это ему уже приходилось слышать и раньше. К тому же, он не собирался писать что-либо, тем более о своей жизни в Советском Союзе. Но если здесь так хорошо жить, то почему же полковник так боится измышлений какого-то малоизвестного эмигранта? Пастор встал и спросил:

- Я могу идти? Сегодня я слишком устал от неожиданностей, чтобы обсуждать что-либо из моего будущего поведения. Извините!

- Конечно же, идите! - деланно засуетился полковник. На его лице вдруг заиграла коварная улыбочка. - Надеюсь, вы не забыли историю Линды? Об этом тоже мы сумеем напомнить.

Клемм болезненно поморщился: укол задел его за живое. Линда была дочерью партийного работника из числа немцев, создававших интернациональную прослойку в партийной номенклатуре. Они встретились и полюбили друг друга. Уверенные в своем совместном будущем, молодые люди не придавали особого значения формальностям светской жизни и Линда готовилась стать матерью. Беременность протекала тяжело, они вновь решили подождать с формальностями, а потом случилась беда: при родах Линда скончалась... Осталась Елена, теперь уже старшая дочь Зигфрида. История его любви не была тайной для Лины, которой позже увлекся Зигфрид, после венчания по обоюдному согласию они удочерили Елену и более ничто не напоминало о печальном происшествии в жизни юного Зигфрида. Лина любила девочку и никогда не отделяла ее от своих детей. В общине эта история была известна лишь пастырям, хранившим молчание. Полковник Милютин знал, что

очень многие не станут разбираться в тонкостях давних событий и поддержат разоблачения, инспирированные КГБ.

Пастор лишь грустно покачал головой и вышел.
У каждого свое мнение

Когда Зигфрид Клемм вернулся домой, его семья сидела за обеденным столом и нетерпеливые взгляды обратились к отцу. Он сказал:

- Мы уезжаем. Они хотят, чтобы мы уехали навсегда.

Присутствующие были огорошены неожиданным известием и не сразу нашли нужные слова, лишь Сима бросилась на шею отцу и вскричала:

- Как здорово! Наконец я увижу всё это! - она целовала отца и даже всхлипывала от радости.

- Мы же собирались только погостить! - в голосе Елены звучало разочарование. Наташа заявила со скрытой гордостью:

- Наш отец объявлен персоной нон грата!

- Пусть «нон грата» едет, а я останусь здесь, - заявила Елена. - Будете приезжать ко мне в гости. Сейчас уже границы стали доступными.

Упоминание о границе побудило всех посмотреть на Елену. Причина ее протеста была очень личной: недавно призвали в армию и отправили служить на границу в Кушке ее парня. Кушка была самой южной оконечностью Советского Союза, за ней лежал Афганистан и следующая железнодорожная станция Герат была уже в соседней стране. Там было беспокойно и многие предрекали, что советские войска могут двинуться через границу для усмирения волнений. Именно железная дорога из Мары в Герат может стать формальным поводом для такого вторжения. Жених Елены - Тима,

то есть Тимофей, писал в письмах, что служба на южной границе трудна и опасна. Подробностей по известным соображениям он не сообщал, но это лишь прибавляло тревоги его девушке.

Зигфрид понимал чувства дочери, но ее решимость остаться в Советском Союзе его озадачила. Именно Елену он не хотел бы оставлять здесь, потому что как раз ее могли бы подвергнуть шантажу и другим испытаниям люди Милютина, если бы им пришло в голову напасть на пастору-эмигранту. Да и вообще речь не шла о высылке родителей. Органы настаивали на отъезде всей семьи Клеммов и любые изменения задуманного ими были просто небезопасны. Или все уезжают, или все остаются.

Но и такого выбора у Зигфрида уже не было...

Елена встала и подошла к отцу. Она прижалась к его плечу и расплакалась. Зигфрид погладил девушку по голове и на мгновение погрузился в невольные воспоминания. В этом возрасте Елена была очень похожа на свою мать. Она тоже умела так грустно, неутешно и тихо плакать. Зигфриду казалось, что он вновь слышит голос Линды, слышит ее робкий вопрос, когда она уже лежала в больнице: «Ты ведь не оставишь меня? Ты всегда будешь со мной?» Он шептал, уткнувшись в ее волосы: «Нет, милая, я никогда не оставлю тебя. Мы всегда будем вместе». В те дни он искренне верил в это, ждал счастливого будущего с Линдой.

Отец взял лицо Елены в свои ладони, посмотрел в ее глубокие голубые глаза:

- Девочка моя, я оставляю за тобой право решать свою судьбу. Но я уже не смогу остаться здесь. На заводе моя должность будет неминуемо сокра-

цена. Старший пресвитер будет вынужден отстранить меня от пасторского служения. Братский совет выскажет свое неудовольствие, но будет вынужден согласиться с моим уходом. Община промолчит...

Михаил подошел к сестре с другой стороны:

- Елена, мне ведь тоже нелегко уезжать. Так много начато полезных дел! Община, хор, перспективы евангелизации... У меня тоже есть девушка. Но мы с ней найдем друг друга, она приедет ко мне. Приедет и твой Тимоша. Не горюй. Я понимаю, что у отца нет выбора, а мы не можем оставить его в трудную минуту. Нам нельзя делить семью, это не к добру. Ехать - так вместе!

Елена заметно успокоилась. День закончился в обсуждении дел, связанных с предстоящим отъездом и Зигфрид был благодарен детям...

Печальная весть

В семь утра громкий стук в дверь разбудил Лину Клемм. Она набросила халат и вышла к двери. У входа стоял почтальон с телеграммой. Лина поспешила к мужу в спальню:

- Телеграмма от Валентина Клостера, отца Тимы.
- Читай вслух,- встревоженно сказал Зигфрид.
- «На границе при исполнении служебного долга погиб Тима. Похороны в следующий вторник. Я в гарнизоне», - прочитала ужасную весть Лина. Зигфрид резко поднялся и ушел в ванну. Он вернулся спустя мгновение и подошел к жене, растерянно сидевшей на краю постели.

- Как мы ей скажем? - услышал он шепот Лины. Зигфрид обнял жену и они замерли в скорбном молчании.

- Сегодня суббота, - сказал Зигфрид, - пусть Елена подольше поспит, ведь впереди у нее бессонные ночи.

Они еще долго сидели неподвижно, погруженные

в свои мысли - печальные и озабоченные переменах в своей жизни.

У Елены была нежная, ранимая душа. Девушка болезненно воспринимала несправедливость, грубость, страдала от хамства. «Как можно так относиться к ближнему, к человеку?» - жаловалась она, рассказывая о неурядицах на работе, которым ее коллеги не придавали особого значения. Ее жених Тима тоже был простодушным, жизнерадостным парнем. Его любовь была такой трогательной, что все радовались светлому будущему этой пары. И вдруг - такая беда... Как Лена перенесет ее?

Стук в дверь был довольно энергичным и Лина безошибочно узнала Михаила. Она быстро сунула телеграмму в карман халата. Михаил поздоровался и весело спросил:

- Завтрак не отменяется?

Из кухни раздался голос Елены:

- Всё готово! Прошу к столу!

Родители появились в большой комнате с бледными, уставшими лицами. Дети встревожились. Наташа спросила:

- Мама, что случилось? Вы не могли уснуть из-за предстоящего отъезда?

- Нет, нет! - предупредил отец любой ответ матери. - Я все расскажу, но вначале совершим утреннюю молитву.

- Отец наш, - говорил Зигфрид, - Ты создатель нашей жизни. Ты даешь жизнь и Ты отбираешь ее. Помоги нам бестрепетно принять Твою волю. Аминь!

Петр ощутил в голосе отца необычные нотки и покосился на мать:

- Вы взволнованы, отец?

- Теперь давайте поедим! - предложил Клемм и все уселись за стол. Тревожное настроение овладело

семьей и только Елена, твердо решившая остаться, была спокойной. После завтрака именно ее отец пригласил в свою комнату. Когда они вышли, мать прочитала полученную телеграмму. Несколько мгновений все сидели неподвижно, пораженные вестью.

Громкий плач из комнаты отца вывел их из оцепенения.

Решение принято

- Я хочу уехать отсюда, отец! - жалобный голос дочери подействовал на Клемма, как удар ножа.

- Я хочу уехать отсюда! - точно так же заплакала Линда, когда увидела своих родителей мертвыми. Они умерли от угара. Линда была уже на восьмом месяце и ее пришлось срочно отправить в больницу. По пути туда она жалобно просила:

- Я хочу уехать отсюда! Уехать! Слышишь, Зигфрид? Я хочу уехать отсюда куда угодно! Помогите мне!

У нее были преждевременные роды. Родилась Елена. А Линда ... В те дни похоронили всю семью - отца, мать и дочь... Было мгновение, когда Зигфрид возроптал на Бога за такую жестокость. Утешением его стала Елена.

Хоронили погибшего в закрытом гробу. Братья поддерживали Елену. Когда зарывали могилу, Зигфрид заметил невдалеке Милютина, явно ожидающего возможности поговорить с ним. Пастор не желал такой беседы в присутствии детей и поспешил к Милютину. Тот спросил:

- Теперь вы поедете?

- Как? - изумился Клемм.- Это вы? Это вы приложили руку к событиям на границе, чтобы ускорить наш отъезд?

- Помолчите! - ответил полковник тихо и язвительно.- Такие предположения могут привести вас не в западные страны, а в лагерь на востоке. За клевету на советскую действительность...

Клемм повернулся и зашагал к своим. Они уже потянулись с кладбища печальной стайкой охваченных горем людей. Зигфрид взял под руку Елену. Он ничего не сказал ей, но подумал, что в органах были хорошо осведомлены о нежелании Елены эмигрировать, а также о том, что одной из причин этого была позиция ее жениха, считавшего, что баптист не должен уезжать из своей страны, как бы плохо ему не жилось. Елена сама заговорила:

- Говорят, что его гибель была не только случайной, но и загадочной. Какой-то пограничный инцидент. Возможно, его организовали сами органы? Ведь пограничная служба - это тоже КГБ?

- Идем, дорогая! - Клемм увлек за собой Елену, пытаясь поскорее увести ее от наблюдательного взгляда полковника. Его дочь никогда не узнала, имел ли ее отец доказательства или только предполагал, что к гибели солдата причастны спецслужбы.

- Утром мы просили Бога вразумить нас и помочь нам идти путем, который Им указан,- напомнил пастор дочери.- Наш Господь - хозяин нашей земной жизни. Он знает, каковы истинные причины всего, что должно произойти. Ничего не происходит без Его воли.

Эти слова Клемм повторил дома, когда все вошли в дом и ждали утешения от своего отца и пастора. Вспомнились увещевания старшего пресвитера и членов Братского совета, которые убеждали

его в необходимости отъезда, как единственной возможности избежать неприятностей.

После гибели Тимы вопрос отъезда решился окончательно: Елене пришлось смириться с тем, что уготовала ей жизнь. Возможно, случившееся было жертвой искупления? Никто не решался сказать вслух об этом... Клемм ждал решения своих детей и после похорон его ожидание исполнилось. Первой пришла Наташа, за ней сыновья. Они сказали, что не видят иной возможности - надо ехать... Радовалась такому единодушию только Сима, остальные понимали, что их просто изгоняют из этой страны.

Увольнение с работы ни у кого не вызвало осложнений. Вещи, в основном, раздали друзьям и знакомым. Уладили последние формальности в Посольстве ФРГ и сели в поезд, чтобы через Польшу, с пересадкой в Берлине, уехать в Западную Германию.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В пути

Клеммы предпочли поезд самолету не только из соображений экономии. Они говорили знакомым, что поезд оставляет больше возможностей для прощания со страной, друзьями, привычным бытом. Никто не знает, это ли было основной причиной отъезда поездом. До Москвы их сопровождали шестеро близких людей. В семье только Зигфрид знал, чем были заняты эти братья в общине. Они были наставниками молодежи, создавали и вели домашние кружки по изучению Святого Писания, приглашали на свадьбы, дни рождения и другие праздники неверующих соседей и знакомых, чтобы при случае подарить им Евангелие, рассказать об ис-

купительной жертве Иисуса Христа. Книги Ветхого и Нового Завета тоже доставляли эти люди из городов, разрешенных для посещения западными туристами. Один из молодых людей собирал пожертвования в пользу издательства «Христианин». Они не делили баптистов в зависимости от легальности их общин, не считали принципиальным деление христиан на конфессии и могли подарить Библию православному и католику.

В общине, как и в семье пастора, не знали об истинном призвании этих людей. Они были просто хорошими ребятами, надежными друзьями.

Не разгадал их работы и диакон Путц, а поэтому информация о них не поступила в соответствующие органы. И даже в Москве, во Всесоюзном совете баптистской церкви, не имели понятия о том, как далеко зашло сотрудничество между легальными и незарегистрированными баптистами в общине пастора Клемма.

Зигфриду было тяжело покидать своих единомышленников, ему казалось, что он предает их. Но и он, и остальные знали, что у пастора нет альтернативы и он **вынужден** переселиться в Германию. Трагическая гибель Тимы нависла над всеми мрачным предупреждением. Клемм не мог избавиться от мысли, что Тиму, как и Ваню Моисеева, убили агенты КГБ по наущению идеологических служб. Родственникам не разрешили открыть гроб с телом покойного. Когда Клемм поделился своими предположениями с сотрудником немецкого посольства в Москве, тот лишь пожал плечами и ничего не ответил. При этом он так красноречиво покосился на телефонный аппарат, что пастор сразу понял его опасения: здесь даже стены имели уши.

Зигфрид был пастором зарегистрированной общины, но искренне сочувствовал баптистам, не пошедшим на компромисс с коммунистическим режимом, сознательно отказавшимся от вмешательства государства в их дела. Его печалил раскол в среде евангельских христиан-баптистов, инспирированный государственными структурами. Избранный ими Совет, казалось, все более терял влияние на общины. Председатель не без оснований был вынужден уйти в подполье и руководствовался информацией доверенных лиц о состоянии дел в общинах, а это не могло не сказаться на уровне управления. Руководитель церкви был лишен возможности бывать на местах, а его информаторы часто истолковывали события субъективно, в ряде случаев извращали истину, чтобы свести счеты с неугодными им людьми. Служба госбезопасности тоже не дремала и намеренно через своих людей подбрасывала дезинформацию о тех или иных членах церкви. Именно так оказались неверно понятыми и отвергнутыми верные и дельные члены церкви Якименков, Дубовой и другие. На них пало бездоказательное подозрение в сотрудничестве с КГБ и этого было достаточно, чтобы от них отвернулись. Еще до своего ареста был лишен права голоса чудаковатый, но в сущности святой человек Шаратов. Когда по навету все отвернулись от супругов Шаратовых, с ними случилась беда. Вскоре после ареста Николая Шаратова сердечная болезнь поразила его жену, а впоследствии и его самого. Он умер в заточении больным.

Доверенные лица председателя Совета вскоре приобрели такое влияние на остальных его членов, что те опасались высказывать суждения, если они не совпадали с мнением председателя и его сооб-

щников. По этой причине попали в немилость уважаемые члены Совета Шаптала и Корнелий Крёкер, не говоря уж о богословах-самоучках Г. Шмидте и Юрии Куксенко. Лишенные права голоса в Совете, они едва ли имели возможность доказать, что их предложения были сделаны с благими намерениями. Нетерпимость к инакомыслию в церкви не уступала нетерпимости коммунистического режима к инакомыслию в общественно-политической жизни. Диалог, обсуждение заменялись отрицанием, а каждый, имевший собственное суждение, рисковал не просто попасть в немилость, но и быть обвиненным в сотрудничестве с КГБ.

Клемм был в хороших отношениях с такими инакомыслящими в незарегистрированной церкви, так называемыми «инициативниками». Он был терпим и любил братьев по заветам Иисуса. Поэтому его огорчало и тревожило возрастание нетерпимости в церкви, шедшее в ногу с таким же явлением в светской жизни. Он видел как эта тенденция усиливается и в зарегистрированных общинах, как в его общине люди начинают подозревать друг друга в несуществующих грехах. До сих пор он противостоял попыткам помешать людям раскрывать свои способности, высказывать свои мысли и настроения. Пастор поощрял таких людей и стремился использовать их активность во благо общины. Каково будет этим братьям и сестрам после его отъезда?

У вагона он обнял своих друзей. Никто не скрывал слез. Все так искренне плакали, что многие отъезжающие стали посматривать на эту группу с интересом. Лина с детьми стояла у окна купе и тоже наблюдала за прощанием мужчин. Возможно, и ее удивила столь горькая печаль товарищей ее

мужа, но она не считала возможным расспрашивать о причине слез. В семье пастора знали, что не обо всем можно расспрашивать у отца.

Елена не подошла к окну. Она выглядела потерянной, опустошенной и остальные члены семьи не решались заговаривать с ней, боясь нервного срыва. Как окаменевшая, она сидела в уголке купе. События последних дней так истощили ее нервную систему, что девушка смутно воспринимала окружающее и лишь ждала той минуты, когда стук вагонных колес заглушит звенящую пустоту ее души. Так бы и сидела она до самого отправления, если бы с перрона не послышалось ее имя. Пожилой мужчина хриплым голосом увещевал ее отца:

- Ты же не можешь забрать у нас единственную правнучку! Где Елена?

Седой мужчина не на шутку пристал к Зигфриду:

- Ты, старый баптистский пес, не посмеешь увезти нашу правнучку за границу, в капиталистические дебри! Я этого не позволю!

Елена подошла к окну. Рядом с отцом стояла пожилая пара. Елена раньше никогда не видела этих людей и не могла понять, что происходит.

- Отец, что здесь происходит? - спросила она. Из соседнего купе к открытому окну подошли остальные члены семьи. Они тоже недоумевали.

- Вот видишь, - обратился старик к своей спутнице, - я так и знал, что он ничего не рассказал девушке о ее матери, о нас. Ты - обманщик!

Зигфрид был растерян и не знал, как поступить. Его друзья тоже недоумевали. Всё это было похоже на провокацию, но выглядела она довольно неуклюжей. Елена поспешила на помощь отцу. Зигфрид слегка обнял ее и сказал:

- Эти люди утверждают, что ты их правнучка! Видимо, тебе нужно взять их адрес и попрощаться...

В семье Клемма знали, что к моменту замужества Лина была сиротой. Это знала и Елена. Но до отправления поезда оставались считанные минуты и она поняла, как надо действовать.

- Как я рада, что у меня тоже есть прадедушка и прабабушка,- сказала она.- Сейчас вы дадите мне свой адрес и я вам обязательно напишу. А уезжаю я по своей воле и за это не надо ругать моего папу.

Она обняла стариков и они сразу растаяли, смягчились... Женщина заплакала. Кондуктор напомнил, что уже пора заходить в вагон, поэтому старик начал шарить по карманам в поисках бумаги, кто-то из друзей пастора дал ему блокнот, Зигфрид протянул авторучку. Поезд уже поплыл вдоль перрона, когда прадедушка протянул листочек с адресом и прокричал довольно дружелюбно какие-то наставления, растаявшие в вокзальном шуме. Еще несколько мгновений было видно машущих вслед стариков, а потом и они исчезли.

Лина не выходила из купе и теперь дети собрались вокруг нее.

- Как же мы до сих пор не знали, что у тебя есть дедушка и бабушка? - весело спросил Михаил у матери. Теперь, когда обстановка разрядилась, все воспринимали происшедшее с приятным любопытством. И только Лина сидела, сжавшись, и страдающе смотрела на мужа. Сыновья поняли, что родителям сейчас не до шуток и ушли в соседнее купе, оставив с ними Елену. Было решено, что дети устроятся рядом впятером, а Елена до Бреста будет ехать с родителями.

Дети терпеливо молчали, зная, что родители всё им расскажут. Лишь Михаил высказал предполо-

жение, что мама никогда не говорила о бабушке с дедушкой лишь потому, что росла без них и считала это родство навсегда утраченным.

Елена недоумевала, почему старики на перроне называли правнучкой только ее, а на остальных просто не обратили внимания. Зигфрид и Лина не знали, как поступить дальше. Когда отец вышел из купе, Елена спросила у матери:

- Мама, я уже взрослая, всё пойму... Скажи мне, ты меня родила до своего замужества?

Лине было и холодно, и жарко... Но Елена ждала ответа и мать как в прорубь бросилась:

- Девочка, я тебе все расскажу, но не знаю, сможешь ли ты вынести еще один удар?

- Говори, мама, после случившегося с Тимой я уже ко всему готова,- попросила Елена.

- Ты не моя дочь, Лена. Твоей матерью была Линда Ветт, но она умерла при родах. Но разве я была плохой матерью, дитя мое? - она заплакала и Елена бросилась ее утешать. Успокоившись, Лина рассказала Елене несложную тайну своего материнства. Они сидели, обнявшись... Зигфрид, подойдя к двери и увидев эту сцену, понял, что настал миг объяснения и вмешиваться не стоит...

- Елена, ты еще можешь вернуться,- сказала, утирая слезу Лина,- в Москве дедушка и бабушка твоей покойной мамы имеют двухкомнатную квартиру и по нашим временам ты смогла бы хорошо устроить свою жизнь. Одно лишь хочу тебе сказать: ты мне так же дорога, как и остальные. Может быть, еще дороже, ты ведь была первой...

Елена не дала ей договорить:

- У меня есть мать, это ты, моя мамочка! - рыдала девушка, склонившись к Лине.- Я ведь знаю только тебя и папу, моих братьев и сестер. Не говори так, я никогда вас не оставлю. Ты слы-

шишь меня, никогда! После гибели Тимы я всегда буду с вами!

Когда Зигфрид вернулся в купе, Елена и Лина все еще сидели, обнявшись. Он не стал ни о чем спрашивать - их заплаканные лица говорили без слов. Зигфрид сел рядом с дочерью и она обняла его тоже. Так и сидели они до сумерек. В соседнем купе дети слышали голоса и рыдания, но терпеливо ждали. Вскоре их позвали к ужину. Начинались пограничные проверки и в суете было не до вопросов. Потом улеглись спать...

Эмигранты

В Брауншвейг семья приехала утром и вскоре уже все были в лагере для переселенцев во Фридланде. Красивое название - Фридланд! Местность и впрямь была живописной. Но Клемм был обеспокоен. Однажды после обеда его пригласили в служебный кабинет и за закрытой дверью неприветливый чиновник начал подробный опрос о прошлом. Как положено, он представился, но Клемм, волнуясь, не расслышал его имени и теперь стеснялся переспросить. Пришлось сосредоточить внимание на немецком языке, который все же отличался от языка Клемма, да и общались они в семье преимущественно по-русски.

- Господин Клемм, в России вы были пастором баптистской церкви. Какой характер имело ваше общение со службой госбезопасности? - расспрашивал чиновник.

Клемма обидела его прямолинейность. Он ответил:

- Наши взаимоотношения были столь тесными, что от этой тесноты мне не осталось места в России и меня вытеснили. А люди, пребывающие в тех

связях с КГБ, которые вы, видимо, имеете ввиду, все еще живут там.

Чиновник сделал вид, что не заметил некоторой резкости собеседника. Видимо, она была ему привычной.

- Вы знакомы с пастором Иоганном Мартенсом?

- Если и знаком, что из того? - Зигфрид терял терпение.

Чиновник улыбнулся. Его развлекало, что каждый разговор с этими людьми с Востока начинается одинаково: они недоверчивы, от государства не ждут ничего хорошего, на вопросы отвечают вопросами.

- Прошу вас,- сказал он,- не воспринимайте мои вопросы как посягательство на вашу безопасность. Вы просто можете не отвечать и я не обижусь. Я лично заинтересован в судьбах советских баптистов. Мой дедушка был миссионером на Кавказе, он протестант.

Клемм понимал, что его собеседник находится на службе и выполняет свой долг. Но и советские контрразведчики вели свои беседы в дружественном тоне и тоже, наверно, уверяли, что хотят лишь добра людям... Почему он пытается расспросить о Мартенсе? Имеет ли право Зигфрид говорить о людях, оставшихся на Востоке? Не повредит ли он им?

Чиновник понял затруднительное положение Клемма и разрешил ему уйти, даже проводил до двери. Но эта беседа омрачила Зигфриду восприятие новой страны. Он понял, что и здесь функционируют тайные службы, с которыми надо держать ухо востро. И есть ли гарантия, что его неосторожное высказывание не будет передано в КГБ? Итак, он свободен и не свободен?

Неужели и здесь не прекратится преследование?

Но уже на следующий день появились друзья, узнавшие о приезде семьи Клемма. После беседы с ними внутреннее напряжение прошло. Зигфрида уверили, что за ними никто шпионить не станет. Такая слежка возможна только в том случае, если бы Клемм стал проявлять интерес к военным или коммерческим секретам с целью выполнить какие-то поручения спецслужб России. Уже бывали случаи, когда эмигрантов отсылали к прежнему месту жительства по обвинению в шпионаже. Но чаще всего речь шла о бывших гражданах ГДР. Если же Зигфрид не отягощен такими связями, ему нечего опасаться.

Клемм приехал в Германию с чистой совестью, поэтому он окончательно успокоился. Его друзья не скупилась на добрые советы. Особенно настаивали они на переезде семьи в те районы страны, где уже есть общины приехавших из России баптистов. Но Клемм решил, что им еще рано проявлять самостоятельность и он будет полагаться на предложения властей.

На третий день после приезда во Фридланд им предложили переехать в Унна-Массен, где семье предоставлялась небольшая трехкомнатная квартира. Клеммы двинулись в путь. Девушки заняли одну из комнат, сыновья поселились в той, окна которой выходили на магазин, а родителям досталось, что осталось, то есть комната с окном на север.

Потом началась беготня с приспособлением всех необходимых документов к местным условиям. К сожалению, это вызывало необходимость посещения многих чиновников и Зигфрид шутил, что немецкая бюрократия не уступает советской. Заявления о приобретении гражданства, перевод дипло-

мов и их подтверждение соответствующими службами, вопросы интернирования. Приехавшим словом и делом помогали сотрудники немецкого Красного Креста.

Профессиональная подготовка Клеммов не вызвала осложнений и была признана без оговорок. Елена в России окончила консерваторию и хотела бы получить место учительницы музыки. Наташа училась в средней школе и теперь намеревалась закончить учебу и получить аттестат об образовании. Сима тоже собиралась учиться в школе, а потом все-таки стать портнихой. Петр держал курс на технический вуз - в России он учился в техническом училище. Михаил пока пребывал в затруднении. Он работал заготовщиком на сталелитейном заводе и надеялся найти похожую работу. Лина в свое время изучала экономику и тоже надеялась поработать по специальности, чтобы помочь семье встать на ноги. Сам Зигфрид сразу же получил несколько предложений от христианских, миссионерских организаций. Особенно импонировала ему возможность готовить на русском языке христианские радиопередачи. Льстило, что его скромную персону заметило радио «Свободная Европа». Но на бирже труда им посоветовали не спешить с началом трудовой деятельности, а вначале пойти на шестимесячные курсы немецкого языка. Такие курсы помогали понять многое в жизни новой для них страны.

И только Павел пребывал на перепутьи. 22-летний парень мечтал о военной профессии. Но в чужой стране переселенец из Советского Союза, наверно, не имел особых возможностей для армейской карьеры? Павел решил ничего не говорить родителям, а сам начал переговоры с компетентными организациями. Его смущала перспектива быть

непонятым. Дело в том, что Павел был очень спокойным, незаметным. Он весьма редко высказывал свое мнение, никогда не протестовал. Такой тихоня в казарме? На военных маневрах? Павел опасался насмешек.

Неделю за неделей Клеммы прилежно изучали немецкий язык. В свободные часы они посещали баптистские общины в разных городках Рура. К большому удивлению они обнаружили, что среди переселившихся из Советского Союза баптистов тоже существуют разногласия, в ряде общин приведшие к расколу. Они притащили сюда проблемы раздела на зарегистрированных и нелегалов, привезли обычаи, часто не совпадающие с местными. Нетерпимость к курению и спиртному в какой-то степени совпадала с настроениями местных протестантов, но вот запрещение девушкам носить короткие волосы и брюки многих шокировало. Богослужения длились не менее двух часов, в воскресенье были обычными пять проповедей - три с утра и две вечером. По стилю и содержанию проповеди были рассчитаны на слушателей с недавней родины.

Клемм быстро уловил своеобразное несоответствие во взаимоотношениях местных и приехавших христиан. Известные в России руководители баптистских общин выступали с докладами и сообщениями о преследовании верующих в Советском Союзе, но церкви Германии считали светскими, временными, нарекали на распущенность, потакание привычкам верующих. Когда супруги уже довольно сносно разбирались в местной обстановке, Клемм сказал Лине:

- Они тут пытаются получить как можно больше денег от верующих для миссионерской работы на Востоке, но им не хватает терпимости, чтобы по-

нять местные обычаи и нравы. Получается, что деньги не пахнут, а те, кто дает деньги, все же пахнут не так, как хотелось бы приезжим!

Лина возразила:

- Ты слишком требователен, Зигфрид. Приехавшие не получают достаточной психологической подготовки. Правительство создало для нас условия максимального благоприятствования: наши люди приезжают большими семьями, им выплачивают пособия, предоставляют жилье, целый ряд льгот помогает им наверстать упущенное и сравняться с местными жителями. Кстати, приезжие покупают автомобили, другие товары далеко не первой необходимости, тогда как немецкому рабочему порой приходится собирать деньги на такие покупки в течение ряда лет. Но об этом не говорят приезжим, не готовят к вступлению в общество потребления и у них создается иллюзия, что им все чем-то обязаны, что они вправе требовать, судить, решать, тогда как они пока что лишь гости этого общества и своим трудом должны заслужить право на собственные суждения и оценки.

Зигфрид отметил про себя, что Лина неплохо овладела немецкой терминологией, но все же заметил:

-Лина, но ведь немецкое правительство - не нянька!

- Безусловно,- согласилась Лина,- но вместо компенсации за землю, отобранную большевиками еще у наших дедов, было бы лучше содержать на эти деньги работников социальной сферы, которые научили бы нас обращаться с деньгами и ценными бумагами, рассказали, как побыстрее и без досадных ошибок влиться в местное общество. Посмотри на наших детей. Мы прожили здесь едва пару меся-

цев, а каждый из них уже приобрел хороший двух-кассетный магнитофон и все, кроме Симы, учатся водить автомобиль, собираясь его приобрести. Как на это посмотрят коренные немцы, которые приучают своих детей самим зарабатывать себе на такие подарки, считают каждую денежку? Поймут ли они приезжих, живущих здесь на их налоги?

Зигфрид еще раз подумал о том, какая же умница у него жена!

- Извини, милая,- сказал он.- Я как-то не подумал об этом. Ты, наверно, права! Мы просто не готовы к жизни в этом обществе. Во времена Сталина заключенным нередко подолгу не давали ни крошки хлеба. Потом выдавали недельный паек и это заканчивалось трагедией: многие не выдерживали, съедали весь хлеб и умирали. Множество людей стали жертвами такого искушения. Это похоже на наш неумеренный восторг от немецкого изобилия. Он может погубить многих приехавших сюда.

- А вывод? - подхватила Лина.- Надо позаботиться, чтобы наши дети как можно скорее начали сами работать и в поте чела добывать себе хлеб насущный. Нельзя быть нахлебниками у гостеприимных и состоятельных хозяев.

Пожелание Лины вскоре исполнилось. Наташа уехала в Эммерих, где в условиях интерната собиралась закончить школу. Сима тоже отправилась в интернат, но уже в Эспелькампе, где совмещала учебу в средней школе с обучением профессии. Елена стала учительницей музыки, а Петр - студентом технического вуза. Родители не хотели отпускать от себя Елену, а поэтому было решено, что остальные дети, а это были Павел и Михаил, уедут с ними в маленький городок, где предложили место Елене.

Зигфрида особенно тревожила младшая дочь Сима. Ему казалось, что условия жизни в Германии вскружили девчонке голову и она может стать легкомысленной, увлечься внешними атрибутами благосостояния. Вот и сейчас она купила модные вельветовые брюки и заявила, что больше никогда их не снимет. Он постоянно пытался увещевать Симу, в этом его поддерживала жена.

- Мамочка,- вздыхала Сима,- здесь ведь не Россия, здесь иные обычаи и я не хочу отличаться от здешних девушек. Ты же не хочешь, чтобы я носила сарафан и кокошник? Библейская группа в Эспелькампе не менее верующая, не менее духовная, чем мы были в России. Они искренне любят ближних, беззаветно проповедуют Слово Божие. А что нам дали длинные косы, длинные юбки и платочки? Разве мы от них стали лучше, добрее? Совсем нет! Это всего лишь дань прошлому. На самом деле мы боялись выйти за пределы общины, варились в собственном соку, закрывали глаза на бездуховность других, на страдания и нужду вокруг нас. И ты это считаешь высокой духовностью?

Лина онемела от удивления. Девчонка всего полгода в Германии, а уже имеет такие взгляды! О Боже, к чему это приведет! Хорошо хоть остальные дети послушны и не торопятся менять свои взгляды и привычки. Но что случилось с Симой? Доселе послушная девочка, теперь она щеголяет, как публичная женщина, в узких брючках и облегающем свитере. Формы ее тела /надо сказать красивые / так и выпирают наружу. И ей не стыдно замечать любопытные взгляды мужчин, касающиеся высокой груди и бедер? Помнит ли она, что всегда была христианкой? Ох, Сима, Сима!

« Как наш «тинейджер» - так здесь называли

подростков - в одиночку отправится в Эспелькамп?» - тревожились родители. Но Труди Матис, воспитательница интерната, успокоила их. «Мы с мужем будем особенно внимательны к вашей девочке», - пообещала она. У самой Труди был пятилетний мальчик, муж ее проповедовал в небольшой местной церкви. Проповедник Матис искал дружбы с Клеммом еще и потому, что диакон Путц из общины Зигфрида в России был его двоюродным братом. Это обстоятельство смущало Зигфрида: он не знал, следует ли говорить Матису о двойной роли его родственника. За него это сделала Сима.

- Так Путц ваш двоюродный брат? - удивилась она. - Он у нас был очень влиятельным человеком и даже уполномоченный по делам церкви боялся его. А все потому, что Путц работал на КГБ и ему там платили. Я сначала ничего не знала, а мне потом рассказали, чтобы при нем была осторожнее.

Да, Сима не церемонилась с новыми друзьями. Но Матис не ужаснулся ее сообщению, принял его спокойно.

- Мне это известно, Сима, - сказал он. - Я довольно много знаю о своем двоюродном брате. Так уж сложилось... Однажды он приезжал в Чехословакию и меня попросили с ним встретиться. Тогда и открылось...

Зигфрид Клемм понял, что местные считают обычным делом вынужденное сотрудничество советских людей с госбезопасностью - надо же выжить в ужасной стране насилия? А может, они не представляют себе моральной сущности такого «стукачества» и считают взаимный контроль гражданским долгом каждого?

Новые неожиданности

Вскоре после переезда семьи Клемм в новый город, бургомистр пригласил пастора на чашку кофе. Это означало непринужденную беседу для укрепления знакомства.

- Как поживает ваша семья на новом месте? - поинтересовался он.

- Спасибо, мы поживаем хорошо,- ответил Зигфрид.- Но многое нас смущает. Все мои дети удивительно быстро нашли себе место в новом обществе. Елена учительствует в вашем городе, Михаил опять на заводе, а Павел, хотя и безработный, но уверен в своем будущем. И остальные так же. Не покажется ли местным людям несправедливым, что к нам относятся с такой предупредительностью?

- О пастор, успокойтесь,- улыбнулся бургомистр.- Мы выполняем свой долг по отношению к братьям, не по своей воле оказавшимся в беде. Кроме того, мои земляки не так уж просты, как вам кажется. Приехавшие из России немцы готовы на любую работу, любой заработок им кажется благом, они легки на подъем... Вот и вы без труда переехали в наш город. А местные немцы ищут работу, которая устраивала бы их по множеству компонентов: и недалеко, и не пыльно, и с перспективой роста в ближайшем будущем, и так далее... Как вы думаете, когда мы открыли границу для так называемых «гастарбайтеров», то есть приезжих рабочих? Только тогда, когда уже никто из немцев не хотел браться за метлу мусорщика! Теперь же некоторые из немцев передумали и готовы сами выполнять черную работу, потому что приехали к нам далеко не лучшие люди. Но уже поздно, ворота открыты. А с восточными немцами тоже не просто. Если мы пустили в свой дом турок и болгар, то как можно

не пустить немцев? Рассеянный народ имеет право воссоединиться на исторической родине.

«Рассеянный народ», - эти слова бургомистра напомнили Зигфриду предсказание его покойного отца, так и не нашедшего счастья в чужой земле. Отец верил, что немцы, как и евреи, обязательно почувствуют тягу к воссоединению и потянутся на родину. В них тоже живет своеобразная «тоска по Иерусалиму». Чем ее объяснить? Был ли это национализм или простая усталость от извечного унижения, извечной необходимости отстаивать свое национальное достоинство, доказывать свое право на жизнь в обстановке невыносимой ненависти, питавшейся завистью и шовинизмом? Любой деревенский пьяница был выше немца лишь потому, что принадлежал к коренной национальности...

- Вы знаете, как меня и моих детей частенько называли в России? - пожаловался вдруг Зигфрид бургомистру. - Мы были нацисты, фашисты...

Эти слова можно было услышать в очереди за хлебом, в тесном трамвае, где угодно... Я очень опасаюсь услышать здесь, что мы - русские свиньи, поедающие немецкие налоги. А ведь я, инженер, мог заработать в России на содержание семьи. Мы жили вместе, жили дружно. И не моя вина, что обстоятельства заставили нас приехать сюда... Теперь моя семья разобщена, мы опасаемся потерять влияние на детей.

Бургомистр видел усталость Клемма и искренне ему сочувствовал. Почти год семья жила в непривычных условиях, четыре месяца в их городе, и за это время накопилось немало нерешенных проблем, наблюдений, много такого, о чем хотелось бы поговорить начистоту.

- Пастор Клемм, - сказал бургомистру, - мои кол-

леги попросили меня узнать у вас, не готовы ли вы как-нибудь вечером, в свободной обстановке, рассказать городскому совету о первом опыте вашей жизни в новой стране. У вас есть возможность сравнить нынешние условия жизни с вашей жизнью на Востоке, подсказать нам, не совершаем ли мы какие-нибудь ошибки в организации быта наших переселенцев...

Пастор Клемм знал, что бургомистр в свое время тоже пережил возвращение в Германию. Этот пожилой, умный, рассудительный человек в годы нацизма жил в изгнании и до сих пор не избавился от легкого американского акцента. После продолжительной жизни в США бургомистр не мог понять, почему немцы-баптисты из России после переселения собираются в своеобразные гетто, живут замкнутыми, изолированными общинами, цепляясь за утраченный быт, ссорясь и подозревая друг друга? Ведь на Востоке они так тосковали по Германии, а теперь живут здесь как будто временно, что-то пережидая... Возможно, пастор Клемм поможет понять эту загадку восточной души, подскажет, как найти путь к приезжим и помочь им быстро и безболезненно войти в новое общество?

Бургомистр мучительно искал разгадку этого явления. Была ли она в простой мещанской зависти обывателей к переселенцам, опирающимся на довольно щедрую помощь государства? А может дело в извечном немецком высокомерии, в пренебрежении ко всему, не имеющему марки «made in Germany»? Или это мелкобуржуазная узость, порождающая неприязнь ко всему, что пускает корни по соседству? На примере США бургомистр видел, как может выжить любая этническая группа, и не мог понять, чего же не хватает немцам из

России, чтобы не быть национальным меньшинством, а раствориться в своем народе?

Клемм видел, что его пожилой собеседник был не из тех людей, которые спрашивают об одном, но надеются услышать совершенно другое и постоянно ставят ловушки, пытаясь найти скрытый подтекст даже там, где он начисто отсутствует. В этой стране Клемм не ждал вопросов такого рода, но тем не менее постоянно слышал их / или ему так казалось?/. Но сейчас Зигфрид понимал, что этот мудрый человек ищет диалога и был готов полностью открыться перед ним.

У Зигфрида была еще одна причина для тревоги. Недавно Елена вернулась домой хмурой и весь вечер плакала, закрывшись в своей комнате. Родители решили, что она плачет о Тиме Клостере и не расспрашивали девушку ни о чем, а лишь молились за нее. Наконец Зигфрид не выдержал нервного напряжения и постучал в дверь к Елене. Она открыла не сразу, но он настаивал и дверь, наконец, открылась, Елена в слезах бросилась к отцу на шею и пожаловалась: «Отец, зачем ты привез нас в эту проклятую Богом страну?»

- Расскажи мне, что случилось? - отец осторожно подвел Елену к дивану, они сели. Елена заговорила, рассказывая о впечатлениях, накопившихся у нее за четыре месяца работы в школе. Все знали, что у нее хорошее музыкальное образование: Елена играла на пианино и всех струнных инструментах. В школе она вела классы скрипки, альты и фортепиано. Одной из ее учениц скрипка не давалась и Елена посоветовала ей попробовать себя на пианино. Девочка сказала об этом родителям, те возмутились и отец девочки обрушил свой гнев на учительницу.

- Что вы, русские, понимаете в музыке! - кричал он. - Вас надо вернуть в Россию, где вы сможете учить деревенских мужиков играть на балалайке! Вы не способны сказать хоть слово без этого ужасного акцента, как вы можете учить немецких детей! Рядом с вами они разучатся правильно говорить!

Для молоденькой учительницы это было уже слишком, она повернулась и побежала к директору школы, чтобы сказать ему, что не сможет больше работать. А вслед ей неслись слова:

- Из-за таких как вы нас облагают огромными налогами! Возвращайтесь в свой коммунистический рай!

Елена горько плакала:

- Но, папочка, она действительно не подходит для скрипки! С ней уже занимались многие учителя и, наконец, передали ее мне! Примитивное пикивание и никакого прогресса! Я этого больше не выдержу! Пусть пробует что угодно, но только не скрипку!

Зигфрид молча гладил дочку по голове. Ему было трудно найти слова утешения: ведь и сам он до сих пор не нашел себе работы по специальности и трудился подручным в кузнечном цеху. Радиопередачи на русском языке он готовил скорее на общественных началах: пока что ему ничего не платили, а он стеснялся намекнуть, что не отказался бы от гонорара. Лина устроилась бухгалтером и довольно быстро освоила особенности немецкого учета. Безработным был Павел и пока никто не знал, что у него на уме. Так что семья, имея средства для жизни, не избавилась и от проблем.

За это время Клемм стал пастором в местной баптистской общине русских немцев. Здесь многие

чувствовали себя проще, можно было не следить за своими высказываниями из опасения сказать что-нибудь не так или невзначай кого-нибудь обидеть. В общине можно было откровенно рассказать о своих впечатлених и даже пожаловаться на непонятную немецкую действительность. Приезжие были здесь между своих и говорили так, как привыкли говорить у себя дома. Такие случаи, как пережитый Еленой, только укрепляли единство общины - здесь понимали трудности каждого.

- Может быть, я поговорю с твоим директором?
- после молчания спросил отец.

- Директор знает,- ответила Елена.- Я не успела выскочить из класса, как он пришел на крик. Директор настаивает, чтобы я официально пожаловалась на этого родителя, но я этого не хочу. Это было бы не по-христиански. Директор у нас из Восточной Пруссии и хорошо понимает ранимость переселенцев. Его родители погибли во время бегства при наступлении Красной Армии и ему пришлось хлебнуть горя. Я и отца девочки понимаю, он переживает за свое дитя. Но сразила меня его немецкая надменность! Я здесь не останусь! Лучше я поеду в Москву к бабушке с бабушкой. Они уже старенькие и надеются на мою помощь. Вот письмо из России.

Клемм читал неуверенные строки: « Дорогая внучка! - писал старик. - У меня руки дрожат, не могу написать красиво. И на длинное письмо сил не хватает. С каждым днем мы становимся старше. Мы завещали тебе нашу квартиру, пусть будет твоим убежищем после нашей смерти. Если тебе там нехорошо, возвращайся к нам, как-нибудь проживем под московским небом».

У Зигфрида вдруг заболело сердце и он уронил письмо, схватился за грудь. Елена побежала за таблеткой, на шум пришла встревоженная Лина, но Зигфрид отрицательно помахал рукой, показывая, что опасности нет и он хочет остаться с Еленой. Вскоре боль утихла.

- Доченька,- сказал Зигфрид,- ты знаешь теперь все о себе. Всю правду. Знаешь и то, как мы тебя любим. Лина любит тебя не меньше, чем остальных детей, и нам будет особенно трудно с тобой расстаться. Твое возвращение в Россию будет для меня тяжелым ударом. Но если ты не можешь здесь жить, я готов всё вынести.

Елена прижалась к отцу и прошептала:

- Не будем спешить, папа. Я попробую еще раз! Может быть, я все таки смогу...

Этот случай заставил Клемма задуматься над предложением бургомистра, которому он вначале обрадовался. Поймут ли его члены городского совета? Мастер цеха называл их бюрократами... Поймут ли они, о чем, собственно, идет речь? Ведь для того, чтобы проблемы переселенцев взволновали человека, он сам должен быть, как бургомистр или директор школы, пришельцем. А если рассматривать эти сомнения только с точки зрения благосостояния, то вообще можно ничего не увидеть. Нет, думал Клемм, вряд ли в городском совете поймут в чем дело.

Нас используют здесь, как остальных гастарбайтеров, как рабочую силу и платят хорошие деньги, но никто не спросит, как мы себя чувствуем в этом обществе, как справляемся с возникающими психологическими проблемами и что делаем с деньгами, которые по сравнению с недавним прошлым зарабатываем с избытком. Мы остаемся людьми

второго сорта, думал Клемм, представителями неполноценной расы. Рабочая сила ...

Пастор Клемм ошибался. Немецкое правительство в заботах о выезде немцев из коммунистических стран Востока и, прежде всего, из Советского Союза руководствовалось самыми гуманными соображениями. И действовало весьма энергично. Красивая фраза - «воссоединение семей» - была лишь предлогом для заключения договоров, обеспечивающих массовый исход немцев на историческую родину. После многих лет страданий они получали возможность возвратиться в страну своих предков и жить здесь свободно, с полным сознанием того, что они вернулись домой. Так думали в правительстве. Но при этом возникало обстоятельство, которое нельзя было устранить никакими ассигнованиями. Советские немцы еще в прошлых поколениях утратили остатки немецкой культуры, не знали традиций своего народа /изоляция, идеологическое давление, депортации преследовали также и эту цель/ и теперь обретали в Федеративной Германии новую чужбину, привлекательную и непонятную.

К сожалению, ни государство, ни церковь так и не попытались решить эту проблему. Была возможность и на основе разъяснительной работы среди коренных немцев уменьшить предубеждения и помочь хотя бы молодым переселенцам быстрее найти себя в новом обществе. Этого не случилось.

Перед городским советом

Пастор Клемм вышел к небольшой трибунке и вспотел. Он вдруг понял, что не знает о чем говорить. Так много накопилось на сердце, что ночью он мысленно произносил длинные, пламенные речи, а сейчас посмотрел на достойных членов городского совета с женами и взрослыми детьми и потерял голос. Он был готов бежать из этого изысканного зала и спрятаться где-нибудь в уголке, как бездомная собака. На душе было тревожно и пусто. Господа и дамы, источающие запахи лучшей европейской косметики, выглядели так великолепно, что Клемм сразу же потерял надежду найти с ними общий язык. Поймут ли они надежды тех тысяч немецких женщин, которые сейчас с кайлами и лопатами в руках, в черных ватниках грузят на тракторные прицепы навоз, разбивают слежавшиеся минеральные удобрения, укладывают рельсы на шпалы, стоят в очередях или ждут попутных машин на холодных перекрестках сибирских дорог? Они все знают о Германии, но эта сказочная страна кажется им такой же далекой и недоступной, как райские сады... Их возвращение зависит от взятки участковому милиционеру, от настроения совхозного бригадира, от секретного циркуляра партийного комитета... Для того, чтобы понять все это, надо просто родиться там, за Уралом, и прожить хотя бы до совершеннолетия, как его дети.

Зигфрид подумал, что уже очень давно стоит перед муниципальными господами и поспешил начать свою речь. На самом же деле прошло лишь мгновение и никто не заметил сомнений приезжего пастора, а минутную задержку собравшиеся отнесли на счет вполне понятного волнения, охватывающего любого оратора. К тому же, пастор соби-

рался говорить без заготовленной бумажки, а это опытные советники тоже оценили.

- Уважаемые дамы и господа! - начал Клемм.- Когда мои предки пришли к Иисусу и стали меннонитами, на них обрушились преследования. Они жили в Пруссии, где особенно почиталась военная служба. А меннониты превыше всего ставили заповедь: «Не убий!», они были истинными пацифистами и по своим убеждениям не могли служить в армии. За это на них обрушились жестокие наказания не только денежные штрафы и конфискации, но и лишение свободы, избиения, принудительные заключения в казармы. Что было делать? В это время Россия вышла на степные просторы у Черного моря и нуждалась в людях, способных вести здесь сельское хозяйство. Трудолюбивые, преследуемые немцы-меннониты были как раз кстати и российское правительство создало условия максимально благоприятные для бегства меннонитов из Пруссии. Так Клеммы оказались в украинских степях. У них было очень большое хозяйство: почти сто гектаров земли и множество скота. Но и работать приходилось, не покладая рук. Очень часто единственной книгой в доме было Евангелие, единственной музыкой - псалом. Но еще долго жил в семьях дух немецкой порядочности, степенности, деловитости, а дети воспитывались в почитании к родителям и оставленной ими родине. Об этом мне рассказывал мой отец.

У Зигфрида от волнения перехватило дыхание, он умолк и осмелился взглянуть в зал. Все напряженно слушали. Пастор продолжил:

- Господь вознаграждает трудолюбие и мои предки жили в достатке. Но Россию потрясали социальные бури и одна из них закончилась захватом власти в

далеком Петербурге кучкой большевиков. Многие посчитали случившееся малозначительным эпизодом, не зная, что большевики сделали ставку на самые низменные чувства и поощрили самых ленивых, опустившихся, жадных и бессовестных людей. Начались жестокий террор и вседозволенность. Призыв Ленина экспроприировать экспроприаторов комиссары перевели на доступный язык: грабь награбленное! Сразу же множество тружеников, своим трудом добившихся благосостояния, оказалось вне закона и массы жаждущих наживы босяков ринулись убивать их, отбирать имущество, жечь дома и хозяйственные постройки. Банда грабителей примчалась в поселения немцев-меннонитов. Убивали всех, кто попадался на глаза, предавали огню всё, что горело. Мои бабушка и дедушка были убиты, а их дети, восемь их было, балками-оврагами бежали в степь и там переждали грозу. Когда они вернулись, селение пылало.

Дом, хлев, конюшня и сараи лежали в руинах и дымящемся пепле... Их родители были мертвы, скот частично был забит, но большей частью угнан и лишь отдельные телки бродили в отдалении...

Клемм услышал непривычные звуки и остановился. Отдельные дамы плакали и он подумал, что не стоит продолжать, но бургомистр молча покивал головой и жестом поощрил пастора к продолжению рассказа.

- Семеро сестер и братьев моего отца решили уехать из опасной степи и вспомнили, что в Сибири, близ Омска, у них есть родня. Только мой отец преодолел убеждения меннонита и пошел в Красную Армию, начавшую действия против степных банд. Он хорошо сражался и стал командиром. Пять

раз он был ранен, но не оставлял службы, считая, что в стране нужно навести порядок и дать людям возможность растить хлеб и доить коров, как делали это его родители. Последнее ранение, уже на Дальнем Востоке, было очень тяжелым: он потерял левую руку и правую ногу. Оправившись от ранения, он отправился искать своих братьев и сестер. Адреса у отца не было, но он помнил название поселка, где жила родня, и направился туда. Никого из Клеммов уже не было в живых: все они стали жертвами бедствий в первые годы революции. Их жилища стояли пустыми. Но поблизости, в селе Масляном, отец застал своего дядю - тот был вдов, смертельно болен и ждал конца в жалкой лачуге. Вокруг свирепствовал тиф, но дядя умирал от туберкулеза. Страшный кашель изводил его. Умирая на руках племянника, он успел сообщить ему, что не все его родственники погибли в этих местах, кто-то из них отправился в Омск, надеясь там найти работу и пропитание.

Отец похоронил дядю и двинулся в сторону Омска. Ковыляя на костыле, он взбирался на тормозные площадки товарных вагонов, отвоевывал себе местечко в теплушках и так продвигался на восток. В дороге он встретил такую же несчастную женщину-меннонитку, истощенную и больную. Они поддерживали друг друга в пути, но были вынуждены оставить железную дорогу и пешком добрались до коммуны имени Ленина, позже преобразованную в колхоз с таким же названием. Героя революции согласились приютить в коммуне, Марлена Сименс стала его женой и они решили навсегда остаться в этом селении. Родители Марлены были вынуждены оставить свое хозяйство на произвол судьбы и в странствиях умерли.

У моих родителей было пятеро детей — я старший из них. Отец мечтал видеть своих детей образованными, постоянно говорил об этом и, работая сторожем, берег каждую копейчку для будущей учебы. Но учиться я пошел уже без него. Возможно, он неосторожно высказался в присутствии свидетелей, а скорее всего ему припомнили происхождение их семьи, имевшей свою землю, но вскоре отца забрали и его жизнь оборвалась за Полярным кругом, где начинали разработку норильского никеля и нуждались в дармовой рабочей силе. Тем не менее мне удалось поступить в технический вуз как сыну участника гражданской войны и в 1953 году окончить его. Мне выдали диплом инженера-механика с отличием и я до сих пор уверен, что именно прилежание и отличная учеба спасли меня от исключения по требованию мандатной комиссии, потому что об отце здесь знали.

В Омске я женился. Я тогда не был верующим, состоял в комсомоле, как и все мои сверстники, но никогда не был воинствующим безбожником и не оскорблял верующих. Видимо, в генах остались представления предков-меннонитов об истинной вере и нужен был лишь толчок для пробуждения. Такой импульс дала встреча в 1956 году с верующим человеком. Ковалев — такова была его фамилия — так много и убедительно рассказал мне об Иисусе Христе, что я немедленно обратился к Богу и с тех пор исповедую христианство. Моя супруга Лина вначале не приняла моего обращения всерьез, даже посмеялась над ним, считая временной блажью, но постепенно, в ходе длительных наших бесед, признала мою правоту, посетила несколько богослужений и решила разделить со мной жизнь во Христе. Став верующими, мы вступили на путь постоянных

испытаний. Я, правда, сохранил свое место работы, потому что после 1956 года в стране ненадолго изменилось отношение к жертвам репрессий и теперь о моем отце говорили как о герое революции. Но все равно нам приходилось выслушивать оскорбления от самых разных людей. По любому поводу нам напоминали, что мы принадлежим к народу, чья армия вторглась в сорок первом году в пределы Советского Союза. При этом было неважно наше отношение к этому событию - достаточно было того, что и мы - немцы. А после крещения я и остальные члены семьи в атеистическом обществе стали, если не подозрительными, то вообще странными - как можно признавать то, что не признано правящей партией. Каждого верующего считали здесь религиозным фанатиком, способным на непредсказуемые действия. В 1960 году мы переехали из России в один из городов на юге Казахстана, где я в 1962 году стал пастором в зарегистрированной общине евангельских христиан-баптистов.

Вы можете спросить, что такое - зарегистрированная община? Как раз в это время многие протестантские общины в Советском Союзе стали выходить из-под контроля государственной коммунистической системы и отвергли ряд предписаний, бывших условиями регистрации общин и разрешения их деятельности. В частности, баптисты протестовали против запрещения воспитывать в христианском духе детей и подростков, нести евангельское учение в массы. Таким образом, часть верующих избрала путь подполья и преследований за веру. Мне всегда были глубоко симпатичны христиане из незарегистрированных общин как последовательные ревнители идей первоапостольской церкви. Но я не хотел раскола в своей общине,

потому что из-за него моя паства лишилась бы благовествования и духовной поддержки. Тем не менее мы поддерживали деньгами семьи христиан, лишенных свободы, предоставляли наши квартиры для подготовки подпольных изданий, направляли своих людей в помощь нелегальным типографиям. Об этом знала от своей агентуры служба госбезопасности, но ее сотрудникам не удалось выйти на след и они не имели конкретных доказательств нашего участия в этих делах.

Я считал и считаю, что реформирование протестантской церкви следует начинать в самой церкви, а не извне. Я не верю, что раскол может увести наши общины от контроля со стороны коммунистических служб. Ведь незарегистрированные общины подвергались еще большей агентурной обработке, чем принявшие условия государства. Мои усилия были направлены на то, чтобы вывести как зарегистрированные, так и незарегистрированные общины на единые позиции сопротивления контролю со стороны советских спецслужб. К сожалению, не все из незарегистрированных баптистов понимали меня и от них мне приходилось выслушивать обвинения в предательстве. Но моя позиция не была секретом и для КГБ, следствием чего стала моя высылка из страны. С этой целью была проведена довольно сложная операция.

Через одного руководителя Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов разыскали на Западе моих далеких родственников и уговорили их прислать мне вызов на выезд из СССР. Я действительно получил такой документ... Но в Германию я не хотел. Хотя я и обратился к Богу, но мои политические воззрения еще недавно мало отличались от коммунистической трактовки окружающего мира. И это не удивительно...

Мое мировоззрение формировалось под всеобъемлющим и хорошо организованным давлением коммунистической идеологии. Когда я разобрался в ее сущности, то понял, как она искажает нравственный облик человека. Но Германию я знал лишь по советским кинофильмам и книгам советских писателей. А они рассказывали преимущественно о второй мировой войне, которая в Советском Союзе называется Великой Отечественной.

Они рассказывали о доблестных, самоотверженных советских воинах, которые противостояли орде одичавшей от крови солдатни, готовой убивать мирных жителей, насиловать и грабить. И все это на фоне ужасающих картин фашистских лагерей смерти. Я понял, что в обеих странах господствует тоталитарный режим, что коммунистическое и нацистское господство не имеют существенных различий, что и в Германии власть принадлежит таким же продолжателям прежней политики, как и здесь, только политику свою они слегка закамуфлировали... Зачем же было мне менять одни неприятности на такие же?

Тем не менее на меня оказывали большое давление, вынуждая написать заявление на выезд. Я решил посетить Германию, чтобы самому разобраться в истинном положении дел и попросил гостевую визу. На заводе, где я работал, мне сообщили, что я буду уволен. Руководство общины настаивало на моем переселении: на них тоже оказывали давление. И в конце концов меня поставили перед свершившимся фактом, вручив документы на выезд всей семьи в Германию на постоянное проживание.

И вот я здесь, в Федеративной Республике Германии. С первого дня мы получили поддержку

правительства - много сделано здесь, чтобы советские немцы не бедствовали. Я могу сказать, что по сравнению с местными жителями наше положение более предпочтительное. И, конечно, здесь мы живем много лучше, чем в Советском Союзе. И все же вся моя семья пребывает в угнетенном состоянии. В чем дело? Мы не можем не замечать недоброжелательного отношения к нам многих бюргеров. Мы «грязные русские», живущие на средства немцев, вынужденных платить большие налоги. Ведь мы получаем компенсации за политическое интернирование, «возмещение затрат по возвращению на родину», пособия по безработице, нас поощряют строить собственные дома, потому что у нас большие семьи и для них трудно найти квартиру. Нам предлагают ссуды с низкими процентами.

Конечно же, мы используем благоприятные возможности: строим жилье, покупаем вместительные автомобили для наших больших семей, возводим церкви. Мы потребляем всё, что только можем получить. Но в повседневном быту мы часто следуем обычаям советского образа жизни, а поэтому с точки зрения местных немцев поступаем нерационально, неправильно. К тому же и поведение приезжих в магазинах, на вокзалах, в других общественных местах нередко отличается в худшую сторону: так они привыкли жить на Востоке. Это раздражает наших сограждан, нас не без оснований считают непредсказуемыми, невоспитанными. Раздражает и наше стремление быстро наверстать упущенное. Если голодного человека посадить за обильный стол, его манеры вначале не будут изысканны.

Такой человек может и лишнее съесть, если врач не подскажет ему, как правильно поступить. Однако никто не помогает нам подсказкой, как

лучше использовать появившиеся у нас деньги.

Нашего состояния не поняли коллеги и соседи. Да и как им понять нас, если они имеют лишь смутное представление о том, как нам жилось на Востоке? Они шокированы появлением таких соседей и сотоварищей по работе, испытывают к нам зависть и раздражение, легко переходящие в ненависть. Они не видят разницы между немцем, приехавшим из России навсегда, и иностранным рабочим, пытающимся лишь заработать и вернуться домой. А приехавшим из России христианам еще труднее влиться в местное общество, потому что они привезли с собой иные нравы и обычаи, приобретенные в коммунистическом обществе. Эти обычаи они воспринимают как своего рода отличие от нехристианского мира и не спешат расставаться с ними. Замужние христианки стойко держатся за обязательные платочки на голове как символ своей веры и не знают о том, что таких же правил придерживаются мусульманки, и в Германии протестанток трудно от них отличить. Девушки тоже одеваются иначе, чем их местные ровесницы и поэтому в школах молодежь часто считает их странными, не спешит принимать в свой круг. Приезжие воспринимают такую осторожность как высокомерие и замыкаются в своем кругу, обиженные и испуганные.

Некое ощущение своей неполноценности имеет и верующая молодежь, которая тоже не без труда приживается в христианских общинах. Молодые люди пытаются исправить положение, опираясь на свое материальное преимущество, но этот путь оказывается ложным и только увеличивает разрыв. Угнетает моих братьев и недостаточное знание немецкого языка, наш восточный акцент.

Иногда я спрашиваю себя: вправду ли после второй мировой войны в Германии покончено с

национализмом или тупая ограниченность тех лет превратилась в бездушие, ставшее преградой на пути возвращения немцев из России в страну их дедов? Действительно ли покончено с немецким шовинизмом? Извините, мои дамы и господа, за такую откровенность, но именно в эти дни моя дочь, учительница музыки, переживает душевный кризис, порожденный предвзятым отношением к ней в школе. Я должен сказать вам, что в Советском Союзе при всех известных недостатках этой системы такой конфликт вряд ли мог случиться.

Пастор Клемм пытался объяснить, что не только благосостояние необходимо человеку, вернувшемуся на свою историческую родину. Мало привезти восточных немцев в Германию, нужно помочь им влиться в немецкое общество. И если в такой адаптации не помогут церкви, землячества и другие общественные объединения, то не лучше ли восточным немцам оставаться в Сибири и на Урале? Ведь там они пустили корни вопреки национальным преследованиям и всем лишениям социалистического образа жизни. Советский Союз был для них тем же, чем был для евреев Египет во времена библейских фараонов, а Германия может стать равнодушной мачехой. У немцев один отец, но разные матери. Клемм заметил, что это сравнение может кому-то показаться неуместным, но если говорить о несоответствии культур, то именно оно хорошо объясняет положение. Зигфрид пытался объяснить этим людям, особенно более молодым, отношение русских немцев к государству вообще, сложившееся у них на основе личного опыта. Ведь советское государство было системой, подавляющей личную инициативу, нивелирующей таланты, не признающей предприимчивости. Оно было направлено

против человека. И многим в зале трудно было всё это представить.

Лине Клемм высказывания мужа показались резкими - все-таки они были здесь в гостях, но она его понимала и поддерживала. Ее радовало, что муниципалитет внимательно выслушал ее мужа. Некоторые в зале были беспокойны, их встревожили слова пастора. И когда председательствующий предложил начать обсуждение и задавать вопросы, поднялся мужчина помоложе.

- Наше государство сделало для вас всё, что только было в наших силах, а вы, оказывается, еще и недовольны? Почему бы вам не вернуться в Россию?

Клемм грустно посмотрел на молодого человека:

- Если бы я мог, то последовал бы вашему совету. Правда, там меня ждет тюремная камера, но зато и предельная ясность во взаимоотношениях с государством. А здесь даже вы не попытались понять меня...

Слушатели смущенно молчали и пастор понял, что ему не удалось передать собравшимся свои сомнения и тревоги. Он поблагодарил за внимание, выслушал ответную благодарность. Зигфрид уходил из зала с чувством, что и в этот раз его не поняли. Наверно, не следовало быть откровенным с людьми, пришедшими лишь посмотреть на диковинку: немца из далекой и загадочной Азии.

Со смешанными чувствами уходила из зала Лина. Ей льстило, что их принимают на столь высоком уровне. За этой встречей могли последовать новые знакомства, приглашения, полезные для всей семьи. А теперь о них будут вспоминать с недоумением... Но, зная мужа, Лина понимала: он не мог поставить личное выше того, что было важно для всех, в

том числе и для государства, принявшего их.

КОНЕЦ ДРАМЫ ЕЛЕНЫ

Павел сбился с пути?

Елена возвращалась домой в приподнятом настроении. Сегодня она показала ученикам видеофильм о Моцарте, потом состоялось обсуждение и учительница ощутила искренний интерес класса к великому человеку, поняла, что это ей удалось увлечь детей. Вот и сейчас ее провожали две ученицы, беседа о судьбах музыки.

Вдруг Елена резко остановилась и удивленные девочки сделали то же самое. Учительница обняла их за плечи и повернула в обратную сторону. Они даже прошли немного до автобусной остановки. Здесь Елена попрощалась с юными спутницами и ушла, оставив их в легком недоумении по поводу такой перемены настроения. Вызвало же ее неожиданное зрелище: ее брат Павел выходил из бара «Лас Вегас».

Вечером они остались вдвоем в комнате. Елену радовала спортивная выправка брата: он мечтал о службе на границе и усердно готовился к этому. Осуществление мечты зависело от призыва в армию. Елена спросила:

- Понравилось в баре?
- Понравилось, - без промедления ответил Павел и лишь после этого удивленно посмотрел на сестру.
- Девочки?
- А хотя бы и так! - Павел был недоволен вопросом. - Мне уже исполнилось 23 года, а я еще так мало знаю о жизни. В том числе и о интимных ее сторонах... Я даже толком не знаю, как устроена женщина...
- Разве об этом нужно узнавать из грязных

фильмов и в общении с дамами сомнительной репутации? Есть другие пути и самый верный: найди себе девушку, дружи с ней и вы сумеете узнать всё друг о друге. Ведь в супружестве люди долгие годы приобретают такие познания...

- Я вообще-то видел только один фильм и больше не хочу, с меня достаточно... И вообще, я вскоре уйду от родителей,- сменил тему Павел.

- Брат мой, - воскликнула Елена, - а как же твоя вера?! Есть ли еще в твоём сердце Иисус?

- Да, Елена, да! У меня ничего не было с дамой из бара! Я и не собирался искать такую связь. А если бы и пытался, то за такую встречу надо заплатить 250 марок, а их у меня нет!

Елена смотрела на брата, сбитая с толку. Его раздражение передалось и ей. Но она преодолела его:

- Павел! Ты же знаешь, как я люблю тебя! Если бы ты доверился мне со своими тревогами, мы вместе нашли бы выход!

Павел лишь улыбнулся:

- Спокойной ночи, моя милая, наивная сестренка! - сказал он и вышел из комнаты.

Случилось так, что Зигфрид в соседней комнате слышал разговор своих детей и теперь сидел, удрученный новыми осложнениями. Он закрыл руками лицо и раскачивался в кресле, пытаясь овладеть своими чувствами. « О Боже! - шептал он. - Дети мои выросли, как сложится их путь? Помогите им! ». Павел был членом баптистской общины и посещение бара было провинностью, которую следовало рассмотреть на ее собрании.

Провинившийся не мог участвовать в Вечере Господней и выполнять порученные ему задания.

В тот же день Зигфрид попытался поговорить с

сыном, но Павел не принял его увещаний: - Ни ты, ни советская школа ничего не объясняли нам об этой стороне жизни, а теперь пришло мое время во всем разобраться. Так что же плохого в том, что я побывал в баре? Это же не значит, что мне там понравилось? Просто мне нужно самому всё увидеть!

Проступок Павла и его позиция не могли быть семейной проблемой для пастора, ибо его сын был таким же верующим, как и остальные братья и сестры, поэтому случившееся стало предметом всеобщего обсуждения. Ни увещания старейшин из братского совета, ни советы других верующих, а среди них были и ровесники Павла, не помогли, сын пастора отстаивал свою правоту и был исключен из общины.

Это был тяжелый удар для впечатлительной Елены. Еще никогда кто-либо из ее семьи не подвергался такому осуждению. Ее угнетало, что беда случилась именно с Павлом - всегда спокойным, уравновешенным, но излишне замкнутым. В сущности, родные никогда не знали, что творится в его душе. Но ни с кем из братьев и сестер Павел не был столь близок, как с Еленой. Она опасалась, что исключение окажется слишком тяжелым наказанием для брата, но Павел был все так же невозмутим, по утрам читал Библию, спокойно молился, съедал свой завтрак и уходил из дома. Елене показалось, что он даже стал благочестивее, требовательнее к своим словам и поступкам.

Вскоре исполнились ожидания Павла: его приняли на пограничную службу. Уже на следующее утро после получения этого известия Павлу надлежало явиться в соответствующий центр в Мюнхене. Вечером вся семья собралась в гостиной. Прос-

таться с Павлом приехали Сима из Эспелькампа, Наташа из Эммериха. Петр тоже был здесь. Озабоченно смотрели родители на своих детей. Как сложится их дальнейшая жизнь? Будет ли Павел хлопотать о возвращении в общину евангельских христиан-баптистов, вышедших из России? Его невозмутимость свидетельствовала о глубоком разрыве. На Симе по-прежнему были вельветовые брюки, а у Петра, пожалуй, волосы длинноваты. И Петр, и Сима, с точки зрения родителей, были излишне самоуверенны, независимы. Только Михаил не изменился.

Наташа села к пианино, Елена взяла скрипку. В комнате звучала музыка Генделя, Моцарта, потом - Бах. Вместе спели несколько хоралов, разученных в хоре. Потом Сима села около Павла:

- По крайней мере, она хоть была хорошенькой? - прошептала она на ухо брату. Павелотреагировал молниеносно:

- Ты спрашиваешь о героине фильма? Сима, она была столь отвратительна, что у меня пропало желание знакомиться с девушками и ухаживать за ними. Это было ужасно!

- Хороший урок? - прошептала Сима.

- Я навсегда изменился,- ответил Павел.

Сима ликовала в душе и внешне. Она поцеловала брата в висок и сказала:

- Вот и хорошо, братик, я очень рада.

Для остальных происходящее было сценой из немого фильма, но никто не стал расспрашивать о причинах шушукания и радости... Сима ощутила некоторую напряженность и стала рассказывать о жизни евангельских христиан Эспелькампа. Отец слушал ее с некоторым скептицизмом, потом спросил:

- Ты проводишь евангелизацию в этих брюках, дочь моя?

Сима улыбнулась искренне и дружелюбно, но Зигфрид уловил в ее взгляде тень упрямства, даже неповиновения.

- Ах, папа, папа! - сказала она. - Ты неисправим! До сих пор измеряешь глубину веры по длине брюк, волос или платочку на голове... Зачем вы привезли сюда взаимные подозрения, неприязнь к другим общинам - неважно, зарегистрированным или нет? За эти старые грехи вы никого не наказываете в общинах? А Павла, который на мгновение поддался искушению и зашел в видеобар, вы исключили из общины. Ох, папа! Если бы ты своевременно рассказал сыну об интимной жизни людей, он не стал бы искать ответ на возникшие вопросы в неподобающем месте. Не слишком ли много строгих запретов?

Мама сидела в ужасе: таким тоном еще никто не говорил с родителями. И она не выдержала, вскричала:

- Сима, как тебе не стыдно? Как ты разговариваешь с отцом?

- Извините, но я уже взрослая, я уже самостоятельна и мне просто надоело видеть и слышать, как русские немцы-баптисты ссорятся и клеветуют друг на друга! Всего двадцать лет тому назад верующих отлучали от церкви лишь за то, что они слушали радио. Сейчас все имеют радиоприемники, но осуждают телевидение и готовы исключить каждого, кто включит телевизор! Почему же никто не выступит против извечных зависти, клеветы, вражды, ссор, жадности? Привыкли? Со своими юбками, своими привычками мы не стали примером для местных немцев. Мы приглашаем молодежь в наши общины и она приходит. Возможно, библейские познания этих молодых людей и уступают

нашим, но поверь, мама, со своими поверхностными знаниями они все же привлекательнее и понятнее, чем любой из нас!

Клемм молчал. Он все же не мог понять своих детей, все новое поколение. Павел окинул взглядом семью и предложил:

- Давайте помолимся вместе!

Отец посмотрел на сына с некоторым удивлением и кивнул. Он прочитал несколько стихов из Евангелия, потом они молились по очереди. Павел говорил: « Благодарю Тебя, Господь наш Иисус, за то, что я принадлежу тебе. Благодарю тебя за моих дорогих родителей, братьев и сестер! Я верю и знаю, что Ты никогда не оставишь нас на произвол судьбы, всегда поможешь и защитишь. Благодарю Тебя, Господи! Аминь. »

Остаток вечера они провели за столом. Разговор был оживленным и общим. После полуночи пошли спать, довольные общением и согретые семейным теплом.

Павел уехал очень рано, никого не разбудив... Все проспали и были этим несколько разочарованы. Когда родители постучали в дверь его спальни и вошли, то увидели лишь записку:

« Дорогие родители, дорогие братья и сестры! Я вас всех люблю. Мой адрес - всего лишь почтовый ящик, но вы пишете мне... Я буду ждать и молиться за вас. Я был и навсегда останусь верующим, христианином. Извините, что прощание было тяжелым. До свидания ».

Когда они читали записку, подошла Елена и стала читать, глядя через плечо отца. Она плакала...

За Еленой ухаживают

Это утро Елена решила посвятить спорту. Едва она вышла на улицу, как к ней подошел молодой человек в спортивном костюме, протянул руку для приветствия и представился:

- Фред! Я уже давно наблюдаю за вами, когда вы бегаєте вдоль улицы и в парке.

- Елена! - ответила девушка и покраснела. Еще более от этого смущаясь, она подумала, что никогда не привыкнет к тем особенным взглядам молодых мужчин, которые она просто физически ощущала на себе во время своих физкультурных упражнений.

- Извините, - сразу же стала недоступной Елена, - мне нужно пробежать свою дистанцию.

Она легко побежала вдоль улицы, но парень не отстал от нее, побежал рядом.

- Я хотел бы по утрам бегать рядом с вами, - сказал он. - Кроме того, я занимаюсь плаванием, но бег просто необходим для здоровья. Где же вы научились так хорошо бегать?

Елена на бегу ответила:

- Это не сложно. Нужно только правильно дышать и соблюдать ритм движения.

Она ускорила бег и оставила Фреда позади... Некоторое время за спиной было слышно его дыхание, но вскоре молодой человек отстал. Он и сам понял, наверно, что выглядит навязчивым...

Через неделю в дверь позвонили. Елена была дома и открыла. За дверью стоял Фред.

- Можно?

Елена помедлила, но все же разрешила ему войти. Она как раз готовилась к урокам и визит молодого человека был некстати.

- Простите меня, - сказал Фред, как бы угадав ее

мысли.- Я не собирался вам помешать, но узнал, что вы принадлежите к общине евангельских христиан-баптистов из России и хотел бы пригласить вас на наше богослужение. Я тоже баптист и посещаю нашу свободную церковь. В следующее воскресенье у нас состоится богослужение для молодежи и мы приглашаем вас с вашей семьей. Я вам оставляю номер своего телефона.

- Хорошо, оставьте,- просто и дружелюбно ответила Елена.- Мы посоветуемся.

Фред был вне себя от счастья, он просто лучился радостью. Протянув Елене визитную карточку, он попрощался и исчез.

Родители и Михаил согласились пойти на богослужение. Зигфрид в воскресенье поручил провести вечернюю службу в своей церкви диакону, позвонили Фреду и все вместе отправились в путь.

Молодежное богослужение несколько отличалось от того, к чему привыкли Клеммы. Собравшиеся начали петь веселые песни и показывать разученные сценки на библейские темы. Это несколько смущало привыкшего к благочинности пастора, но потом, как и в любой церкви, к трибуне вышел для проповеди полноватый мужчина постарше. Фред объяснил, что он уже десять лет приходит к ним проповедовать Евангелие, работает не в церкви, но очень любит выступать перед молодежью. Проповедник прочитал из Первого послания апостола Павла к Тимофею строку: «Никто да не пренебрегает юностью твоею; но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» /4:12/. Далее проповедник перешел к молодежным собраниям и сектам и начал изобличать господствующие в них оккультные увлечения, приверженность к гороскопам и другим предсказани-

ям, всем тем наслоениям, которые повергают человека в плен дьявола, отвращают от Бога.

- Что такое - гороскопы? - шепотом спросила у отца Елена.

- Напомнишь потом, я расскажу,- ответил пастор.

Когда закончилась проповедь, добрая половина молодых людей поспешила к местному пастору на исповедь.

После службы Фред спросил у Елены:

- Как вам понравилось богослужение?

Девушка углубилась в свои мысли и ответила не сразу:

- Что? Ах, извините!

Фред повторил вопрос.

- У меня сложилось ощущение,- задумчиво ответила Елена,- что пастырь намеренно напугал своих овецек близким присутствием и силой дьявола, заставив их ухватиться за спасительную полу духовника. Они побежали к исповеди не от внутренней потребности в таком очищении, а со страха, в поисках защиты, как испуганные дети бегут к матери или отцу. В это мгновение дьявол был возвеличен в своей силе, а наш Господь как бы отошел на второй план. Извините,если мой ответ вам не понравился, но я говорю искренне.

Фред промолчал.

Теперь Фред стал частым гостем в доме Елены. Его отец владел аптекарским магазином и Фред работал у него. Все поняли, что он ухаживает за Еленой, но ей самой его визиты были неприятны. Однажды вечером Фред объяснился ей в любви и сообщил о своем намерении просить ее руки.

- Милый Фред,- ответила Елена, - я не хотела бы вас разочаровывать, но должна вам сказать, что

моя жизнь была не столь безоблачной, как вы могли бы предположить. Я потеряла любимого человека. Он был моим женихом и погиб на советской границе. Эта рана всё еще в моем сердце и бедный юноша все еще со мной. Я вспоминаю его, советуюсь с ним, не могу забыть... Возможно, с годами эта боль сгладится, но сейчас она будет причинять вам одни огорчения. Подумайте, каково вам будет с девушкой, мысли которой заняты другим человеком.

Во взгляде Фреда Елена прочла изумление.

- Но ведь вы говорите об умершем человеке! - воскликнул он. - Вы свободны от данного обещания! А думать об умершем - это ведь мистика! Это как раз и есть тот оккультизм, о котором говорили в церкви! Вы находитесь под чуждым бременем!

Елена печально посмотрела на Фреда и сказала:

- Нам трудно понять друг друга... Кроме обещания и формальных уз, есть обыкновенная любовь, а она всеильна. Знаете, Фред, нам лучше всего расстаться. Я прошу вас уйти без личной обиды и забыть обо мне. В Германии немало девушек, достойных вас.

- Но, Елена, я только хочу помочь вам, - возразил Фред. - Вам нужно прочитать молитву и проститься со своим женихом, раньше вас ушедшим в иной мир. Иначе вы никогда не будете свободны.

Елена почувствовала себя обессиленной и бесконечно усталой. Она тихим голосом попросила:

- Уходите, Фред! Пожалуйста, уходите! Возможно, вам проще прочитать молитву и попросить отпущения греха, которым может быть все случившееся между нами. Но я уже ничего этого не хочу знать. Уходите!

Фред не тронулся с места. Тогда Елена открыла

дверь и позвала отца. Тот явился встревоженным. Елена сказала:

- Папа, прошу тебя, проводи Фреда. Мне нужно работать!

Зигфрид послушно проводил Фреда в переднюю, открыл дверь и тот ушел молча. Отец вернулся к Елене с вопросом:

- Что случилось, дитя мое?

- Отец, мне трудно быть рядом с этим человеком. Только что он заявил, что я, думая о покойном Тиме, впадаю в суеверие и нахожусь под влиянием темных сил. Я устала ...

Отец обнял Елену и усадил на диван. Он постоял рядом с ней, потом растерянно походил по комнате, опять остановился. Пастор не знал, что сказать дочери. Его богословское образование было ограничено Московскими заочными библейскими курсами и в вопросах оккультизма он разбирался мало, хотя недавно и молился об освобождении от влияния темных сил одного из членов общины.

«Елена попала под влияние скрытых сил, якобы существующих в мире и человеке? - Зигфрид был удручен этим предположением. - Эта тихая, впечатлительная девушка, его дочь, которая без тихой молитвы никогда не покидала комнату, так сознательно принимала Иисуса Христа, попала в мир предсказателей, волхвов, ворожек? Да ведь она недавно спрашивала у него, что такое гороскоп? Нет, это всего лишь обидное умозаключение молодого и самоуверенного Фреда!» Придя к такому выводу, пастор успокоился и спросил у дочери:

- Ты испугалась?

- Ах, нет, папа,- ответила она.- Глупость Фреда мне очевидна. Давай помолимся вместе, в том числе и за него, у меня действительно много работы.

Они помолились и Зигфрид оставил Елену с ее учительскими заботами, но на душе у него было тревожно. Он знал свою дочь и понимал, что слова Фреда запали ей в душу и она будет раздумывать над ними. Такие раздумья могли породить у девушки страх за правильность своего пути, вызвать сомнения... И Зигфрид вернулся к дочери с Библией в руке:

- Дитя мое, давай почитаем несколько строк из Нового Завета, которые помогут тебе утвердиться в том, что ты далека от каких-либо лжеучений. Это поможет тебе в дальнейшем.

Елена охотно согласилась и они провели вместе еще около часа.

Клемм встревожился не без оснований. Фред, озабоченный положением девушки, которую якобы надо спасти от плохого влияния, рассказал о ней в своей церкви и предложил молиться за Елену. Его поддержали. После молитвы братья и сестры начали расспрашивать у Фреда о подробностях такого прискорбного случая и молодой человек охотно рассказал все, что знал о трагической любви девушки и ее душевной связи с покойным женихом. Довольно быстро эта информация перешла в общину Клемма и теперь все спрашивали у пастора о состоянии Елены. Началось нечто, напоминающее охоту на ведьм. Теперь уже весь городок и его пригород, где в новых домах жили переселенцы, судачили о девушке, которая по ночам видит во сне своего покойного возлюбленного и с ним общается на основе оккультизма. Мало того - слухи ползли от семьи к семье - она участвует в спиритических сеансах, чтобы найти контакт с Тимом!

На собрании общины пастору предложили обьясниться. Раздавались голоса, что он должен оста-

вить пастырское служение, раз не смог даже собственную дочь уберечь от влияния темной силы. Клемм безуспешно пытался доказать, что все эти слухи и домыслы беспочвенны, что душа его дочери пребывает в чистоте и сама она может служить образцом христианской верности. Семья пастора была в смятении, не зная, как остановить молву. И когда Елене предложили исповедаться, он понял, что иной возможности успокоить единоверцев у них нет.

Усердствующие экзорцисты принялись за нежную душу с большим рвением. Не оставляя ни мгновения на передышку, они засыпали Елену вопросами о ее сновидениях, мечтах и грезах, сравнивали их с явью, расспрашивали о взаимоотношениях с Тимой при его жизни, о возможных интимных связях молодых людей, отношении обоих к молитве, о... Да о чем только не спрашивали у девушки люди, уверенные в том, что творят благое дело! Наконец, они пришли к заключению, что девушка отягощена влиянием темных сил и это влияние проявилось в ней как представительнице третьего или четвертого поколения. Было высказано предположение, что предки ее со стороны матери имели общение с масонами и пребывали в узах дьявола, могли совершить кровесмешение, а в далеком прошлом в роду Елены прослеживалась татарская кровь, татары же были язычниками и потому всё это могло и сегодня оказывать плохое влияние.

Елена была потрясена... Как могли эти религиозные фанатики судить о ее предках, если она сама имела о них довольно смутное представление? Откуда у них такой утверждающе безапелляционный тон, когда речь идет лишь о предположениях? Вна-

чале Елену охватил гнев, но скоро ее сопротивление сломалось и она безвольно участвовала в этом допросе, не пытаясь повлиять на его ход. Пусть обвинят ее во всех грехах, раз такова воля Господа - она примет это испытание. Правда, главенствующий на собрании сказал, что она освобождена от грехов ее предков и покойного жениха, но все же группа фанатиков неистовствовала вокруг Елены, тихо плакавшей в страхе и оцепенении.

Дома Елена бросилась отцу на шею:

— Отец, что они сделали с нами!

Клемм понял, что ему следует уйти с пасторской службы. Но это не уберегло его от бед. В ходе состоявшегося допроса преследователи узнали, что Елена не была дочерью Лины и теперь обвиняли его в супружеской неверности. Напрасно Клемм пытался рассказать историю рождения Елены - его никто не слушал. Грехи отца привели к падению дочери - такую взаимосвязь увидели в общине и даже обрадовались этой находке, способной, по их мнению, послужить поучительным примером для остальных. Клемма исключили из общины, а его дочь поручили заботам духовников, которых считали сведущими в оккультных пороках. События сказались на настроениях Лины и Михаила - они теперь присматривались к Елене, втайне опасаясь за ее душевное состояние. Ведь не могла же заблуждаться вся община?

Зигфрид в эти дни был особенно близок с дочерью. Вместе они читали Библию, беседовали о прочитанном, пели псалмы. Отец видел, что Елена - на грани нервного срыва. Как мог, он пытался помочь ей.

Клемм искал возможности побеседовать с пастором Лебером, сыном бургомистра. Он вернулся с

учебы в США вскоре после выступления Клемма в городском совете и от отца слышал о трудностях немцев, переселившихся из России. Сам Лебер работал над диссертацией о православной литургии и тоже был заинтересован в беседе с человеком, знавшим православное богослужение не понаслышке. Иоганн Лебер посетил несколько молитвенных собраний восточных баптистов и после этого представился Клемму. Зигфрид осмелился поговорить с ним о положении дочери. И это намерение оказалось удачным. Лебер понял все случившееся и занял ее сторону. Словом и делом он пытался поддержать девушку. Но Елена была так угнетена событиями последних недель, что уже не могла учительствовать, не воспринимала музыку, пугалась любого шума. Она оставила школу и зарегистрировалась как безработная.

Елена возвращается

После пережитого в общине ревнителю «душевной чистоты» не оставили Елену в покое. Они намеревались довести до конца ее очищение и навещивались в дом девушки, звонили по телефону. Пастор Лебер советовал обратиться в суд, но Елена не согласилась. Она решила вернуться в Советский Союз. Из Москвы пришло уже несколько писем от ее стариков, они успокоились и не упрекали более Зигфрида, но Елена понимала, что ее долгом было помочь им в одинокой старости.

Решение дочери потрясло Зигфрида, но он не стал перечить, понимая, что и в Германии у девушки не будет покоя. Однажды вечером, когда они вместе читали Библию, Елена попросила отца рассказать ей о московских родственниках. Пастор охотно рассказал то немногое, что знал.

Старые Беты, - начал он, - служили в системе

здравоохранения. В годы сталинских репрессий они тоже пострадали. Их дети отказались от них, опасаясь, что и на них падет беда. Тогда такое часто случалось: дети отказывались от родителей. Иногда лишь для виду. Но твой дедушка работал в партийных органах и не хотел терять хорошую должность. Когда весь этот кошмар закончился, стариков освободили и реабилитировали, а твои бабушка и дедушка незадолго до этого или вскоре после освобождения умерли. Я вспомнил - они уже были на свободе, но не могли приехать на похороны мамы, потому что не имели средств и были слабы. Не до путешествий им было. По этой же причине, когда ты родилась и не стало мамы, они попросили, чтобы ты оставалась со мной и даже посылали ежемесячно из своей пенсии 50 рублей, но вскоре я отказался от их помощи.

-Лина и я приняли крещение после рождения Павла. Об этом я написал старикам,- продолжил Зигфрид.- Они сразу же прервали всякие контакты с нами, хотя я могу предполагать, что они всегда всё о тебе знали. Думаю, что у них были связи в службе госбезопасности. Мы тебя удочерили и, как я уже сказал, отказались от их денежной помощи. Но старики все же перечисляли деньги в сберегательную кассу на твоё имя, кооперативную квартиру в Москве тоже записали на тебя. Так что у тебя есть и жильё, и некоторые деньги. Возможно, в Москве тебе будет лучше, чем здесь. Хотя нам трудно с тобой расстаться. И мне, и Лине...

Елена понимала, что её отъезд может подкосить отца, но уже не могла изменить своё решение. В советском посольстве ей выдали туристскую визу: семья уже имела немецкое подданство и Елена решила пока оставаться гражданкой Германии.

- Знаешь, папа,- сказала Елена отцу,- мне кажется, что мы везде будем чужими, людьми без отечества. В Советском Союзе нам нет места как верующим людям, а здесь самые обычные человеческие чувства показались демоническими. Религиозный фанатизм не уступает коммунистическому... И все же на Востоке сильнее вера в могущество Бога, а здесь любое второстепенное событие легко загоняет христиан в тупик, они видят в этом влияние дьявола.

Клемм кивнул в знак согласия. Бывали минуты, когда он охотно поменялся бы с дочерью ролями и уехал отсюда в привычный мир подозрений и неприязни.

Лина и Михаил освободились от наваждения и теперь испытывали чувство вины перед Еленой: как могли они поддаться влиянию общины?

После обстоятельной беседы с пастором Лебером они пытались извиниться, но Елена сказала:

- Не надо слов. Я вас понимаю. Мне было очень плохо, но я вас прощаю. Уж сами выясните перед Господом нашим свою вину. Одно лишь хочу вам сказать: я всё еще люблю Тиму и этой ночью вновь видела его во сне. Мы с ним читали 139-й Псалом на лесной лужайке. Мы и при его жизни это делали. Я записываю в тетрадку всё, что вижу во сне, когда появляется Тима. Эти записи я отдам его родителям - пусть они узнают своего сына и с этой стороны. Если же вы и сейчас думаете, что мною овладели темные силы, пусть Господь наш Иисус Христос будет вам судьей и подскажет, как поступить. Он знает, как оценить поступки братьев и сестер в этом городке. Опасаюсь, что Он всех нас накажет.

Слова Елены сильно задели Лину, но девушка

считала необходимым их сказать. Слишком тяжкими были ее страдания, чтобы молча увозить их с собой. Особенно невыносимым было отлучение от церкви ее отца. Она знала, что рана когда-нибудь с Божьей помощью заживет, но сейчас все еще было слишком свежо, чтобы жить иначе.

Семья Клеммов за своими тревогами, а также из-за недостатка политического опыта не заметила, что страдания Елены в значительной степени были вызваны нараставшей в стране кампанией сопротивления разного рода восточным религиозным школам и практикам. Немецкая молодежь охотно поддерживала йогу и трансцендентальную медитацию, увлекалась учением Будды и антропософическими альтернативами, проявляла интерес к парапсихологии и различным оккультным практикам. Многочисленные лжеучители странствовали по немецкой земле, наращивая свои счета в банках благодаря доверчивым слушателям. В христианские церкви также проникали подобные веяния и многие верующие не устояли перед искушением, колебались перед соблазнами легкого исцеления, таинственных ощущений и всего того, чем манили пресыщенное общество опытные софратители.

Естественно, что многих христиан испугало такое вторжение и они пытались противостоять ему. Но как отличить влияние темных сил от усталости, вызванной избытком информации, интенсивностью городской жизни? Как размежевать юношескую тоску или депрессию, вызванную какими-либо осложнениями в жизни, от бремени тайных практик, отяготивших душу подсознательным осознанием греха? Заклинатели и прорицатели нередко одевали мантию экзорцистов и на словах тоже осуждали все магическое. Завоевав доверие, предсказывали

будущее и называли прегрешения предков, которые надлежало искупить новым поколениям, порождая зависимость и безнадежность у многих своих приверженцев.

Практичные немцы охотно верили всему, что носило характер конкретных наставлений и предупреждений. Ведь проще следовать отдельным суеверным приметам, чем изо дня в день неукоснительно жить по заветам Господним! Рассказ о влиянии демонических сил на того или иного человека звучал убедительнее знакомого с детства повествования о победе над грехом, благодаря искупительной жертве Иисуса Христа на Голгофе. Истинные христиане остерегались искушения и, как правило, не попадали в сети соблазнительей. Для этого были достаточны некоторая самоизоляция, избирательность при просмотре телевизионных программ и чтении прессы, стремление сверять свои шаги с Библией и наставлениями своих духовных пастырей.

Но среди верующих появилось немало добровольных борцов с «нечистой силой», предпринявших слежку за своими знакомыми, наушничество, доносы. На каждом собрании верующих звучали весьма настойчивые и часто необоснованные предупреждения таких ретивых братьев и сестер о близящейся опасности. Вместо того, чтобы изобличать «лжепророков», такие люди обрушивались на часто ни в чем неповинных ближних, приписывая им несуществующие грехи. Особенной ретивостью отличались они, когда стремились кому-то отомстить, насолить или избавиться от неугодного человека. Как просто было обвинить его в чтении газетных гороскопов или в доверии к нетрадиционным методам лечения! Елена была права: учение

Христа с легкостью заменяли ересью. В каждом событии, прежде всего, искали влияния дьявола.

Случалось, что слабо подготовленные, не знающие психологии христианские проповедники и просто краснобай-любители сочиняли зловещие рассказы о влиянии сатаны. Они предлагали свою, теологически безграмотную трактовку многих изречений Библии, искали тайный смысл в притчах и пророчествах, внося немалую сумятицу в жизнь церковных общин. Христианство, прежде радостное в удачах и печалях, теряло свой облик, превращаясь в стонущую и плачущую массу людей. Голоса, зовущие к Библии и осуждающие такой разброд, не только не были услышаны, но в ряде случаев встретили осуждение: они, мол, тоже порождены коварством демонов, стремящихся усыпить бдительность ревнителей веры! Уже не различить было дилетантизм и фанатизм. Духовники предостерегали свою паству от общения с другими пастырями, якобы попавшими под влияние темных сил. Злой шепот нарастал в церквях. Общины распадались...

Некто, захотевший на основе особого вида «духовного просвещения» запутать христианские круги и омрачить их благодать во Христе, преуспел в своих намерениях.

Елена оказалась в этом круговороте, не имея достаточной информации о брожении в обществе. Всё, случившееся с нею, она воспринимала лишь как личную беду, не видя, что очень многие становились жертвами ханжества, лицемерия, «охоты за ведьмами». Огорченная, опустошенная событиями последних дней, она собирала вещи, готовясь к отъезду в Россию. Отец сидел рядом и время от времени утирал глаза. Его печалила разлука с до-

черью, хотя в глубине души Зигфрид чувствовал, что переезд Елены для нее благоприятен: в какую среду она не попала бы в Москве, к верующим или атеистам, многое ей будет понятнее и проще. Он знал, что на российских просторах Христа ставят превыше всего или начисто отрицают. В столкновении таких крайностей не приходится ждать коварства и Елене будет проще разобраться в перипетиях жизни.

- Так и только так Елена раз и навсегда освободится от предположений о демонических влияниях,- сказал Зигфрид жене и она согласилась с ним.

В связи с отъездом Елены Клеммы опять были вместе: Михаил, Петр, Наташа и Сима готовились к прощанию с сестрой. Павла еще не было. В семье знали, что его приняли в баптистскую общину коренного, так сказать, происхождения. Ее старейшинам он подробно рассказал, как и за что его исключили. Новые братья окружили молодого человека теплом и вниманием и теперь в письмах домой он с восторгом отзывался о них. Все знали, что Павел встретил девушку, которая стала его невестой. Рената была дочерью тамошнего пастора, изучала право. Молодые люди договорились, что подождут со свадьбой до окончания учебы.

В квартире Клеммов ждали Павла и уже немного волновались, хотя и знали, что его машина, прозванная «уткой», довольно тихоходна и до их дома доберется лишь в последний момент. Аэропорт был поблизости, в пятнадцати минутах езды, поэтому Клеммы решили ждать до последней возможности. Наконец Павел появился и обнял, даже поднял свою сестру. При этом он ощутил, как она исхудала и огорчился. Елена поняла его состояние и они оба заплакали. Павлу было стыдно перед

невестой: что за безумие творилось в среде верующих, приехавших оттуда, где вере вообще не было места!

Эта сцена всех взволновала. Никто не решался нарушить молчание последних минут. Елена и Павел тихо любили друг друга. Они никогда не говорили об этом, но каждый знал. К Рождеству Елена всегда получала от Павла именно то, о чем мечтала. Он же в свою очередь получал от нее одно и то же: шоколадку, которую тут же съедал. При этом оба радовались, как малые дети.

Настал миг отъезда. В аэропорту их ждал пастор Лебер. Он взял руки Елены в свои. Потом благословил ее. Они обменялись адресами и обещаниями писать, после чего Лебер ушел. Из общины не было никого.

Минута расставания близилась. С Еленой прощались, не сдерживая слез. Отец, целуя ее глаза, тоже почувствовал обильную соленую влагу. Взлетевший самолет все провожали взглядами до тех пор, пока он не превратился в темную точку и не исчез в небесной глубине. И лишь теперь Лина заметила, что необычно побледневший Зигфрид едва стоит, держась рукой за сердце. Потом он стал опускаться на землю и дети заботливо подхватили отца. Зигфрида срочно отвезли в больницу и врачи сказали, что у больного инфаркт миокарда.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ЕЛЕНА

Прародители

В самолете Аэрофлота старательно причесанные бортпроводницы улыбались Елене с доброжелательностью, рассчитанной, возможно, на истинную немку, а не на девушку, вышедшую из той же школы, что и они. Но девушка была так поглощена своими мыслями, что не замечала улыбок, рассеянно пропускала мимо своего кресла тележки с водой и сувенирными матрешками. Лишь в то мгновение, когда в динамике прозвучало объявление, что самолет вошел в воздушное пространство Советского Союза, Елена очнулась и посмотрела вниз. Сердце забилося учащенно. Всплыли свежие впечатления от прощания на аэродроме, последних дней в семейной квартире. Елена подумала: «Я ведь намеревалась навсегда покинуть эту жестокую страну! И вот я вновь здесь!»

Перед ее глазами стояли отец и Павел, необычно бледные, какие-то неземные... Отец, казалось, мгновенно постарел на добрых двадцать лет! Отлучение от церкви! Это же предательство! Он руководил небольшой общиной людей, вырвавшихся из коммунистической страны. Им было непривычно на обретенной родине и они хотели своей общине автономии. Отец не был строгим пастором, он никого не исключил, он даже не смог повлиять на своих дочерей, когда они стали одеваться так, как одевались их сверстники, но отлично от привычного. Когда они стали в таких одеждах приходить на богослужения, ему это не понравилось, но он, зная своих дочерей, понимал, что им не надо мешать, ибо за внешним копированием местных нравов у них идет глубокая внутренняя переработка своего жизненного опыта применительно к образу

жизни в этой стране. Новая жизнь настойчиво наступала по всей линии и надо было устоять, остаться на своей благоразумной позиции, найти свое место так, чтобы не потерять себя, свое лицо, свое несходство с этим унифицированным миром. И как осторожны были их родители, опасаясь настроить дочерей против себя, опасаясь стать в одну шеренгу с теми, кто противостоял девушкам, навязывая свое мнение, не позволяя самим разобраться в происходящем.

В недавнем прошлом большинство приехавших в Германию относилось к так называемым незарегистрированным баптистским общинам, в которых особенно ревностно соблюдали библейские наставления, хорошо знали Библию и могли, не открывая ее, цитировать строки о длинных и коротких волосах, о непокрытых головах, о бороде, о строгом соблюдении мужской и женской одежды. Пастор Клемм, ее отец, в числе первых понял неизбежность уступок новому миру, но его не поддерживали недавние соотечественники, обвинив в приспособленчестве, в подчинении светской жизни.

- Мы живем теперь в условиях западной культуры и должны приспособить свои привычки к жизни этого общества, - пытался убедить других ее отец. - Возможно, именно нам выпало вернуть к чистоте евангельской жизни многих людей, попавших под влияние меркантилизма, потерявших духовное начало в жизни. Но для этого мы должны понять друг друга, найти общее, а не выделяться в обществе, как белые вороны!

В разговоре с мамой Линой отец как-то сослался на пример всеми уважаемого секретаря Совета общин евангельских христиан-баптистов по зарубежным связям Георгия Винса, который носил бо-

роду и позволял своим дочерям на американский манер носить брюки и куртки, не в ущерб действительному участию в работе местной общины. Но и мама не поняла своего мужа, она считала, что в этой семье всё неправильно.

- Как ты можешь сравнивать наших детей с детьми Винса,- удивилась она.- Мы простые люди, а он ведь вон какую должность занимает! Ему просто необходимо выглядеть солидно, чтобы пользоваться доверием дипломатов и членов правительства!

- Возможно, возможно... Но ведь мало кто из дипломатов и членов правительства носит бороду, а их дети...

- Все равно наша молодежь, наши девушки и парни должны остаться такими, какими мы их вырастили в России! - Лина повернулась и исчезла за спасительной кухонной дверью.

Когда возникло осложнение с нею, с Еленой, недоброжелатели отца только обрадовались: теперь-то пастор будет вынужден сдаться! И они вынудили его уйти.

- Негодяи! - подумала Елена и принялась рассматривать московские пригороды, над которыми снижался их самолет. Не отрывая взгляда от иллюминатора, она взяла сумочку и еще раз посмотрела всё ли у нее готово для паспортного контроля. Под крылом промелькнуло огромное кольцо шоссеной дороги, окружающей безграничную Москву /Елена увидела только часть этой автострады/, самолет повернул к полям и земля так стремительно помчалась ему навстречу, что девушка даже на мгновение зажмурилась, но в следующее мгновение колеса коснулись серого бетона и люди в салоне оживленно зашевелились, освобождаясь от подспудного напряжения, обычного в каждом полете.

В аэропорту Елена быстро прошла все пограничные и таможенные формальности и оказалась в объятиях старого Бета. Он пришел без жены, но с друзьями, которые с шутками подхватили ее чемоданы и направились к стоянке такси. Елена же взяла старика под руку и поспешила за ними. Семеня рядом с Еленой, старик рассказал, что прабабушка сейчас в больнице, письмо Елены прибавило ей сил и по дороге они должны обязательно к ней заехать.

Елена охотно согласилась, хотя прощание и перелет утомили ее. Оказалось, что друзья ее прадедушки будут возвращаться в город автобусом и сейчас оставляют их вдвоем. Впрочем, Елена не была уверена в том, что они действительно остались вдвоем. Вблизи них были какие-то молодые люди со спортивной выправкой и по их поведению можно было предположить, что возвращение Елены снимают на пленку, хотя она и не видела камеры. «Что ж, Советский Союз не изменился», - подумала Елена.

Водитель уложил вещи в багажник и они двинулись. Прадедушка молчал и Елена тоже ни о чем не спрашивала. Москва была рядом, но пригород оставался деревней. Вдоль шоссе шли старушки в белых платочках, на зеленой лужайке мальчишки гоняли мяч. Елене очень хотелось опустить стекло и крикнуть этим людям: «Здравствуйте!», но она не сделала этого, потому что они ведь не знали, откуда она прилетела и почему кричит им приветствия. Такси мчалось по скоростной трассе и уже не различить было, где здесь русские старушки, татарские мальчишки и кавказские молодцы в больших кепках. Елена спросила:

- Говорят, что в Советском Союзе проводится

планомерная русификация населения, но мне кажется, что люди сохранили свои национальные различия? - спросила Елена. Старик не ответил. Он внимательно присматривался к дороге и вдруг довольно громко сказал таксисту:

- Вы не туда поехали! Это ведь изрядный крюк! Я вам заплачу больше, но без этих хитростей!

Водитель промолчал, но при ближайшем разрешающем знаке всё же повернул на прежнюю трассу. Елена улыбнулась: медленно меняются обычаи в Москве, каждый ищет возможности объегорить другого. Ей вспомнилось прочитанное когда-то, что и слово «объегорить» произошло от имени ловкого кельнера Егора, по-русски «полового», который умел блестяще обманывать посетителей и тем прославился. При такой предприимчивости русские, возможно, восстановят капитализм быстрее, чем предполагают на Западе.

Через полчаса такси остановилось у больницы.

- Подождите нас,- распорядился прадедушка, явно довольный тем, что водитель оказался послушным и самолюбие старика удовлетворено. Но Елена видела: старик очень слаб. Медленно двинулись они к главному входу. Бет показал Елене палату, в которой лежала прабабушка. Они вошли. При виде Елены старушка просияла, восторг лучился из ее глаз.

- Внучка! Моя дорогая внучка! - вскричала прабабушка, хотя на самом деле ее крик был весьма слабым.- Как я счастлива, что успела еще раз увидеть тебя!

Больная притянула Елену к себе и держала так долго, что у согнувшейся девушки заболела спина. Наконец ей удалось освободиться от объятий и она села у постели.

- До чего тебя довели эти мракобесы! - запричитала прабабушка, разглядывая Елену.

- Что ты имеешь в виду, бабушка? - озадаченно спросила Елена.

- Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, - ответила старушка. - Религиозные фанатики морально уничтожили тебя. Я ведь помню, какой ты уезжала. А теперь как надломленная соломинка! Это ведь по тебе видно. Ты не думай, мы все знаем! - с гордостью заявила бабушка.

Елена не на шутку встревожилась: неужто «охота за ведьмами» и здесь не прекратится? Или она здесь продолжится уже под иным знаком? Не лучше ли было ей остаться на Западе?

Прадедушка заметил ее растерянность и сказал: - Дитя мое, мы в России, где тебя никто не обвинит в суеверии. Об этом мы позаботились! Однако нам пора - счетчик в такси работает не в нашу пользу.

Они попрощались с больной и пошли к машине. Еще через сорок минут они были дома.

- Как здесь красиво! - воскликнула Елена, войдя в квартиру. Здесь было очень чисто, мебель подобрана со вкусом. Старик устремился в кухню и там суетился у стола. Елена заметила, как он доставал из холодильника лососину и баночку с черной икрой. Она прошла в гостиную и остановилась у большого окна. Внизу шумела московская улица. Девушка стояла у тюлевой завесы и тихо плакала...

Москва возвращалась с работы. Елена открыла окно. Прохлада наполнила комнату. С улицы ворвался гул моторов. Городской шум несколько успокоил девушку. Она огляделась. В углу стоял большой цветной телевизор. Диван и два кресла выглядели так, как будто их привезли с Запада. Зато маленький комод выглядел по-

русски, он был весь уставлен маленькими безделушками.

- Леночка, проходи,- позвал дед из кухни. Он заварил чай и выключил электрический самовар.

- Итак, моя ненаглядная,- сказал старик,- сейчас мы, наконец, уютно, не спеша попьем чайку. Садись напротив меня.

Елена уселась и робко посмотрела на деда:

- Можно мне помолиться?

- Ты разве еще не пресытилась этой религией? - искренне удивился старик.

- Я не религиозная фанатичка, дедушка,- сказала ему Елена. - Я просто христианка. Среди вас, марксистов, ведь тоже есть немало фанатиков и суеверов. Иначе вы не убивали бы друг друга с такой жестокостью в течение десятилетий...

- Хорошо, хорошо, моя голубка,- успокоил ее старик,- ты можешь молиться, я перечить не стану. Только тихонько. Я-то глухой уже, но соседи могут услышать и подумают о нас невесть что...А впрочем, молись как хочешь...

Елена улыбнулась и стала молиться вслух: «Господи наш Иисусе, Ты защитил меня от полного душевного и физического краха. Благодарю Тебя, Господи! Сними же, прошу Тебя, боль расставания с моих родителей, братьев и сестер. Наполни их сердца радостью и миром. Благослови моё пребывание у дедушки и бабушки, покажи им, что Ты - наш Спаситель, источник жизни и радости. Слава Тебе, Господи, во веки веков. Аминь!»

Старый Бет в это время мирно хлебал чай, но поперхнулся, расслышав последние слова Елены. Он долго кашлял, а потом не смог удержаться от комментария:

- Ты ошибаешься, думая, что старый Бет ждет Мессию!

Оказывается, прадедущка вовсе не был глухим! Елена взяла чашку с чаем и с наслаждением вдохнула дымящийся аромат. Этот запах она не забыла. Она действительно была в России.

Прадедущка был откровенно счастлив. Он не мог нарадоваться тому, что в их квартире поселилась такая очаровательная внучка.

- Отныне всё, что здесь есть, принадлежит тебе,- сказал старик.- Всё это оформлено у нотариуса. Ты можешь даже выселить нас в дом престарелых, чтобы наслаждаться жизнью. Бабушка скоро умрет, у нее рак. Потом придет мой черед. А ты будешь жить в достатке, об этом позаботились,- он был горд от того, что мог сказать всё это.

Елена слушала в полудреме. Глаза смыкались... Это заметил и дед, страшно смутился и повел девушку в ее комнату, довольно просторную, с пианино в углу и большим количеством книг - это была, в основном, русская классика. Елена упала на кровать и вновь заплакала. Незаметно для себя она уснула...

Очнулась Елена от того, что была в комнате не одна. У ее постели сидела женщина-врач. Она держала в руке кисть Елены и считала пульс. Девушка была раздета, в домашнем халате. Она не могла понять, что же произошло.

- Не волнуйтесь,- сказала гостья.- У вас высокая температура. Мне кажется, это реакция организма на трудности перелета. Возможно, сказались и другие переживания. Немного полежите в покое и все пройдет...

Родители

Пастор Клемм уже две недели лежал в больнице. Состояние его было критическим. Сказалось

значительное нервное истощение, добавилась простуда. Врачи не питали надежды на его выздоровление. У постели отца постоянно дежурили Павел и его невеста Рената. От Лины было мало пользы - она совсем забросила домашние заботы и часами сидела молча у кровати больного. Из общины никто не приходил - в силе было правило, что с исключенным не надо общаться.

Лина не могла простить себе, что не помешала исключению Зигфрида. Ведь история Линды Бет не была утаена, о ней они сообщили духовнику и при его участии всё случившееся было приведено в угодный Богу порядок. Не было никакого распутства! Они сочетались браком в полном соответствии с правилами морали. Но во время «расследования» Лина молчала, считая себя не вправе вмешиваться в разбирательство, направленное против мужа. Сам Клемм не пожелал объясняться, а она не помогла ему ни единым словом! В результате братья посчитали молчание супругов за признание вины, после чего Клемм, как прокаженный, оказался вне общины. И вот он лежит здесь, беспомощный, ослабевший.

Лина не искала оправдания себе, она не знала как искупить свою вину, как помочь мужу.

«Советские баптисты, как и советские коммунисты, не прощали ошибок, ничего не забывали», - думала Лина. Но была ли с ее стороны совершена ошибка? Когда Зигфрид встретил Линду, он еще не принял веру в Христа. Он еще жил в условиях, выработанных тем обществом. Почему же он промолчал? Почему она промолчала? Лина поймала себя на мысли, что она всё еще ревнует мужа к ушедшей из жизни Линде Бет.

- Он ведь всегда был особенно расположен к

Елене, она была его любимицей,- попыталась защититься Лина, когда Сима первой упрекнула ее.

- Но, мама,- вмешалась Наташа, - для папы мы все были равны. И если бы эти фанатики не узнали от какого-то мракобеса историю Елены, то мы сами никогда не додумались бы, что она нам не родная сестра, что у нее была другая мама. Вы оба были справедливы к нам . Конечно, Елена среди нас самая впечатлительная, поэтому папа был к ней особенно внимателен. Но разве это нас обижало? А ты своей ревностью сделала его жизнь невыносимой.

Да, это она все сделала, думала Лина у постели мужа. Она совсем запуталась в своих чувствах, в жалости к самой себе, в ревности, в угрызениях совести... Она так запуталась, что не смогла помочь своему мужу, когда он особенно нуждался в такой помощи. А теперь и дети, кроме Михаила, были против нее. Лишь у Михаила она нашла сострадание. Он тоже знал о ее необоснованной ревности, но упорно держал сторону матери. Так в семье Клеммов возникло противостояние, грозившее разрушить ее. Лишь больной Зигфрид ничего не знал об этом.

Дети между тем были все на верном пути. Наташа закончила школу и теперь изучала медицину. Сима училась швейному делу и обещала стать модной портнихой. Петр учился в техническом вузе и в эти решающие дни тоже был дома. Он предпочитал не вмешиваться в разговоры и слушал их как сторонний наблюдатель. Лишь однажды он не сдержался и во всеуслышание заявил:

- Всё это глупо и стыдно! Нам всем должно быть стыдно, что мы ничего не предпринимали для защиты родителей! Мы молча наблюдали, как дру-

гие расправляются с ни в чем неповинным отцом! Конечно, он был прав. Но кто послушал бы их? Через три недели в положении Зигфрида намечалось улучшение. Он начал принимать пищу, температура вошла в норму. Но отец был очень слаб для длинных разговоров. У постели сидела Рената, когда он спросил:

- Елена написала?

- Нет, еще нет,- испуганно ответила она.- Наверно, через границу письма идут долго.

Клемм вновь закрыл глаза. На его лице отразилась боль. Он ничего больше не сказал о Елене.

Прошла еще неделя и Зигфрид впервые встал с постели. Он был так слаб, что не мог передвигаться без Павла. Но день за днем прибывало сил и вскоре больной смог выходить с помощью сына в больничный парк, где они сидели рядом на скамейке. Они как раз беседовали, когда увидели, что к ним спешит Лина, размахивая почтовым конвертом.

Клемм даже поднялся и сделал шаг ей навстречу, но сразу же стал оседать на землю и Павел подхватил его. Жена и сын помогли ему вернуться в палату и уложили в постель. Лишь после этого он устало попросил:

- Прочтите же мне, что она пишет...

Павел взял у матери конверт с советской маркой, достал письмо и начал читать вслух: «Дорогая мама, дорогой папа, мой дорогой брат Павел, Рената, дорогие Михаил, Петр, Наташа и Сима! Наконец я собралась написать вам. Так тоскую за вами, что слезы переполняют глаза. Я сейчас совсем одна в большой квартире, доставшейся мне в наследство от прадедушки и прабабушки. Мои милые старики умерли в одночасье. И так случилось, что я не могла вам сообщить об этом, потому что и сама оказалась

в больнице. Сразу же после моего приезда у меня очень поднялась температура и меня вскоре забрали в больницу карета скорой помощи. Я поправилась лишь через две с половиной недели. Никто не сказал мне, почему меня не посещает дедушка. Лишь потом я узнала, что в первые дни моей болезни умерла бабушка. У нее был рак. А по дороге с кладбища у дедушки случился сердечный приступ и он тоже ушел из жизни. Об этом мне рассказали две недели спустя. Когда умерла бабушка, дедушка попросил ничего не говорить мне, чтобы уберечь от новых волнений. Его просьбу выполнили. Наверно, последнюю... Жизнь моя без вас кажется мне пустой. Ежедневно мне вас недостает. Папочка, не думай много обо мне. Меня здесь посещают. Я не осталась одна. Живу по библейским заветам. Помнишь у Матвея: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел Вам; и се - Я с вами во все дни до скончания века». Моя жизнь - Иисус. Здесь в Москве никакой фанатик или безбожник не лишит меня веры, присутствия Христа. Он так высоко стоит в жизни христиан, что никто не поколеблет нашу веру в Спасителя. Атеисты здесь со своими смехотворными доказательствами так же примитивны, как и прежде. Мама, не упрекай себя. Я всегда понимала твою душевную боль. Это была одна из причин моего отъезда в Москву. Я люблю тебя так же, как отца. Я ведь знала только твою любовь. Как же иначе? Если бы не вмешались радители о спасении моей души, никто так и не узнал бы, что я не твоя родная дочь. Я всех прощаю и тебя тоже от всего сердца! »

Чтение пришлось прервать, потому что Лина уже давно начала всхлипывать, а теперь просто

залилась слезами. Клемм смотрел на нее удивленно. Лина бросилась на постель и стала просить у мужа прощения. Он погладил ее по голове:

- Я давно уже все простил тебе. Успокойся. Павел, читай дальше.

«Дорогой Михаил,- писала далее Елена,- я надеюсь, что у тебя все хорошо на работе и в личной жизни. А что это никто из моих братьев до сих пор не женился? Странно! Наверно, Павел, ты должен показать пример всем. Попроси об этом Ренату. Она ведь самая лучшая и ты это прекрасно знаешь! Будь по-прежнему так же рассудителен и стань хорошим офицером. До свидания, мои дорогие. Передайте мой привет пастору Леберу. Я часто думаю о нем. Целую вас. Ваша Елена».

Все помолчали. Письмо пришло очень своевременно. Оно всех успокоило и примирило. Клеммы поняли, что не стоит ворошить прошлое и усложнять собственную жизнь. Тем более, что Господь возвратил им отца и теперь можно было подумать о дальнейших планах.

В поисках работы

Теперь Елене предстояло найти работу в Москве. Она посещала богослужения в одной из общин Евангельских христиан-баптистов, но не рассказывала о том, что приехала из-за рубежа. Старый Бет получил разрешение на прописку правнучки еще до ее приезда. Выздоровев, Елена побывала в посольстве Федеративной Республики Германии и решила искать работу. Оказалось, что вернувшейся из Германии учительнице музыки получить место не просто.

На второй неделе безуспешных хождений по инстанциям за дверью позвонили. Елена открыла

и отшатнулась - на пороге стоял полковник КГБ Милютин.

- Можно войти? - спросил он и вежливо поздоровался. Елена не успела оценить свои колебания, как он оказался в квартире.

- Я хотел бы поговорить с вами, Елена,- заявил Милютин. Хозяйка предложила ему сесть и сказала:

- Не знаю, как мне быть, полковник. Я ведь гражданка Германии и хотела бы говорить с вами в присутствии сотрудника посольства.

Полковник жестом остановил ее:

- Когда вы приехали в Германию, то не сразу стали гражданкой этой страны. У вас еще не было немецкого паспорта, когда сотрудники американской и английской служб безопасности беседовали с вами. Разве при этом присутствовали советские дипломаты?

Это было правдой. Милютин осмотрелся.

- Квартира неплохая. Кооператив? Обстановочка... Телевизор смотрите?

- Почти не смотрю... Разве что последние известия, а так стоит он сиротой, без работы...

- Как поживает ваш отец?

- Превосходно! - парировала Елена, хотя знала, что у отца есть трудности. И немалые...

- Так, так... Значит, превосходно... Но мы слышали, что его очень ловко лишили должности пастора. Это было сделано действительно превосходно. В этих делах, как оказалось, баптисты не уступают в мастерстве спецслужбам. У кого только учились? Мой сарказм небезоснователен. У эмигрантов в Америке бытовала шутка: если в общине останутся лишь два баптиста из Советского Союза, то всё равно отлучат друг друга от церкви.

Елена молчала. Она сидела напротив полковника и пыталась угадать причину его появления. Он приехал из провинции или уже успел получить повышение и обосновался в Москве? Милютин угадал ход ее мыслей:

- Мы, собственно, почти соседи. Наши дома разделяет лишь сотня метров. Не пожелаете ли навес-
тить нас?

«Этого еще не хватало!» - подумала Елена. Именно этот человек принес ей столько страданий, именно он терзал всю ее семью. Она охотно выставила бы его за дверь, но не знала как осуществить свое намерение. Наконец, она решилась:

- Товарищ полковник, именно с вами у меня связано много тяжелых воспоминаний. Более всего я хотела бы никогда больше не встречаться, но вижу, что едва ли мне удастся этого избежать, - она сама на себя разозлилась за такое окончание своего смелого заявления.

- Едва ли, - охотно согласился Милютин. - Ваш прадедушка обратился к нам и попросил помочь вам начать новую жизнь. Мы выполняем его просьбу. Я, например, намерен помочь вам найти работу... Прошу вас прямо сейчас написать заявление на имя директора музыкальной школы №4. Там уже ждут вас...

Милютин поднялся и пошел к двери. Елена подавленно молчала. У порога он остановился:

- Мои сыновья, Юрий и Олег, учатся в МГУ. Они будут счастливы с вами познакомиться... Вот наши координаты...

Он сунул в ее руку заранее приготовленную визитку.

- До свидания, Елена.

Она вздрогнула: лучше бы услышать свое имя от членов общины, чем от этого полковника. Но положение было сложным и Елена решила, что

ничего не случится, если она воспользуется помощью, организованной покойным дедом.

В музыкальной школе на следующий день и вправду ждали ее. Симпатичная молодая дама представилась как руководитель школы. Елена остолбенела, не находя слов: перед ней стояла ее однокурсница Рита Боткина!

- Елена Клемм? Это ты? В Москве? Товарищи не назвали мне твоего имени!

- Товарищи? - Елена почувствовала неловкость, не зная как отнестись к сказанному. Нет ли здесь подвоха, колкости? Не намекает ли Рита на товарищей из КГБ? Но прежняя подруга была так взволнована встречей, что не заметила смущения Елены. После некоторого промедления обе оказались в объятиях и вскоре уже сидели на диване.

Итак, Рита теперь была ее директором.

- Как же ты сюда попала? - нетерпеливо спросила Елена.

Многое произошло за годы их разлуки. Сегодня в школе не было утренних занятий и они могли вдоволь поговорить. Елена узнала, что Рита сразу же после учебы вышла замуж за офицера, который был на 15 лет старше ее. Майор Касаткин... Они жили вместе два года, пока советские войска не вошли в Афганистан. Рита ждала ребенка, но сделала аборт, получив извещение о гибели мужа в Кабуле. Раньше он жил в Москве и она отправилась сюда в поисках наследства. Всё, связанное с Афганистаном, было покрыто строгой секретностью и Рита от властей ничего хорошего не ждала. Но оказалось, что ее муж проявил в Кабуле героизм, кого-то спас или кого-то удачно убил и ему посмертно дали высокую награду. Теперь Рита стала вдовой Героя Советского Союза и могла требовать от военного ведомства компенсацию за потерянное

счастье. Компенсацию она получила в виде квартиры и должности, но к ней прилагался новый муж, сотрудник МИДа. Он был рядом с Ритой недолго, так как сбежал из Москвы с министерской дочкой. Не из МИДа, конечно, там у них строго, а какого-то внутреннего министра шустрая дочка.

- И вот я разведена, работаю, жду удачной партии. А как тебе жилось на Западе? Почему вернулась?

Елена погрузилась. Что она может рассказать своей бойкой подруге? К тому же, неверующей, пропитанной деловым московским духом...

- Ах, извини,- Рита по-своему истолковала ее смущение.- Если не можешь, не рассказывай, я не обижусь... Сама была женой военного... Наши с Лубянки, наверно, взяли подписку о неразглашении. Джинсы привезла? Здесь за ними все балдеют! Или покрывала? Я взяла бы парочку. Есть что-нибудь?

Рита тарахтела без устали и Елена была рада, что разговор перешел на тряпки. Конечно, у нее было во что одеться, а находчивая Сима положила в сумку пять джинсовых брюк и три модных покрывала.

- Ты будешь лучше смотреться в Москве, а это важно,- сказала Сима. Елена промолчала. Она никогда не носила брюк, но не хотела обижать сестру. А прадедушка позаботился о том, чтобы Елене не пришлось платить пошлину на границе. Надо сказать, что власти относились к «возвращенке» очень предупредительно: наверно, таких случаев в Советском Союзе было немного.

Подружки договорились, что продолжат свой «девишник» у Елены, а заодно съедят всё ещё лежащие в холодильнике черную икру и лососину - остатки гостеприимства покойного Бета.

Спустя несколько дней Рита сидела на кухне у Елены /принимать гостей на кухне - московский обычай/, поела деликатесы и просвещала Елену в вопросах романтических взаимоотношений с сильной половиной человечества. Она бегло рассказала о своих романах и страшно удивилась, узнав, что у Елены в таких делах нет никакого опыта.

- Как можно упускать такие возможности! - воскликнула Рита.- Еще придут времена нашей осени, а пока длится расцвет, нельзя отказываться от жизни! Я думала, что в Германии всё это много проще... Ведь пишут, что там есть беременные девчонки в 12-15 лет. А тебе ведь уже двадцать шесть! Нет, я не о беременности, упаси Боже, а о твоём девичестве! И как ты смогла просуществовать такой в Германии?

Елена покраснела и напомнила Рите:

- Не забывай, пожалуйста, что я - христианка!

Рита пренебрежительно махнула рукой:

- Я читала: Соломон и его отец... Как его?

- Давид, - подсказала Елена.

- Правильно. Они ведь не жеманничали в этих вопросах. Знаю, знаю, они еще не христиане... Но и времена сейчас другие - об эмансипации, надеюсь, слышала? Сейчас всё должно быть наоборот... Нет, нет, я больше никогда не выйду замуж. Статус вдовы Героя меня устраивает. Мне нелегко было восстановить его после второго замужества, я еще была неопытна. Эти мужья... Они все негодяи - только и хотят заполучить в свой дом рабыню: рожать детей, стирать белье, готовить, мыть посуду. Сам гуляет невесть где, а ты сиди дома и жди его высочайшего возвращения. Дудки! Хотя ребеночка я хотела бы иметь, но от настоящего мужика. Какого-нибудь тяжелоатлета вот с такими

бицепсами! - Рита показала на тонкой руке, какими должны быть мышцы ее избранника.

Елене ее болтовня была обременительна. Но она сдерживалась из уважения к давней подруге и нынешней своей начальнице. Наверно, так думает о жизни большинство московских женщин, поэтому не Елене их перевоспитывать. Наконец, они перешли к вопросам гардероба и Елена достала из шкафа покрывала и джинсовые брюки. На покрывала Рита бегло, но с одобрением взглянула, а джинсы мгновенно напялила на себя.

- Как советский педагог ты не слишком поддаешься коммунистической идеологии! - заметила Елена.

- К черту идеологию! - воскликнула Рита. - Бедная женщина, созданная для того, чтобы красиво одеваться, вдыхать тонкие ароматы и очаровывать мужчин, вынуждена проводить лучшие дни на идеологических семинарах, грязных коммунистических субботниках по подметанию улиц и лекциях немытых хамов!

Елена включила проигрыватель, на который еще прадедушка поставил пластинку с музыкой Бетховена. Он сделал это, когда пришли его друзья, чтобы посмотреть на юную гостью и поболтать о политике. Елена поняла, что старик остерегается подслушивания... Как-то он обнаружил маленькую коробочку за комодом, как раз там, где сейчас стоял проигрыватель. И телефоном дед пользовался не часто, опасаясь подслушивания. Говорил он коротко, излагая только необходимую информацию без имен и адресов. В ходу были выражения: « наш общий друг », « мой собеседник из парка », « сосед в палате » и другие, позволяющие знакомым правильно идентифицировать называемых без фамилий и имен людей.

Включив музыку, Елена приложила палец к губам:

- Говори потише!

Рита всё поняла и побледнела, но Елена жестом успокоила ее и сказала:

- Не бойся, просто мне как «возвращенке» надо быть поосторожнее. А ты ведь в безопасности...

Рита быстро успокоилась и уже кружилась по комнате в брюках, соблазнительно подчеркивающих все прелести ее фигуры.

- Эх, Ленка, - воскликнула она, - жизнь проходит! Как мы с тобой загуляем назло всем подслушителям-собакам!

- Ладно, не выступай, а то ведь товарищ лейтенант за стеной еще и поверит, - пошутила Елена. - Вот тебе еще одни джинсы и пару покрывал.

Рита все не могла успокоиться:

- Эти ищайки скоро под кроватью поставят свой микрофон! Пожаловаться бы прокурору!

- Ох Рита, горячая голова! Как мало ты изменилась! - сказала Елена. - Причем же здесь прокурор! Не забывай, что я пока еще иностранка и советские законы меня не сильно защищают. Скорее тебя защищают от моего плохого влияния! Приехала, видите ли, новоиспеченная гражданка ФРГ, неизвестно с какой целью... Устраивает здесь гулянки с воспитательницей советской молодежи, совращает ее... Тут не только подслушивание, тут слежка нужна... Тебе не поручали?

- Мне?! - ужаснулась Рита. - Пусть только попробуют!

Елена печально посмотрела на подругу. Та уже собиралась домой и Елена помогла Рите сложить вещи и проводила до автобуса.

Был поздний вечер. Девушке не хотелось спать и

она решила идти кружным путем, через освещенный парк. Там еще былолюдно. Встречались и семьи с детьми. Слышались обрывки громких разговоров, смех. Наверно, в Москве живет немало людей, которым не надо опасаться неосторожного слова. Они службе госбезопасности просто неинтересны... Или нет таких? Елене без семьи в чужом, большом городе взгрустнулось... Из разговора с Ритой она поняла, что эту женщину связывает с Милютиным не просто дружба. О трудоустройстве Елены он, видимо, сам попросил тайную, чтобы не обременять собственную службу. Женатый человек, два сына, а волочится за другой...

Вечером Елена долго молилась о благословении Господа ее далекой семье, о помощи в ее новой жизни. Под влиянием вечерней молитвы на следующий день она отправилась проведать члена ревизионной комиссии Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, который знал и ее отца. Старик выслушал рассказ Елены о визите Милютина, о его помощи с трудоустройством. О Рите Боткиной.

- Будь осторожна, девочка,- сказал старый баптист.- Милютин давно работает в нашей среде и мы многое о нем знаем. Рита - его любовница из числа тех женщин, что попадают в зависимость, в ловушку, и не могут уже выбраться из хитро расставленных сетей. От неё он всё о тебе узнает.

- Что же в моей жизни такого, что нужно узнавать таким путем?- удивилась Елена.

- Им всё нужно знать. Каждый шаг, каждое слово. А потом они из этих сведений начнут плести свой силок.

О Боже, еще и это! Елена теперь не спешила звонить отцу. Она-то будет осторожна в разговоре, в оценках своих впечатлений от Москвы, а он вдруг

скажет что-нибудь такое, что не понравится посторонним слушателям частного разговора. Уж лучше не звонить! А тут тоска так подкатила, что можно было испугать отца, причинить ему боль.

Мысли о матери тоже были нелегкими. Елена не понимала, почему на собрании, закончившемся для отца так печально, Лина, зная истину, промолчала, не защитила мужа. Могла ведь сказать о Линде Бет! Перед Еленой вставало страдальческое лицо ее отца и тихое отчаяние охватывало девушку. Да по какому праву они устроили настоящий судебный процесс, с допросом, с язвительными замечаниями! Как могли перечеркнуть целую человеческую жизнь, пасторское призвание, авторитет отца! Какое же у них представление о морали, о жизни в мире и любви согласно заповедям Господа нашего Иисуса Христа! Да и они, дети, хороши, не заступились за отца. В том числе и она, Елена. Конечно, ее слово в той тягостной ситуации немного значило, но всё же... Они оставили его одного, когда эти обыватели подхватили неизвестную им историю ее матери, домыслили разные небылицы и затянули отца в трясиину.

А он ведь был так либерален и терпел многое из того, за что в других общинах строго карали! Он стремился приблизиться к образу жизни и порядкам местных, коренных общин. А может быть его понуждал к молчанию собственный «скрытый грех»? Почему он сам не рассказал всем о Линде Бет, о своем прошлом? Не потому ли, что Линда всё еще была дорога ему, а Лина чувствовала это? Вокзальная встреча со старыми Бетами тоже была некстати, так как всколыхнула давно пережитое, с трудом забытое... Елена открыла Библию и подумала, что для нынешнего прощения нужно прежде

всего смыть прежние грехи. Она углубилась в длительное, заполночное чтение.

Пастор Лебер едет в Москву

Знакомство с семьей Зигфрида Клемма побудило пастора Иоганнеса Лебера углубиться в изучение христианского движения в России. Хотя бы в том контексте, который представляли вернувшиеся в Германию баптисты. Он посетил многие общины, слушал непривычно многословные проповеди, беседовал с пресвитерами, с верующими и пришел к более благоприятному выводу, чем пастор Клемм. Лебер считал, что у приехавших с востока немцев есть немало шансов наверстать упущенное и выйти на местный уровень жизни без ущерба для своих взглядов и привычек.

Пастор Лебер был потрясен гостеприимством «русских немцев». При его появлении на столе появлялось такое изобилие всяческой стряпни, словно он прибыл из страны, пораженной голодом. Хозяйева, как правило, довольно неуклюже орудовали на своих тарелках ножами и вилками, но были готовы ухаживать за гостем непрерывно. Едва на его тарелке исчезал салат, как хозяйка наполняла ее картошкой с индейкой и не слушала протестов, тонко разыгрывая обиду на отказывающегося от ее угощения гостя. Хозяин при этом приговаривал:

- Грех не есть, коль Господь дает пищу!

« Но объедаться тоже грешно», - думал Лебер, не имея мужества отказаться. Тем не менее он понимал этих людей. Он хорошо представлял себе всё, о чем ему рассказывали. И то, как эти женщины вставали спозаранку, чтобы занять очередь и долго ждать возможности купить кусочек мяса для своей большой семьи. Здесь не было очередей, а

мясо было в изобилии, вот они и не могли отказать себе в удовольствии. Каждый такой визит был уроком для Иоганнеса.

Однажды он ночевал у гостеприимного «русского немца» в его огромном доме. Хозяин рассказал, что построил этот дом с помощью пятерых сыновей. А теперь парни переженились и ушли от отца, дом им не нужен. Почти три тысячи марок долга легли на него тяжким бременем.

- Зачем же вы строили? - удивился Иоганнес.

- Жизнь заставила,- ответил хозяин.- На такую ораву было трудно найти квартиру, а тут еще и другие переселенцы начали сами строить - как же я мог остаться в стороне? В России мы много раз теряли всё до нитки. Мои родители-меннониты как мелкие землевладельцы были вывезены с Украины в Сибирь и оставлены там на произвол судьбы. На сборы им дали 24 часа. В Сибири все переселенцы построили себе теплые избы, развели скотину, свиней, обжились хозяйствами. Надо же было кормить детей! И мы, дети, выросли здоровыми и крепкими. Но пришла война и нас мобилизовали в так называемую трудовую армию, послали в угольные шахты под землю. И пока мы там добывали уголь для фронта, наши родители умерли от голода. Нажитое ими было растащено и пропало. Мы вернулись на пустыри и начали с возведения небольших избушек - лишь бы обогреться. Там женились, растили детей. Пришлось пережить еще три волны преследований и еще дважды у нас конфисковывали имущество. Когда нам разрешили уехать, оказалось, что с собой везти нечего. Мы приехали в страну, где можно построить дом и его никто не отберет. Вот мы и начали строить.

Пастор Лебер пытался поставить себя на место

переселенцев и всё больше убеждался, что местным немцам нелегко понять их иррациональность. Не нашлось ни единого человека, который сказал бы во всеуслышание, что такие большие дома им не только не нужны, но их содержание обойдется очень дорого новым хозяевам. Он удивлялся большим автомобилям, в которых тоже не было нужды, но которые приезжие покупали даже для своих жен, ездивших разве что в магазин.

- В России я не могла позволить себе даже велосипед, а здесь купила уже четвертую машину, - хвалилась Леберу девушка, гордо сидя за рулем. - Посмотрите, какая приемистость у моего БМВ! Он развивает скорость, как ракета!

«Ей бы в гонках участвовать!» - подумал Лебер. Потребность наверстать и самоутвердиться доминировала в поведении этих людей над рациональностью и бережливостью. Переселенцы оказались как бы в гетто, изолировав самих себя в погоне за все новыми неизведанными искушениями. Лебер видел, что их не понимали. Но ведь среднему немцу надо было сделать огромное усилие, чтобы понять этого приезжего, совершенно чужого ему человека, с таким упорством и старанием тянущего за собой в немецкие города и села странные привычки своей прежней жизни. А ведь их взрастили и воспитали Советы! Те самые, которые не идут на снижение международной напряженности /об этом изо дня в день трещат все массмедиа/. Те самые, которые построили стену в Берлине! У многих деда и отцы вернулись с Востока калеками, а многие вообще не вернулись. Старшие пережили в сорок пятом нашествие чужой армии, солдаты которой были отнюдь не ангелы и не слишком церемонились в жилищах уцелевших немцев. Почему

же опять их дети и внуки должны мириться с толпами странных людей, едущих с Востока и уверенных, что здесь обязаны их терпеть и им угождать? Ведь их в Россию не русские вывозили, они сами туда отправились. Вернее, отправились их предки... Какое им дело до этих беженцев?

Для молодого поколения гораздо более было разделение Германии и устранение этого барьера казалось более неотложной задачей, чем проблема благосостояния каких-то переселенцев...

Польские немцы, чешские немцы, прибалтийские немцы, теперь русские немцы... Какие немцы завтра явятся в тщательно отстроенные города со своими коммунистическими обычаями, всеобщим бескультурьем, обжорством, а кое-где и пьянством, с комплексами преследуемого и уцелевшего национального меньшинства, выжившего не только благодаря вере, но и агрессивности, нетерпимости, изолированности, принявшего как образ жизни постоянный страх, подхалимаж и заигрывание с авторитетами, ощущение неполноценности, под которыми в угнетенном, но готовом к взрыву состоянии живет жажда бунта?

Их отличало иррациональное сопротивление старшему поколению, за которым стояло психологическое неприятие извечной покорности перед невежественными, грубыми, но обладающими реальной и жестокой властью людьми. Многих неудержимо влекло неизведанное раньше чувство свободы: почувствовав, что никто не контролирует их дисциплинированность, ученики библейской школы среди ночи выпрыгивали из окон интерната, чтобы провести часок-другой в дешевом китайском ресторанчике... В этом они видели свой маленький подвиг... И доколе эти люди будут раба-

ми? Кто сможет преобразовать их сопротивление в созидание?

«Мы сыты вашими правилами!» - говорили Леберу молодые люди с Востока и он огорчился их непониманию: правила поведения были не наказуемым кодексом, а внутренней потребностью большинства молодых немцев. Они следовали им не из страха перед наказанием, а потому что находили удобными для себя и общества. Приезжие редко протестовали открыто, но тайком давали себе волю - их подпольное сопротивление продолжалось и на Западе, преследуя совсем иные цели.

Пастору Леберу приходилось слышать от американцев, что эмигрировавшие за океан в 70-е годы русские образовали там шестнадцатую советскую республику. И в Америке, и в Европе вскоре убедились, что воспитанные в коммунистических условиях дети были запрограммированы к отрицанию государства и воспринимали его как злейшего врага, с которым следует постоянно бороться путем обмана, раскрадывания, игнорирования. Потребность обманывать лживое государство стала на Востоке не преступлением и грехом, а всеобщей повседневностью, едва ли не добродетелью, а чаще всего тактикой выживания. «Государство снимает с нас последнюю рубашку, почему же мы должны ему помогать?» - объясняли Леберу свою правоту молодые эмигранты. - «Лучше я сам возьму все то, что необходимо моей семье, чем буду ждать подачки, которой все равно не будет, потому что отобранное у меня уйдет к высоким чиновникам из коммунистической номенклатуры и их многочисленным прихлебателям».

Изучая жизнь «русских немцев» в Германии, пастор Лебер очень много узнал о Советском Сою-

зе. Но он стремился узнать еще больше не только из присущей ему любознательности, но и потому, что хотел приехать в Советский Союз с самыми полными познаниями в разных сферах общественно-политической жизни этой страны. Именно на такой основе его диссертация о развитии христианства на Востоке могла стать глубоким научным исследованием.

Пастор Лебер отдавал себе отчет в том, что по мере того, как он все лучше изучал приехавших с Востока людей с их хорошими и странными чертами, тем больше любил их. Эти верующие еще допытывались, еще искали библейского истолкования истин земной жизни, тогда как местные немцы были пресыщены проповедями и старались держаться подальше от церкви. Они охотно жертвовали в пользу христиан и церковей Востока, считая, что этим и должно ограничиваться их участие в работе.

Наблюдая за жизнью «русско-немецких» баптистов, Лебер, любя их, помогал, но и сам с благодарностью принимал их помощь, столь своевременную перед предстоящей поездкой. Он ждал визу в Советский Союз. Родители пастора были не в восторге от предстоящего путешествия их сына в страну большевиков. Они подозревали, что его влечет в Москву не только диссертация и интерес к русскому языку, но и старшая дочь пастора Клемма - Елена, о которой многие были наслышаны. Бургомистр считал, что вопреки всем переживаниям, ей не следовало бросать отца и возвращаться в Советский Союз. От сведущих людей он знал, что девушку ждет сеть провокаций со стороны КГБ, что так или иначе они будут пытаться использовать факт возвращения молодой особы в своих ин-

тересах, а это небезопасно. Девушка по неопытности могла просто не устоять в таких играх, принять недостойное предложение. Да уж не о девушке речь: отец беспокоился, что Иоганнес станет целью интриг советских служб госбезопасности, а этого ему никак не хотелось.

Не раз бургомистр пытался начать трудный разговор с сыном, но тот отшучивался, а в остальном молчал и продолжал готовиться к отъезду. Последнюю ночь он провел у родных Елены.

Встреча

Елена играла медленную пьесу. Постепенно она привыкла к Москве. Наладились связи с друзьями ее отца. Они были из числа преследуемых баптистов, имели свою точку зрения на многие события советской действительности, а к девушке относились с симпатией и любовью. Помогали ей изо всех сил. В те годы еще существовал идеологический контроль на границах, поэтому Библию, другие христианские книги привозили тайком, хранили в тайниках и раздавали скрытно. Так поступала с Западом и денежная помощь верующим.

К сожалению, не обходилось без неприятностей. Однажды в Москву приехал из Германии турист, слышавший о Елене и раздобывший номер ее телефона. Он позвонил ей и сразу же сказал, что привез книги. Елена страшно перепугалась и прямо сказала, что ее телефон прослушивается. «Я не хочу вас видеть, это опасно», — сказала Елена и положила трубку. Гость тоже испугался и, как позже рассказали друзья, когда к нему на улице подошли оперативные сотрудники, книг при нем уже не было. Это спасло его от неприятностей.

Об этом Елена узнала позже, а в то утро она сидела, сжавшись от предчувствия беды. Вдруг опять

зазвонил телефон. Елена вздрогнула... Звонок был долгим и настойчивым. Она взяла трубку.

- Елена? - голос в трубке был очень знакомым.

- Это я, Михаил!

- Михаил?! - радостно воскликнула Елена.- Где ты?

- Дома! Как твои дела?

У Елены перехватило дыхание, голос ей не повиновался. Ее ошеломило, что именно Михаил позвонил ей. Они были большими друзьями, пока... Да, пока из-за нее и отца не случился конфликт в баптистской общине. Собственно, сразу после приезда в Германию Елена ощутила барьер между нею и братом. Михаил был намного консервативнее, чем кто-либо из них. Он не чувствовал потребности «наверстывать» упущенное... Его семьей стали братья и сестры из их «русско-немецкой» общины. Он жил с ними одними мыслями, во всем действовал так, как они. Он осуждал путь Павла, а вступление Симы в «немецкую» баптистскую церковь встретил скептически. Осудил он и решение Наташи изучать медицину, считая, что она «свихнется» с пути истинного и отойдет от Бога. Сама она на его суждения реагировала раздраженно и однажды сказала:

- Ты, наверно, считаешь, что все достижения научно-технического прогресса - дьявольские штучки? Тогда продай свой «вольво» и поезжай упряжкой волов. Можно и по рельсам железной дороги...

Звонок Михаила вызвал замешательство у Елены, но она быстро овладела собой.

- У меня все хорошо, Михаил,- сказала она. - А как мама, папа и все остальные?

- У отца был инфаркт, но уже все позади. Он работает инженером.

- Почему же он ничего не сообщил? Почему?

- Мама тоже работает. Петр и Наташа учатся, а Сима овладевает ремеслом, ты знаешь... Хорошая весть для тебя, мне кажется... Отца реабилитировали в общине. Но он не хочет быть руководителем по состоянию здоровья...

Елена слушала, а в голове мчались безумные мысли: «Это они у советских коммунистов позаимствовали: сначала убить, а потом реабилитировать!» Она слышала рассказ об одном военном: он был верующим, а потому в армии пришлось не ко двору. Его жестоко преследовали, а потом офицер из особого отдела ему сказал: «Мы против тебя ничего не имеем, ты неплохой человек. Но мы вынуждены тебя убрать, чтобы другим было неповадно. Если мы тебя оставим, остальные подумают, что мы боимся церкви. А это не так. Мы не можем поощрять идеалистические увлечения». После зверского избиения он умер в больнице. А потом сказали, что над ним зря издевались, он ни в чем не виноват. Жертва произвола... Кого-то наказали... Так же цинично сместили и ее отца. Кто-то ценой его здоровья строил свою карьеру... Они убивали, вторгаясь в душу, опошляя всё самое светлое в человеке...

- Тебя тоже реабилитировали, Елена,- сказал Михаил.

Елена ни на мгновение не забывала, что их разговор слушает человек из КГБ. Возможно, записывает на пленку... Разумнее было бы оборвать Михаила, но ей хотелось побольше узнать об отце.

- Летом у нас будет певческий праздник,- слова Михаила звучали как в плотном тумане, Елена плохо различала их. Волнение достигло предела. И вдруг она услышала желанный голос отца:

- Моя дорогая Леночка, как ты себя чувствуешь? Ты здорова?

- Папа, мой дорогой папочка! - она разрыдалась. Отец тоже говорил с трудом:

- Ты приедешь к нам погостить?

- Не знаю, па. Я не знаю. Мне так не хватает тебя!

Она немного успокоилась, хотя сердце громко стучало в груди.

- Я работаю учительницей музыки. Ты уже знаешь об этом? Хорошо. Мой директор - бывшая соученица. Милютина помнишь? Он живет совсем рядом. Приходил. Он мне помогает. У него два сына. Что? Быть поосторожнее? Хорошо, папа.

На этом связь прервалась. Елена еще покричала в трубку «алло!» и оставила это занятие. Наверно, разговор кому-то не понравился. И все же как хорошо, что ей удалось поговорить с отцом! Елена была так взволнована, что смогла уснуть лишь с таблеткой снотворного.

Иоганнес Лебер прилетел в Москву к концу дня и попросил отвезти его в посольство. Но там было закрыто. Тогда он направился в гостиницу. Его встретили радушно и поселили в комнате с окнами на Кремль. По сравнению с общежитием для аспирантов здесь было много дороже, но пастор не хотел терять личную свободу, он намеревался немного поездить и первым делом посетить Лавру в Загорске. Он всегда испытывал большой интерес к мистицизму русской православной церкви и теперь собирался отвести ей как можно больше времени.

Гость не испытывал недостатка в русских деньгах. Зигфрид рассказал ему, что в России иностранная валюта хождения не имеет, а обмен долла-

ров может привести к осложнениям, поэтому лучше иметь при себе привычные всем рубли. Таможенники на границе были весьма внимательны к Леберу, но он по совету Клемма так упрятал свои рубли, что они их не заметили. Их внимание привлекли также богословские книги, но они были на немецком языке и принадлежали теологу, поэтому контролеры уступили... Иоганнес поставил чемодан под кровать и огляделся в комнате. Сначала он осмотрел настольную лампу и телефонный аппарат и был удовлетворен. Даже его любительских познаний в радиотехнике было достаточно, чтобы убедиться в наличии микрофона. Лебер усмехнулся и пошел в ресторан на поздний обед.

Несколько иностранцев в просторном зале пили кофе, беседуя на незнакомом языке. Иоганнес знал несколько русских фраз и попытался воспользоваться ими. Он сказал:

- Кофе, пожалуйста!

Официант испытующе посмотрел на посетителя и заявил:

- Кофе кончился!

В это мгновение его коллега ставил на соседний столик горячий кофейник. Лебер разозлился и на немецком языке сказал:

- Если я сейчас же не получу горячий кофе, то обращусь к вашему руководителю.

Официант не смутился и ответил на приличном немецком языке:

- Извините, вы хорошо говорите по-русски и я решил, что вы советский. А у нас кофе в дефиците.

Он поклонился и ушел, а уже через мгновение кофе дымился перед пастором. Официант удалился, явно щеголяя военной выправкой.

Иоганнес вновь усмехнулся, довольный своей победой. Он понял, что в этой стране сможет получить все, чего пожелает, надо лишь не расслабляться и на хамство отвечать жесткой требовательностью. Прихлебывая кофе, Лебер осмотрелся в зале, пытаясь угадать, нет ли здесь человека, которому поручено следить за ним. Он никого не заподозрил и подумал, что заезжий богослов может и не заинтересовать КГБ. Свою ошибку он понял лишь на следующий день, когда приехал в университет имени Патриса Лумумбы, где намеревался прослушать несколько лекций по русскому языку. Конечно, у него был собственный внимательный соглядатай. Это позабавило Лебера и даже польстило ему.захотелось познакомиться со шпииком, но он решил не рисковать...

По воскресеньям Лебер прилежно ходил на богослужения в зарегистрированной баптистской общине, слушал пастора Логвиненко и других проповедников, но почти ничего не понимал. Ему очень нравилось пение хора и это компенсировало потерю времени на прослушивание непонятных проповедей. Было приятно присутствие людей, объединенных верой. Лебер надеялся встретить здесь Елену, но три воскресенья не оправдали его ожиданий.

Однажды в метро Иоганнес приближался к станции «Парк имени Горького». Рядом с ним в вагоне сидел пожилой человек. Он без стеснения рассматривал Лебера и вдруг сказал:

- Брат, вы привезли в нашу страну нечестивого Мамона?

Иоганнес вздрогнул и посмотрел на спросившего. Нет, этот товарищ не был похож на баптиста. Скорее, он напоминал Милютина по тому описанию, которое составил Зигфрид Клемм

- Кто вы и что хотите? - спросил по-немецки пастор.

Услышанные слова были паролем, по которому Лебер должен был узнать человека и передать ему пакет с советскими деньгами - помощью гонимой церкви. Пароль так часто повторяли по-русски Леберу, что он хорошо запомнил звучание этой фразы.

- Я тот, кого вы ищете! - ответил мужчина. Иоганнес пожал плечами и поднялся, собираясь выйти. Всё было значительно сложнее, чем он предполагал: пастор не понял второй фразы незнакомца. На эскалаторе он оглянулся и увидел, что мужчина едет за ним. Лебер испугался и решил избавиться от попутчика. У выхода из метро он вскочил в такси и назвал свою гостиницу.

В номере царил хаос: постель, одежда в шкафу, вещи в чемодане были перерыты. Иоганнес позвонил администратору и попросил его подняться в комнату.

- Что это значит? - спросил он.

- О! - притворно удивился служащий гостиницы. - Я не знаю, что случилось... Надеюсь, ничего не пропало? Проверьте, пожалуйста. А я разберусь с нашим персоналом. Сейчас к вам придут, чтобы навести порядок...

С этими словами администратор исчез, не ожидая ответа Лебера. Пастор сел на стул и обхватил голову руками. Он не сдвинулся с места и тогда, когда за дверью позвонили.

- Войдите! - сказал Лебер.

Появилась молодая, стройная и красивая женщина.

- Мне сказали, что вы нуждаетесь в моей помощи? - игриво спросила она на хорошем немецком

языке.

- Ах, так? - пастор очнулся от оцепенения. - Действительно, здесь нужно навести порядок - все сложить, переглядить измятые сорочки и особенно нижнее белье.

В его голосе прозвучало раздражение и женщина посмотрела на него озадаченно. Она, казалось, была готова к протесту, но промолчала.

Иоганнес был непривычно резок:

- Вы чем-то удивлены? Я тоже... Пойду в ресторан и вернусь через два часа. Надеюсь, что вы к этому времени управитесь...

Он пошел к двери и вновь остановился:

- Здесь побывали дилетанты. Если вы их знаете, посоветуйте читать детективные повести: из них они узнают, что шпионы не прячут шифры в номерах гостиниц. - Лебер закрыл за собой дверь. Он все-таки не понимал, с кем имеет дело. Пастор играл с огнем: ему казалось, что КГБ можно провести. Он ошибался. Обыски в номерах проводились не для того, чтобы что-то найти. Их участники намеревались только напугать свою жертву, вынудить ее метаться, паниковать и в результате совершать ошибки. Леберу следовало бы сразу обратиться в немецкое посольство, но он решил еще поиграть с советскими оперативниками. Гораздо более был осведомлен в обычаях Москвы отец пастора, опасавшийся за его жизнь. Перед поездкой он предусмотрительно позвонил в американское посольство своему старому другу, такому же еврейскому эмигранту как сам - они познакомились и подружились в Соединенных Штатах - и попросил присмотреть за сыном. И теперь Иоганнес находился под двойной опекой.

Лебер пришел в ресторан и, усевшись за стол,

сердито взглянул на официанта. Тот подтянулся, терпеливо ожидая заказа.

- Пожалуйста, кофе. И не вчерашний!

Официант был несколько озадачен, но промолчал и отправился выполнять заказ. Из кухни донеслось громкое русское ругательство, но пастор все равно ничего не понял. Он наблюдал за движением авто за окном и думал о событиях нынешнего дня.

- Брат, вы привезли в нашу страну нечестивого Мамона? - услышал пастор женский голос. Он снова вздрогнул и почувствовал себя загнанным зайцем. У столика стояла женщина.

- Что вы хотите? - спросил Иоганнес.

- Нечестивого Мамона! - ответила она по-немецки.

Лебер окинул незнакомку взглядом. Одета модно - джинсовые брюки, белая блузка с большим вырезом. Всё это ей шло.

- Вы учили анатомию? - спросил пастор.

- Да, в десятом классе.

Ответ был неверен. Иоганнес облегченно улыбнулся, когда увидел за соседним столиком мужчину, заговорившего с ним в метро. Итак, в КГБ знают о цели его приезда. От кого?

- Не выпьете ли со мной чашечку кофе? - спросил Лебер, когда у столика появился официант.

- Не-е-ет, - в замешательстве сказала женщина и взглянула на мужчину за соседним столиком. Лебер перехватил ее взгляд и заметил: тот едва заметно кивнул.

- Конечно, я охотно выпью с вами чашечку кофе, - с облегчением согласилась женщина.

Иоганнес попытался продолжить разговор:

- Вы верующая, христианка?

- Да, я верю, - ответила она.

- Во что же?
- В хорошее, например,- улыбнулась женщина.
- И вы верите, что Иисус Христос - ваш личный спаситель?

Его собеседница проворчала что-то невнятное, потом неожиданно встала и раздраженно бросила:

- Все боги в той или иной мере проповедуют одно и то же: коммунистический образ жизни, царство всеобщего равенства и справедливости. Когда люди достигнут такого уровня, настанет всеобщее благосостояние. И тогда исчезнут все буржуазные предрассудки и прочие суеверия, которые тормозят продвижение человечества к высшей цели.

Я должна вам сказать, что именно эти предрассудки едва не погубили очень хорошую женщину и мою давнюю подругу. Она сумела вырваться из-под влияния мракобесов, но равновесие все еще не вернулось к ней.

У Лебера восстановилось хорошее настроение: его собеседница совершила непростительную ошибку. Теперь он знал уже двух людей, «заботившихся» о Елене. Именно они тщательно ограждали ее от контактов с иностранцами. Собеседница из ресторана могла быть директрисой музыкальной школы, в которой работала Елена.

Далее случилось неожиданное: Милютин и Боткина разом встали и покинули ресторан так решительно, что это было похоже на демонстрацию. Их задача была выполнена: они дали понять Леберу, что сам его приезд, а также тайные цели пребывания в Москве известны и он должен подумать о своей безопасности. Иоганнес понял, что службе госбезопасности известно данное ему поручение - передать письма и деньги преследуемым христианами. Он понял также, что его встреча с Еленой

может иметь нежелательные последствия для них обоих.

Пастор не мог понять, как же эти люди узнали пароль? Как они могли узнать слова, которые они придумали вдвоем с Зигфридом Клеммом в его комнате, а потом он их старательно заучил. Эти слова в зашифрованном виде были сообщены в письме одному из московских баптистов. Не оказался ли он...

Лебер уже допивал свой кофе, когда заметил за соседним столиком дипломата Баркера, друга отца. Иоганнес хотел встать и направиться к знакомому с приветствием, но тот кивком головы попросил оставаться на месте. Потом он поднялся и ушел. Лебер сидел, раздосадованный. Что же это такое? Даже американский дипломат не хочет с ним общаться? Все принимают его как зачумленного. Пастор заплатил и побрел из ресторана. На освещенной улице ему было неуютно и он свернул в переулок. Пытаясь сосредоточиться, Лебер потерял ориентацию и вскоре заблудился. Он долго шел, пока не понял, что уже довольно поздно. Где он? Чтобы разобраться, надо было выйти вновь на оживленную улицу. И когда он до нее добрался, рядом взвизгнул тормозами автомобиль. Сильные руки бесцеремонно затолкали Лебера в машину. Его протест был запоздалым - машина резко набрала скорость. Пастор не успел опомниться и оценить свое положение, как машина остановилась в темной боковой улице.

- Кто вы и чего от меня хотите? - зло спросил Лебер, не отдавая себе отчета в том, что его немецкий может быть непонятен похитителям.

С переднего сидения послышался очень знакомый женский голос:

- Пастор Лебер, здесь вы, по крайней мере, в безопасности.

- Елена! Елена Клемм! - вскричал Иоганнес.

- Это я, Иоганнес, - ответила она, но тут один из спутников открыл дверку, мужчины, а за ними Елена вышли. Лебер тоже выбрался из салона и Елена невольно упала в его объятия. Иоганнес едва удержался на ногах - события нынешнего дня изрядно истощили его. А девушка трясла и терзала его, засыпая вопросами:

- Как мой отец? Ты его видел? Что ты делаешь в Москве? Ты давно здесь? - она не заметила, что обращается к пастору на «ты», хотя до сих пор у них была более выдержанная форма общения.

Вскоре выяснилось, что Елене стало известно о беспомощном немецком пасторе в водовороте Москвы, и она уговорила двух братьев помочь приезжему. Те действовали по образцам западных фильмов. В переулке эти незнакомые принялись целовать его, окончательно смутив. В «русско-немецких» общинах ему уже пришлось встретиться со всеобщими мужскими поцелуями и он поначалу был так смущен, что дома спросил у отца:

- Я разве похож на гомосексуалиста?

- Что? О чем ты? Как ты дошел до такого? - встревожился отец.

- Эти приезжие братья так горячо начинают целовать меня при каждой встрече, что я чувствую себя довольно глупо,- объяснил сын.

- Ах, вот в чем дело! - развеселился отец.- Но ты как ученый богослов должен знать, что апостол Павел учил христиан при встрече обмениваться братским поцелуем.

- А я все равно не могу избавиться от неприятного чувства!

Пастор вспомнил этот разговор, ощущая на щеках мокрые следы поцелуев. Русские оставили их с Еленой, и она уверенно повела гостя через двор к маленькому домику. Здесь их встретила приветливая супружеская пара. Пригласили к столу. Иоганнес попытался выяснить, в какой же части Москвы они находятся, но хозяева и Елена отмахнулись от его расспросов и сказали, что с Еленой он не заблудится. А девушка просто лучилась от счастья. Иоганнес еще никогда не видел ее такой, радовался, не сводил с нее глаз и старался запомнить. В этот вечер он ведь не знал, что его жизнь вскоре в корне изменится и уже грустил по поводу близящейся разлуки.

Супруги угощали своих гостей с истинно русским размахом. Наваристый украинский борщ, голубцы, налистники со сметаной, тонко нарезанная польская колбаса - всё это было очень вкусно и наверно обошлось хозяевам недешево, но молодые немцы были так увлечены собой, что едва ли по достоинству оценили старания хозяев. Те поняли состояние гостей и вскоре оставили их одних.

Теперь Иоганнес подробно рассказал Елене все, что знал о ее родителях. Она посвятила его в подробности своей жизни в Москве. И вдруг воскликнула:

- Иоганнес, тебе же надо в полночь быть в гостинице. В путь!

Они уже никогда не смогут ответить ни себе, ни другим, когда перешли на «ты».

- Ах, да,- вспомнил Иоганнес.- Деньги!

- Мне повторить пароль? - с улыбкой спросила Елена.

- О нет! Деньги лежат там, где «Слава КПСС!».

- Что-о?

Эти слова в те годы можно было прочитать на транспарантах, стендах, крышах по всей стране. Их повторяла световая реклама. Их даже выкладывали облицовочной плиткой на фасадах зданий.

- Какая еще «Слава КПСС»?

- Напротив нашей гостиницы, по другую сторону улицы, висит на четырехэтажном доме плакат «Слава КПСС!» в деревянной рамке. Ее надо чуть-чуть отогнуть от стены и достать из-за транспаранта сверточек с деньгами. Только осторожно: его оторвать довольно трудно - клей заграничный!

Елена удивленно покачала головой: как это у него родилась такая идея? А как он провез деньги через границу?

- Не надо расспрашивать меня об этом, - попросил Лебер. - Мне не очень удобно об этом рассказывать. Пусть это будет тайной моей и твоего отца, хорошо?

Они сердечно поблагодарили хозяев домика и вышли на улицу. Навстречу им уже шли братья-спасители. Они на мгновение остановились:

- Машина до утра останется на стоянке, - сказал один из них. - Весь квартал оцеплен милицией. Идите за братом, а я на минуту вернусь, скажу хозяевам!

Шедший впереди что-то сказал Елене по-русски, пастор его не понял. Девушка объяснила:

- Если появится милиция, обнимешь меня! Можешь даже поцеловать! Это несложная конспирация, но часто помогает!

У Иоганнеса сердце замирало: ему еще никогда не выпадали такие испытания. Елена почувствовала его смущение и взяла под руку:

- Спокойнее, дорогой! - прошептала она. А сама подумала, что люди с Запада наивны и простодушны, им еще рано тягаться с советской госбезопас-

ностью. А если эти службы установят контроль в мире, они раздавят многих западных демократов без сожаления. Идущий впереди брат дал знак. Вдруг он исчез за домом, а навстречу молодым вышли два милиционера. Елена сжала руку Иоганнеса и он резко прижал девушку к себе. Он дрожал всем телом. Милиционеры приближались. «Ах, ведь Елена велела поцеловать ее!» - вспомнил молодой человек. Он прижался к ее влажным губам. Елена ответила поцелуем. Милиционер осветил пару фонариком.

- Во дают, Серега! - сказал он своему спутнику. Они прошли дальше, позвякивая снаряжением.

- Довольно, Иоганнес, отпусти меня,- прошептала Елена и высвободилась из его объятий. Лебера охватила жаркая волна.

- Поспешим! - сказала девушка.

Из темноты появились братья-спасители.

- Теперь вы в метро, а мы - к трамваю! - сказали они решительно, не ожидая возражений. Они исчезли так же внезапно, как и появились.

Елена и Иоганнес добрались до метро без приключений, хотя изрядно переволновались. Еще через полчаса они были возле гостиницы.

- Иоганнес, ты должен забыть все, что сегодня произошло,- попросила Елена.- Обещаешь?

- Я еще никогда так не пугался, как сегодня,- искренне признался Лебер.- Все делал автоматически, по твоей команде.

- Иди-ка теперь спать, автомат, - в голосе Елены прозвучала легкая ирония.- Будем считать, что сегодня вообще ничего не случилось...

Не успел Иоганнес опомниться, как девушка уже сидела в такси.

- Когда же мы встретимся?!- крикнул Иоганнес,

но Елена лишь покачала головой и вновь улыбнулась. «Наивный,- подумала она.- Перед гостиницей прогуливается масса людей и добрую половину их составляют оперативники КГБ, каждый со своим заданием. Они, возможно, друг друга не знают, но Лебера обязательно знает кто-то из них и сегодня же он доложит, что тот у гостиницы прощался с девушкой и пытался продолжить знакомство с нею, но это ему не удалось. Наивный, он закричал ей на немецком языке! Среди Москвы!» Водитель включил сцепление и машина рванула с места. Иоганнес же вошел в свой номер и убедился, что комната старательно убрана. Постель была в идеальном порядке, сорочки выглажены и стопкой сложены в шкафу. Лебер включил душ и тут позвонил телефон. «Елена!» - обрадовался Иоганнес. Но в трубке молчали.

Телефон звонил еще несколько раз с интервалом в десять минут. Потом позвонили за дверью. Иоганнес пошел открывать.

За дверью стояли сотрудники КГБ.

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Наташа

Наташа уже четвертый семестр изучала музыку, была учительницей в воскресной христианской школе. Ничто не предвещало перемен в ее жизни, пока не пришла телеграмма из Сан-Хосе в штате Калифорния: там умер дядя ее отца.

Собрался семейный совет, на котором решили, что Зигфрид полетит в Америку, а Наташа будет его сопровождать. Наташу это решение и порадовало, и озаботило. Ей хотелось увидеть Америку, но было грустно оставлять детей в школе. Они ее любили и радовали. Урывая минуты от учебы, она проводила походы по интересным местам, вместе они мастерили, устраивали маленькие праздники. Руководители общины считали, что учителя должны быть во всем примером, а потому строго следили за внешним их обликом. Традиционно женская одежда, аккуратно причесанные длинные волосы. Дети никогда не могли видеть свою учительницу в брюках, с короткой прической. И упаси Господи от миниюбок, которые как раз стали модными. И, конечно, никакой дружбы с ровесниками: дети всё замечают и влюбленную учительницу сразу разоблачат...

Наташе было нетрудно соблюдать эти правила - для этого ей просто надо было оставаться прежней. Она ведь всегда была скромной! Конечно, ее сверстницы выглядели иначе, но ее не смущало, что среди немецкой молодежи она была незаметной. Апостол Павел в дни своего пребывания в Греции тоже был незаметен по внешности, стремился быть как все. А она принадлежала к общине эмигрантов и должна была соблюдать обычаи, одобренные старейшинами. В те дни она и не предполагала к

каким переменам приведет ее поездка за океан!

Зигфрид был рад тому, что сможет обо всем побеседовать с Наташей. Он знал, что его дочь имела меланхолический характер и предполагал, что ее активное участие в жизни общины было также попыткой уйти от повседневной жизни. Когда он попытался поговорить об этом с женой, Лина ответила с раздражением:

- Как всегда, ты слишком все психологизируешь, Зигфрид! Наташа, как и Михаил, хорошие христиане и послушные дети. Они не пошли путем Павла и Симы. Просто девочка осталась такой же, какой была в России.

Симы в это время была с группой баптистов в Австрии, Петр и Павел продолжали учебу.

Беседа с Наташей заняла у Зигфрида все девять часов перелета в Сан-Франциско. Он был рад такой возможности: события последних месяцев не оставляли времени на такие беседы, и пастор имел основания предполагать, что теряет контроль за развитием дочери в весьма важный для нее период. К тому же он многого просто не понимал - мир детей отличался от условий его собственного возмужания. Однако и эта беседа была очень непростой.

Наташа сидела у окна и вначале рассматривала землю, пока ее не скрыли облака. Тогда она обратилась к отцу и спросила:

- Па, тебе не кажется, что вы с мамой живете врозь?

Зигфрид пожег язык: ничего себе начало... Она не только опередила его, но и начала не с себя, а с родителей. Он помолчал, не зная, что и ответить дочери. Наташа испытующе смотрела на него, потом пришла на помощь:

- Извини, папа, мне иногда кажется, что ты ждешь от мамы того, чего она тебе дать не может...

Тебе все кажется несложным - у вас ведь позади одинаковые школа и институт, одинаковые условия жизни. Тебе кажется, что и взгляды на жизнь у вас должны быть одинаковы. Но это не так. За внешним благополучием скрывается отчуждение... Ваши дороги всё больше расходятся. Иногда я думаю, что вы уже не сможете иметь нечто общее, от чего зависит гармония в семье. Вы живете рядом, но порознь. Мне кажется, что мама поддерживает меня и Михаила вопреки тебе. Мы ей понятнее: обычные русско-немецкие баптисты, с которыми ничего не случается и не должно случиться, потому что мы идем по проторенной дорожке, не соблазняясь благами западной цивилизации. А ты считаешь, что мы проигрываем и подсознательно живешь только с Еленой, Павлом, Петром и Симой, живешь для них. Если бы нас с Мишей не было, у вас с мамой образовалась бы в жизни пустота. Вакуум! Не стало бы тех тревог, которые служат вам подменой любви, таким ее эрзацем. А настоящую любовь вы потеряли!

Клемм возмутился и едва не ответил Наташе резко, но сдержал себя. Девочка имеет право на собственное суждение о жизни. Ему было досадно, что она в одно мгновение перечеркнула как несущественные все его заготовки на предстоящую беседу, повернув ее в иное русло. Зигфрид был удручен.

- Что желаете выпить? - к ним подошла стюардесса.- Соки, чай, кофе, пиво, вино?

Наташа заказала чаю, Зигфрид, не раздумывая, попросил пива. Когда девушка отошла, дочь удивленно спросила:

- С каких пор ты пьешь пиво?

Отец посмотрел на нее смущенно и сделал движение, собираясь отменить заказ, но дочь схватила его за руку:

- Нет-нет, пожалуйста, не делай этого. Со мной ты можешь быть таким, каким ты есть, без игры...

- Но я ведь никогда не пил ничего такого,- Зигфрид едва справлялся с собой. - Просто не знаю, как это получилось.

Сказав эти слова, Клемм еще больше смутился, потому что был он не совсем точен. До крещения он любил пить пиво, а иногда пил вино и водку. В общине ему объяснили, что в Советском Союзе баптисты не употребляют ничего спиртного и даже за стаканчик вина его исключат из общины. Зигфрид послушно исключил из своей жизни все упомянутые напитки. Это далось ему без чрезмерных усилий.

Наташа вложила мягкую ладонь в руку отца и, улыбаясь, сказала:

- Сегодня я буду твоим духовником. Ты расскажешь мне о всех твоих прегрешениях, а я отпущу тебе вину. Тайна исповеди будет сохранена. Договорились? Тебе станет легче на душе.

Отец окончательно растерялся. Шутка Наташи ему совсем не понравилась.

- Ах, папа! Не хмурься! Я знаю, что наши баптисты, даже диаконы, пьют вино, но так, чтобы никто не видел. Если тебе хочется, ты тоже можешь слегка нарушить законы общины. Но оставим это. Извини, если я невольно обидела тебя... Вернемся к маме. Тебе не кажется, что после отъезда Елены ты живешь как бы в прошлом? Прошлое заполонило нынешнюю твою жизнь...

«Ну что же ей ответить?» - растерялся Зигфрид.

- Просто не знаю, Наташа, как описать тебе мое состояние,- осторожно начал он.- Мне кажется, что я лишился Родины. Да-да, я сейчас не чувствую Родины! На нынешней моей работе я побывал по

делам фирмы в Англии, Франции, Голландии и Швейцарии. И всюду я ощущал какое-то скрытое злорадство по отношению к немцам: вот, мол, вы хотели обскакать всех нас и получили по носу от союзных держав. Сказывается и давняя, я бы сказал, еще племенная неприязнь, идущая от той седой давности, когда народы делили между собой просторы Европы. Но при чем же здесь мы? Разве же мы виноваты, что Веймарская республика не устояла и к власти пришли нацисты? Почему немцы как нация должны платить по счетам второй мировой войны, возникшей по глобальным причинам? Зачем разжигать комплекс нашей вины? Вина всегда индивидуальна. Один может со своей виной прийти к Богу. Нация не может. Она не может решить проблему вины. Об этом я говорил твоей матери, но она меня не понимает. А постоянное чувство вины, комплекс неполноценности, Наташа, разрушают ощущение жизни, самосознание нации, они разрушают радость, мир и любовь.

- А что же остается?- продолжил Зигфрид после некоторого молчания, как бы убеждая сам себя. - Униженный народ неизбежно рано или поздно захочет вновь утвердиться, выйти из принуждения. Длительное давление на немцев перерастает во зло, сопротивление, агрессивную позицию. Однажды может случиться взрыв. Европейские народы не осознают, что своей нетерпимостью и осуждением они копают могилу своим детям. Я говорю об иностранных рабочих, гастарбайтерах. Правомочность их присутствия в чужой стране ставится под сомнение и они живут в атмосфере презрения и унижения. Утвердившись в профессиональной и культурной жизни, они начинают мстить «хозяевам», начинают против них «крестовые походы». Такой реак-

ции я жду и от немцев, переселившихся из России. Если мы не вольемся, не интегрируемся в этой стране, то приобретем статус иностранных рабочих и превратимся в пороховую бочку. Эта проблема сходным образом нарастает и во внешней политике. Будущее поколение способно отомстить другим народам за все унижения, которые перенесли родители, если в Европе не воцарится мир и прощение, хотя бы терпимость. Если народы Европы не смогут жить в дружбе, их ждет гибель. Она придет с Востока. Коммунистические идеологи, даже при официальной смене вывески на их сущности, не пропустят возможности и воспользуются случаем. Они - потенциальные поджигатели. Как только накапливается достаточно взрывоопасного материала - агрессивности и ненависти - его поджигают.

Кто выиграл во второй мировой войне? Международная коммунистическая система! Во главе с Советским Союзом. В этой стране говорят о 20 миллионах жертв войны, но при этом молчат о 60 с лишком миллионах людей, убитых самими коммунистами в собственной стране за годы, прошедшие после Октябрьского переворота. Что значат 20 миллионов человеческих жизней для коммунистического режима, если речь идет о мировом господстве? Да ничего! Протесты и возмущение сопровождали войну во Вьетнаме и были справедливы, но в то же время никто не обратил серьезного внимания на два миллиона жертв режима Пол Пота! А разве мир должным образом отреагировал на советскую агрессию в Афганистане, на кровавое подавление стремления к независимости в Литве, Грузии, Азербайджане? Почему молчат ретивые защитники прав человека, встающие на защиту одного писателя или музыканта, когда коммуни-

ты убивают тысячи безвестных людей? Я не могу смотреть на это равнодушно и хотел бы уехать из лицемерной, слепой, мчащейся к гибели Европы. Я готов уехать не только в Америку или Австралию, но и назад в Россию. Мы об этом много спорим с мамой. Я знаю, что Советы меня больше не примут или же просто посадят за решетку. Но лучше сидеть в камере, чем плыть на гибнущем корабле Европы. Ленин был прав, говоря: « Они продают нам веревку, на которой мы их повесим!»

- Но ты и пессимист, отец! - заметила Наташа. - Таким я тебя еще не знала.

- Возможно, я стал пессимистом,- возразил Зигфрид. - Просто я слишком часто и без ответа спрашиваю у себя: как найти путь к слиянию с общиной? Как найти решение мировых проблем?

Наташа отреагировала мгновенно:

- Я думаю, что эти ответы надо искать в Священном Писании и нести в мир Евангелие Господа нашего Иисуса Христа. Люди едва ли станут лучше, благодаря политическим или социальным переменам. Хорошие люди нужны как при коммунизме, так и при капитализме. Руссо ошибся: человек плох от природы. Любая политическая система имеет дело, прежде всего, с испорченными людьми и эту их сущность не изменят ни тюрьмы, ни исправительные лагеря, не изменят наука и образование, и лишь принятие Христа может дать желаемый результат. Ты это хорошо знаешь, папа. Но я не думаю, что твоя разобщенность с мамой объясняется разрывом с общиной и отчужденностью с государством.

Зигфрид промолчал. Баночку с пивом он возвратил проходившей с тележкой стюардессе нетронутой. Потом закрыл глаза. Наташа решила, что поняла его: слишком свежи были раны, причиненные ему в общине,

не улеглась обида на жену. Именно это вызывало обостренное восприятие всего происходящего вокруг. Впечатлительная Наташа всем сердцем чувствовала его обиду, его страдание, но не знала, как помочь отцу. Подумав, она спросила:

- А ты не пытался преодолеть свою обиду вместе с Христом?

- Что? Как это? - не открывая глаз, спросил Клемм.

- Папа,- продолжила Наташа,- сейчас тебя обуравает агрессия и жалость к самому себе. Ты должен покаяться и просить Господа освободить твое сердце от чрезмерного и излишнего груза.

Зигфрид не сказал ничего. Больше они об этом не говорили. В салоне включили телевизор: показывали американский боевик. Наташа увлеклась незамысловатым сюжетом и вскоре уже так погрузилась в перипетии экранной истории, что забыла об окружении. Клемм и далее сидел с закрытыми глазами и в какой-то момент даже уснул. Лишь когда самолет начал снижение перед Сан-Франциско, он проснулся.

* * *

Наташа и не предполагала, что у нее в США столько родни. Двоюродные братья и сестры, дяди и тети встречали их в аэропорту гурьбой, пытались что-то сказать, но почти никто из них не владел немецким. Она слышала «Хелло!» и другие слова, пыталась угадать, что они значат. В Сан-Хосе их привезли в большой дом и познакомили с остальными родственниками. Оказалось, что их было еще больше!

Наташа покраснела, увидев всё это американское общество. Девушки и женщины имели на лицах

косметику, большинство из них были в брюках. Мужчины тоже все как один были без галстуков. Наташа подумала: «Среди моей американской родни, как видно, нет баптистов».

День был жаркий, но в доме стояли кондиционеры и чувствовалась приятная прохлада. Все собралось в большой гостиной. Молодые мужчины непринужденно беседовали с дамами, но госте было здесь неуютно. Ее длинные черные косы - краса и гордость всей семьи, широкая крестьянская юбка выделялись в этой комнате и девушке казалось, что ее рассматривают не без удивления. «Возможно, они без галстуков, но все же христиане?» - пыталась она успокоить себя. В поисках поддержки посмотрела на отца и удивилась его радостному возбуждению. Он весь лучился, сиял, как новогодняя елка! Ему было здесь хорошо! Да и все вокруг не выглядели печально, как будто в этом доме и не было похорон...

В гостиной появились местный пастор с супругой. Начались взаимные приветствия. «Да ведь она тоже накрашена!» - с ужасом поняла Наташа. Эти слова она немедленно прошептала отцу на ухо. Тот улыбнулся, наклонился к дочери и шепотом сказал ей, что все присутствующие относятся к общине меннонитов. Лишь покойный дядя Глидер к ней, к сожалению, не принадлежал. Тут Наташа совсем растерялась...

- Папа, не ты ли нам говорил еще в России, что так красятся лишь уличные девушки? - спросила она.

- Девочка, успокойся, пожалуйста, мы потом обсудим все проблемы, - ответил Зигфрид. - В России говорят также: в чужой монастырь со своим уставом не суйся!

На следующий день состоялись похороны. Пастор говорил на английском и немецкие гости поняли немного. После печальной церемонии все вновь собрались в гостиной. Пытались говорить по-немецки, но это было затруднительно для американцев. Тем не менее они понимали отца и лишь изредка переспрашивали... А он рассказывал им о жизни немцев в Советском Союзе, о себе. Наташа с удивлением наблюдала, как женщины дружно начали плакать, вытирая вместе со слезами косметику. Это ее развлекло, а такая высокая сентиментальность пробудила теплое чувство к накрашенным американкам, которые без румян и туши оказались довольно симпатичными тетками.

Потом состоялась общая молитва за советских христиан. Наташа в молитве участвовала формально: она все еще не могла смириться с тем, что эти странные американки такие же христианки, как и ее сестры.

* * *

Всю следующую неделю европейские гости были, как говорится, нарасхват. Их просто перевозили в больших автомобилях из одной семьи в другую. Всюду царил непринужденная, дружественная атмосфера. Наташа в одном из собраний познакомилась с молодым американцем, врачом, проводившим в Сан-Хосе свой отпуск. Он работал в военном госпитале, размещенном в Германии. Впервые девушка увидела Билла Стротта на богослужении в баптистской общине, куда воскресным утром они пришли с отцом. Билл обрадовался знакомству, как дитя. Особенно забавляло его то случайное обстоятельство, что они приехали сюда из одной немецкой области. Тут же новые знакомые обменялись адресами. И уже на следующий день Билл появился у

двоюродного брата Зигфрида, Коопа, принимавшего как раз Клеммов. С ходу Билл пригласил юную немку и ее отца в Диснейленд.

- Это же далеко! - удивился Кооп.

- Далековато! - согласился Билл. - Но стоит посмотреть. Мы переночуем на полпути в отеле. Поедем вдоль океана, полюбуемся и поплаваем...

Зигфрид легко согласился и они без промедления отправились в путь. Открытый «кадиллак» мчался со скоростью в 55 миль. Автострада вскоре спустилась с гор к берегу и устремилась на юг, свежий морской ветерок приятно ласкал лица.

Билл хорошо знал Калифорнию и рассказывал немало интересного о каждом селении, появлявшемся у дороги. Первую остановку сделали уже в Санта-Крус, где жил Джон, брат Билла. Его жена Анита оставила учительские заботы в местной школе и растила трех миленьких детей. С Наташей она беседовала на прекрасном немецком языке и это очень порадовало девушку. Но первый вопрос Аниты ее очень смутил:

- У тебя ведь уже есть сердечный дружок? - непринужденно спросила Анита.

Наташа вновь покраснела и серьезно ответила:

- В нашей общине не разрешают иметь друга.

- Да-а? - удивилась Анита. - Как же ты выйдешь замуж, не имея друга?

Они беседовали на кухне, дружно, в четыре руки, готовя салат.

- Если юноша полюбил девушку, он должен обратиться к Богу и в молитве просить благословения и проверки, от Бога ли эта любовь, - поделилась Наташа опытом. - Потом он идет к пастору и они вместе молятся, после чего пастор беседует о случившемся с девушкой. Он спрашивает у нее, не

хочет ли она перед Господом проверить, должен ли этот молодой человек стать ее супругом. Она идет молиться и, убедившись, что выбор правилен, принимает решение.

- Но как узнать, что именно этот юноша предназначен этой девушке в мужа? - допытывалась Анита.

- Понимаешь ли, - смущенно объяснила Наташа, - эта девушка, скорее всего, тоже влюблена в юношу.

Анита громко расхохоталась. Наташа уже заметила, что американцы очень непринужденно выражают свои чувства: громко смеются, искренне плачут, шумно здороваются, живут, как говорится, без комплексов.

На Аниту она не обиделась.

- Я тебе про себя расскажу, - сказала Анита, успокоившись. - Как мы с Джоном поженились. Он пришел ко мне и спросил, не хочу ли я стать его женой. Я согласилась. Пришла большая любовь и мы благодарили Бога за то, что подарил нам это чувство. Мы пошли к пастору и попросили нас обвенчать.

- А потом? - не могла сдержать девичье любопытство Наташа.

Анита нежно улыбнулась:

- Потом была свадьба, медовый месяц и ... трое детей.

Порозовевшая от смущения Наташа унесла в столовую блюдо с салатом. Предчувствие великих событий волновало ее... В столовой уже собралась веселая семейка и начался поздний обед.

Отправляясь в путь, Наташа села сзади, рядом с отцом. Ей уже не хотелось сидеть рядом с Биллом.

- Па, - спросила она по-русски, - а ты когда-нибудь благодарил Бога за любовь к маме?

- Что это ты вдруг? - удивился Зигфрид.

- Раз Бог есть любовь и любовь приходит к людям, то значит любовь есть частью Божественного существа.

- Но ведь бывает только телесное влечение, так называемая эротическая любовь, - задумался отец.

- Это верно. Но может ли из такой эротической любви возникнуть хороший брак?

- Наташа, о чем это ты говоришь? - в голосе отца уже чувствовалось возмущение.

- Папа, мне ведь уже миновало двадцать, пора подумать о будущем. Я не хочу ошибиться... Я знаю, что Божественная любовь обязывает нас делать добро всем людям. Но ведь семью создают только один мужчина и одна женщина...

Клемм перешел на шепот:

- Ты влюблена?

- Нет, отец. Еще нет. Но если это случится, я тебе обязательно об этом скажу, - серьезно ответила Наташа.

Разговор прекратился.

Поздно вечером они остановились на ночь в Санта-Марии. До цели путешествия было уже недалеко и они радовались, что приедут в Лос-Анжелес в разгар дня. В мотеле их без проблем разместили на ночлег. Билл много шутил, был весел, пытался даже вступить в богословскую дискуссию с пастором. Когда после позднего ужина они расходился по своим комнатам на ночь, Зигфрид сказал дочери:

- В этой стране я чувствую себя, как дома. Охотно прожил бы здесь оставшиеся мне дни и здесь закончил бы свой жизненный путь.

Наташа не поняла настроений отца. Как можно

здесь жить, не зная языка? Она раздумывала о возможности жить в Америке, а за стеной в это ночное время молился Зигфрид:

- Господи, в этой земле я почувствовал себя в покое, здесь мне хорошо, как дома. Здесь Твое Слово услышано всеми. Благословенная земля. Свободные люди. Подари мне в конце земного пути несколько лет душевного покоя, помоги переехать сюда со своей семьей. Я устал жить с чувством неполноценности, как вечный странник. Услышь меня, Господи! Но пусть исполнится воля Твоя, а не моя. Аминь!

Потом Зигфрид долго лежал в постели с открытыми глазами. Он думал о том, что общение с родственниками ему приятно. Он радовался их неутомимому труду в меннонитской общине. Как им удалось добиться такого уровня духовной культуры, а главное - душевного состояния? Наверно, на это ушли десятилетия упорного труда и самосовершенствования? Нет, ему было определено плохо в богатой Германии. Вот здесь, за океаном, Зигфрид чувствовал себя воистину свободным человеком. Он был силен, решителен. Он мог преодолеть любые трудности...

- Не болен ли я? - испугался вдруг Зигфрид.

Ему почудилось, что он стоит на пороге второго исхода и на этот раз ему предстоит покинуть недавно обретенную страну предков ради глубоко желанной земли, полной благоухания и расположения, истинного рая, в котором ему выпало впервые в жизни ощутить себя полноценным и нужным обществу человеком.

Зигфрид был немцем, но немецкий язык был для него языком иностранным. Как он ни старался его изучить, а все равно не мог говорить без сбоев

и заминок. Он сам постоянно чувствовал это. Да и коренные немцы никогда не упускали случая обратить внимание приезжего на его недостатки. Не раз они прерывали беседу участливым замечанием:

- Вы, наверно, приезжий? Откуда?

Он отвечал:

- Из России!

В ответ всегда звучало:

- Ах да! Переселенец! Эти люди покупают большие автомобили! Вы тоже?

Устаревшая шутка достигала цели - Клемм был в бешенстве!

Сколько равнодушия и откровенной неприязни было в таком разговоре! Еще бы! Эти приезжие занимают все рабочие места, на них уходят налоги, они позволяют себе покупки, о которых многие не смеют и мечтать. От такого отношения Клемм уже не раз чувствовал, что лучше бы ему с дочерью вернуться в Россию. Но для него в эту страну уже не было возврата. Никогда больше не быть ему пастором советской баптистской общины, никогда не работать инженером. Никогда не простят ему связь с преследуемыми собратьями. Он честно пытался найти свое место на родине предков, но из этого, пожалуй, тоже ничего не получилось. Он явно начал сдавать.

Бессонной ночью в мотеле вблизи Тихого океана Клемм думал о послевоенном времени, когда немцам в России пришлось особенно туго. Ненависть пылала жарким пламенем. Неизжитая на фронте, она перекинулась в бывший тыл и теперь искала выход на фоне всеобщей голодухи. На каждом шагу слышалось - фашисты, фрицы... Взрослые могли еще стойчески перенести преследования, а дети страдали - они теряли уверенность в себе,

теряли жизнерадостность, росли замкнутыми, затравленными. Массовые насильственные переселения немцев в Сибирь оставили на всем пути могилы. Чем хуже жилось русским, тем больше сами они досаждали немцам, считая именно их виновниками всех своих злоключений. Раздражало трудолюбие немцев, их умение даже в самых тяжелых условиях довольно быстро обзаводиться хозяйством, вести его рационально и прибыльно. По традиции такая относительная зажиточность порождала желание поживиться за счет соседа. И когда оказывалось, что такую возможность открывает набожность соседа, то уже хотелось выследить тайное собрание верующих, донести, а потом попасть в понятия, порадоваться разорению... Верующим немцам доставалось вдвойне. Мало того, что они из того, проклятого народа, так еще и не православные, а невесть кто...

Враждебное окружение, преследования со стороны властей, неприятие предприимчивости порождали у немцев преувеличенное восхищение родиной предков и мечту о выезде в Германию на постоянное проживание. Именно там они обретут покой и благосостояние.

Не сразу и не всем удалось уехать за границу. Но многих на новой земле ждало разочарование. Их считали чужими. Отчуждение увеличивали комплексы, обычаи и убеждения, в том числе религиозные, привезенные с собой. Эти привычки в ужасающих условиях жизни в Советском Союзе переросли в некие национальные ценности и соблюдались неукоснительно наравне с десятью Заповедями. В России эти привычки служили масштабом оценки их верности Богу, выражением благонамеренности и моральности, поэтому малейший

уход от них считался компромиссом с совестью, даже изменой евангельской правде. И когда на немецкой земле переселенцы ощутили неприязненное отношение, то прежде всего вооружились тем, что защищало их на прежнем месте жизни, то есть замкнулись в кругу проверенных временем правил и обычаев.

Этот защитный комплекс, вполне объяснимый, тем не менее приносил множество хлопот прежде всего пасторам. Им ведь предстояло ввести свою паству в уже существующую структуру церкви. К тому же, по существующей традиции баптистские общины «русских немцев» имели немалое число служителей. Это было необходимо в условиях репрессий, когда община в течение ночи могла лишиться большинства руководителей. Служителями были не только пасторы и проповедники, но и так называемые старосты, которые охотно управляли всеми делами, не чураясь и житейских вопросов верующих. А в Германии они оказались просто лишними. Многие из них в Советском Союзе утвердились в своем призвании наставлять паству, а поэтому и здесь попытались взять на себя такую же роль, но слабая богословская подготовка и недостаточное знание немецкого языка ограничило их стремление. Помехой стали и навыки советского образа жизни.

Именно эти люди первыми стали собирать братьев и сестер по вере в некие замкнутые резервации, чтобы общими усилиями противостоять непонятной и весьма соблазнительной западной свободе, несомненному упадничеству, проникновению в их среду предполагаемого меркантилизма и модерна. Защита старых структур и привычек породила надежду на сохранение патриархальных общин-

ных устоев, столь милых всем с лет молодости. Коль все это оправдало себя в тяжелых условиях борьбы за выживание, то и здесь могло защитить новоприбывших от притязаний коренного населения. Раз там было хорошо, то и здесь будет кстати.

Такая концентрация служителей на сравнительно небольшом германском просторе создала свои трудности. Каждый из них стремился применить на практике свой личный опыт, разумеется, во благо своей общины. Это вызвало разногласия, непонимание, отчужденность в общинах переселившихся баптистов, а в ряде случаев - раскол. Отдельных старост и диаконов подвергли «ревизии», а вслед за нею - лишению службы в общине. Первыми пережили такое отстранение служители с физическими недостатками, а также женатые на родственницах. На Востоке эти личные обстоятельства не принимались во внимание, лишь бы не угасала жизнь общины, а здесь и без инвалидов было немало хорошо подготовленных, здоровых и жаждущих служения людей. И служение уже не создавало опасности их личной свободе.

Пастор Антон взял в жены далекую родственницу задолго до обращения в веру. Жил он в Прибалтике, где ощущался легкий ветерок западного образа жизни. Известный пресвитер при одобрении общины возвел его в должность пастора. Антон приобрел авторитет и когда оказался в Германии, не потерял свою паству, основал новую общину евангельских христиан-баптистов. Но тут многим вспомнились давние сомнения относительно чистоты брака их пастора и, хотя все обстоятельства его женитьбы были известны, вновь провели расследование. Брат Антон пережил немалое потрясение и оставил пасторское служение. В общине начался раскол. Одни - и их

было большинство - опять выбрали брата Антона своим духовником, часть верующих высказалась против. Состоялся собор пресвитеров объединенных общин, на котором страсти не утихали. Важным обстоятельством в пользу Антона было то, что он многие годы прожил со своей супругой в мире и согласии, а недавно она, к несчастью, ослепла. Тем не менее собор решил, что община не должна выбирать Антона своим руководителем. Сообщить ему об этом решении обязали престарелого пресвитера, когда-то открывшего путь Антону к пасторскому служению. Он признал свою давнюю ошибку и тоже высказался против Антона. Но случилась осечка... Община дружно противостояла всем попыткам отделаться от уважаемого ею пастора и не приняла рекомендаций собора. Пытавшиеся отстранить брата Антона от служения были посрамлены и отступились.

Расслоение паствы стало повсеместным явлением. Еще недавно, в Советском Союзе, сплоченные верой и общими злоключениями баптисты вдруг вследствие обретенной свободы стали проявлять изрядное многообразие нравов, переживать сложную гамму радостей и страданий. Они присмотрелись друг к другу и нашли одних консерваторами, других либералами, разделились и основали новые общины согласно новых оценок. Не исчезли разногласия между регистрируемыми и незарегистрированными общинами, возникшие в прежней стране и привезенные на Запад. Здесь разногласия не потеряли своей остроты. Представители незарегистрированных в СССР баптистов основали в Германии свою организацию, задачей которой была поддержка преследуемых баптистов на Западе. Руководство этой деятельностью возлагалось на выслан-

ного из СССР секретаря Совета общин евангельских христиан-баптистов.

Клемм очень болезненно переживал все перипетии этой борьбы. Зарегистрированные в СССР баптисты увидели угрозу для себя, ибо борьба против регистрации общин у советских властей не теряла интенсивности и в Германии, а это уже было на грани политики. Клемм считал, что не следует переносить на Запад противостояние двух христианских группировок. Было бы лучше объединиться в движении за сохранение основ христианской этики, выработанных всей прошлой практикой, а также сосредоточить силы на евангелическом миссионерстве.

- Они просто не поняли меня,- жаловался Зигфрид Биллу под ласковым калифорнийским солнцем на просторном пляже. - Миссионеры, отправившиеся в Африку, были вычеркнуты из общин, потому что, решили оставшиеся, мы не можем проверить, соблюдает ли наш брат этические принципы общины в далекой стране. А эти так называемые «принципы» на самом деле не что иное, как многолетние привычки, не имеющие особого значения. Неужели они были важнее задачи обретения новых душ для Христа?

Билл удивлялся кипению страстей в христианских общинах. Он и не подозревал, что в Германии возникли такие проблемы.

- Мне кажется, что такое разобщение будет продолжаться до тех пор, пока старшее поколение не уйдет естественным путем из жизни, как было когда-то в Израиле,- сказал молодой врач.

- Я переживаю радость от того, что могу доверить вам свои сомнения,- продолжил Зигфрид.- Об этом грузе действительно мало знают в обществе, а

говорить о сложностях можно разве что с близким другом. Ведь и коренные немцы не отличаются единством взглядов. Старшие поколения в результате войны оказались в плену на Востоке или были вывезены за свои политические убеждения в Сибирь. Многие идеализировали порядок, царивший накануне войны и теперь считали, что при Гитлере жилось лучше. Да и переселенец не раз мог воскликнуть: «А при Гитлере такого не было!» Конечно, это была тоска стариков не по Гитлеру, а по той Германии, которую они потеряли. По той Пруссии с ее железными устоями, о которой в России, возможно, знают лучше, чем на германской земле.

Билл оказался хорошим слушателем и Зигфрид спешил высказать ему всё, что было на душе, что волновало с первого дня переселения. Иногда он неуверенно посматривал искоса на Билла, проверяя, не устал ли его собеседник от этих откровений, но тот так сосредоточился на исповеди Клемма, что пастор почувствовал в нем своего союзника.

- До переезда в Германию или Штаты переселенцы имели собственные представления о западных странах, но они оказались иллюзией, - продолжил Зигфрид, чувствуя заинтересованность Билла. - Некоторые считали, что на них упадут с неба жареные перепела и манна небесная. Но этого не случилось, даже обычная селедка доставалась нелегким трудом. Ее надо было заработать... А к немецкому темпу работы, надо сказать, в Советском Союзе привыкли немногие. Даже немцы убеждены, что по сравнению с русскими они умеют трудиться и пожинать плоды своего труда. Темп, считавшийся на Западе нормальным, многих не устраивал. А поэтому переселенцы довольно быстро раз-

узнали, где выплачивают пособия по безработице, получить социальную поддержку, церковную помощь. Но такой выход не мог стать постоянным решением проблемы.

- Но ведь в том, что эти люди имели искаженное представление о Западе, нет их вины! Им нужно было помочь...

- Вначале они начали помогать сами себе,- ответил Зигфрид.- Первыми потянулись друг к другу отрезвевшие. Они объединились в своеобразные колонии, в которых возродили некое подобие советского образа жизни. Своеобразные гетто... Разочарования наложили свой отпечаток на жизнь в гетто переселенцев, где бы они ни жили... Но такая практика встретила непонимание местного населения, а также многих переселенцев. Да и повсюду в мире. Местные немцы тоже ожидали чего-то иного по сравнению с той массой, что прибыла к ним. Разочарования с обеих сторон углубили разрыв. Он стал похож на пропасть...

- Вы дальновидны, раз увидели всё это и синтезировали проблему,- заметил Билл.- Но в этом причина вашего собственного страдания. Возможно, вы чрезмерно требовательны... Возможно... Но я не ошибусь, если скажу, что вам хотелось бы уехать...

- Я сдался. Я хочу уехать. Но куда? В Штаты? Вы знаете, я даже молился об этом... Но от самого себя никуда не уедешь. И никогда... Если человек мыслит, то его раздумья обо всем этом становятся навязчивой идеей. Как подступиться к этой проблеме? Возможно, она и не встала бы с такой остротой, если бы удалось войти в более тесный контакт с немецкими общинами? На юге Германии проповедник Рудольф Янцен полностью посвятил себя Евангели-

зации и в этом был его выход. Ностальгия раздавила сердце этого Божьего человека, перенесшего тяжелые преследования в стране, где идеологи коммунизма были готовы убить за то, что с их точки зрения подлежало «правосудию». Их идеологией стал Идол и всё, что угрожало их божкам, воспринималось как дьявольские проделки.

Клемм также испытал, как ширилось доносительское насилие, садизм, и его желание вырваться из коммунистического «порядка» осуществилось. Он выжил среди воинствующих «самоедов», но теперь был готов вернуться к этой жизни из «страны чудес», где не мог справиться со всеми проблемами. Проклятье! Он был готов бежать...

Над морем смеркалось, и Зигфрид решительно встал. Поднялся и Билл. Вернувшись в дом, Зигфрид видел в окно, как Билл беседует с его дочерью. Они даже спорили... Он почувствовал неосознанную радость и отправился в душ. Холодная вода успокоила его, Клемм уселся в кресло перед телевизором и нажал кнопку дистанционного управления. Показывали ковбойский фильм. Большой орел парил над простором прерий, внизу паслись стада и эта идиллическая картина была приятна пастору. Он сказал вслух:

- О Господи, в такой долине хотел бы я построить свою хижину и жить в ней трудами на земле и молитвой благодарения! Там и умереть, вдали от суеты наших будней...

Ссора с Симой

Пока отец с Наташей пребывали в Америке, дома остались только мать с Михаилом, так как Сима внезапно исчезла. Это случилось после ее возвращения из Австрии. Она заявила домой в пресловутых джинсах, довольная и счастливая. Но мать, увидев дочь в синих дудочках, потеряла самообладание. Ну ладно, вельветовые штаны - они еще имели мало-мальски приличный вид. А это что за мальчишество! И когда Сима начала рассказывать о том, сколько людей обратилось к Христу за время их поездки. Лина вспылила:

- Как ты можешь говорить о таких серьезных вещах! Посмотри на себя! Да эти молодые люди не могли оторваться от твоего джинсового зада, а ты вообразила невесть что! - с этими словами она вышла из гостиной.

Сима была так поражена, что вначале даже не почувствовала себя задетой. И лишь спустя несколько минут, в кухне, она разрыдалась. Михаил в соседней комнате готовился к репетиции хора и, услышав возбужденный голос матери, вышел узнать, что же случилось. Сима сквозь слезы рассказала ему о происшедшем. Михаил сказал:

- Мама права. Ты очень соблазнительна в этих джинсах и на месте австрийских парней я тоже не знал бы, что делать: идти за тобой в собрание или в дискотеку? Не сердись, но чем ты отличаешься от уличной девки?

Это уж было слишком: Сима просто взвыла, бросилась в свою комнату и заперлась. Вернувшись с репетиции хора, Лина и Михаил нашли на столе записку: *« Я от вас ушла и никогда - никогда не хочу больше вас видеть! Я люблю только папу! Будете ко мне приходить, всё выскажу при людях! »*

- Она так же решительна, как и ее отец, - сказала Лина.

Михаил взглянул на Лину и усмехнулся:

- А я подумал: она так же темпераментна, как ее мать.

- Неужели я тоже похожа на уличную девку?

Михаил нахмурился:

- Мама,- сказал он,- не надо так говорить о своей дочери. Это уж слишком. У Симы нет друга, хотя многие за ней ухаживали. Она решила до конца учебы не обременять себя романтической связью. Ты не должна о ней плохо говорить!

В это мгновение позвонил телефон. Лина взяла трубку и услышала одно единственное слово: «Клемм».

- Зигфрид, это ты? - обрадовалась Лина.- Как наши дела? Сима ушла. Ты еще спрашиваешь, почему? Ты же сам ее так воспитал. Боялся сказать ей хотя бы слово, а теперь она щеголяет в джинсах как проститутка! Я ей сделала замечание, а она вспылила и ушла! Алло! Алло!

На другом конце провода молчали.

- У Клеммов опять заклинило, - горько пошутил Михаил.

- Ты тоже непредсказуем, - обрушилась на него Лина.- Сам назвал сестру уличной девкой, а потом меня стал упрекать за то же.

Михаил искренне огорчился:

- Мама, я глубоко сожалею, что сказал эти слова Симе. Я хочу попросить у нее прощения. Где только ее искать? Но я всего лишь брат...

Удрученный, он ушел в свою спальню.

Михаил всегда был на стороне матери. Но сегодня она причинила ему боль. Он понял, что его родители после переезда на Запад потеряли взаимный

контакт и живут каждый сам по себе. Мать часто поступала вопреки мнению и советам отца. Отец терпеливо переносил такие удары, но ничего не делал для того, чтобы исправить положение. Особенно напряженными были их взаимоотношения перед болезнью отца. Болезнь их примирила, но душевная близость была утрачена.

Лина тоже чувствовала разобщенность. Что-то стояло между нею и мужем. Супружеская жизнь стала просто привычкой и Лина часто задумывалась над тем, любит ли ее Зигфрид как прежде. Однажды она пожаловалась мужу:

- Я чувствую, что между мной и Еленой возникло странное соперничество. Мне кажется, что ты любишь Елену больше, чем меня. Дочь стала твоей духовной партнершей, а я, твоя жена, теперь просто домохозяйка. Не пора ли внести ясность в такое положение?

Зигфрид невыразимо страдал от ревности Лины. Он пытался объяснить ей несостоятельность каких-либо предположений во взаимоотношениях, для него предельно ясных, но Лина воспринимала его доводы не рассудком, а сердцем. Зигфрид считал, что после отъезда Елены в Москву небосклон прояснится. Лина тоже питала такую надежду. Как же быть теперь, после ухода Симы?

Лина ушла в спальню и попыталась читать. Содержание книги не фиксировалось в памяти. Она легла и открыла Библию. Перед ней был 103-й Псалом: «Буду петь Господу во всю жизнь мою, буду петь Богу моему, доколе есмь!» На душе было смутно и не была расположена она сегодня к благодарению. Лина отложила Библию... Она долго лежала без сна, но потом забылась. Она не знала, долго ли длился ее зыбкий сон, но телефонный

звонок поднял ее с постели. Лина набросила халат и вышла в гостиную. В темноте она споткнулась на чью-то неубранную обувь, нащупала выключатель и взяла трубку.

- Мама! - услышала Лина голос Елены.

- Елена, ты ли это? Здравствуй!

- Здравствуй, мама! Как дела у отца?

- Он в Америке, разгуливает в Штатах!

- Мама, прервала ее Елена. - Только что мне позвонила Наташа. У отца второй инфаркт. Он в одной из клиник Лос-Анжелеса!

- Что?! - испугалась Лина. - Да он же недавно звонил и все было в порядке!

- Именно после этого разговора с ним и случилось. Поэтому и Наташа позвонила мне, а не тебе. Что же ты ему сказала такое, что у него сердце не выдержало?

- Сима от нас ушла!

- Этого следовало ожидать! Вы всегда ссорились! Опять о моде? Вы своими пререкательствами на темы дамских брюк сведете отца в могилу! Я сейчас же начинаю хлопотать о визе. Иду в американское посольство! Всего хорошего!

Елена положила трубку.

Лина даже не сообразила, что могла бы обидеться на Елену за ее дерзкий тон: она не знала, что теперь делать. Но уже через минуту она разбудила Михаила и сказала ему о случившемся.

- Нужно срочно найти Симу! - решил он.

- Это еще зачем? - удивилась Лина.

- Она, наверно, захочет полететь к отцу.

- Не нужно. Я завтра возьму отпуск и сама полечу в Лос-Анжелес.

Михаил пожал плечами и пошел в ванную. Решение Лины показалось ему неразумным: одна в

Америке, не зная языка? Не зная адреса клиники в огромном городе?

Но Лина уже вся была в работе. Она позвонила родственникам в Сан-Хосе. Да, они знали о том, что Зигфрид в больнице. Им сообщили Наташа и Билл. Кто такой Билл? Пожалуй, жених Наташи. Пусть Лина сообщит, когда ее самолет приземлится в Лос-Анжелесе. Для этой информации им хватило познаний в немецком языке... А Лина уже звонила в аэропорт. Да, она может заказать билет на вечерний рейс. Какое счастье, что у нее была шестимесячная виза, ее предусмотрительно открыл Зигфрид, надеясь, что и она полетит с ним в Америку. А она еще ворчала на него за излишнюю трату денег!

Вечером она была с Михаилом в аэропорту.

- Если найдешь Симу, скажи ей, что я очень сожалею,- попросила она сына. Он посмотрел на нее удивленно:

- Пожалуй, я ее обидел больше, чем ты! Хорошо, хорошо, я скажу!

Он впервые увидел на лице матери горькие, жесткие складки. Она была очень старомодно, безвкусно одета. Михаил вдруг устыдился своих наблюдений, но все же сказал:

- Мама, ты оставила бы свою шубу дома. В Калифорнии сейчас очень тепло!

Лина любила свою шубу и считала, что она идет ей. Ведь эта шуба стоила шесть тысяч немецких марок! Она купила ее самостоятельно, не советуясь с Зигфридом, который не проявлял особого интереса к обнове. Может быть, он сейчас обрадуется, увидев жену в дорогой шубе? Лина за последнее время слегка располнела и на работе над ней подшучивали:

- В Германии все очень вкусное, не так ли?

Но как же не располнеть после многолетнего однообразия в еде? Здесь действительно было много вкусного! И цыплята, и ветчина, и всевозможная рыба - об этом в России они могли лишь мечтать!

- Если ты считаешь, - согласилась Лина и сняла шубу. Михаил перебросил ее через руку и подставил щеку для прощального поцелуя:

- Помоги отцу!

Лина помахала сыну и пошла к терминалу. Михаил не ушел и провожал взглядом красный платочек на голове матери, пока он не исчез у самолета.

В Лос-Анжелесе Лину встречали Наташа и Билл. Они не дали ей ни минуты на расспросы:

- Поспешим в больницу - отец ждет тебя!

По дороге они почти не говорили. Лина попыталась расспросить, как случилась беда, но Наташа не стала объяснять.

- Петр и Павел знают, что ты здесь? - спросила она.

- Да, я им звонила.

- Вот и хорошо, - похвалила ее Наташа.

Автострада была переполнена машинами и они продвигались медленно. Лина проявляла нетерпение. Она искоса посматривала на дочь и уже видела, что Наташа очень изменилась. Длинные косы ее все еще были, как у школьницы, но движения стали уверенными, она на глазах повзрослела. В чем причина такой перемены? Кто этот молодой человек? Он назвал себя Биллом. Кто же он?

Не менее часа ушло на дорогу. Наташа и Билл быстро провели Лину в палату отца. Это была палата интенсивной терапии, вся в приборах и пультах. Все эти аппараты были присоединены к Зиг-

фриду, его короткое дыхание вызывало тревогу. Увидев Лину, он улыбнулся. Но улыбка скорее напоминала болезненную гримасу. Он показал глазами и слабым движением кисти, что хочет остаться с женой. Наташа и Билл вышли. Лина поцеловала мужа в лоб. Потом села рядом с ним прямо на кровать.

- Я уже не надеялся, дорогая,- с усилием сказал Зигфрид. Лина напряглась, чтобы уловить его слабый голос.

- Я должен тебе сказать, что был плохим христианином. Неблагодарным... Ожесточился от превратностей жизни, преисполнился зла, жалости к самому себе. Я не был образцом для семьи. Об этом я поведал Господу и покаялся в своих грехах.

Зигфрид закрыл глаза и помолчал. Потом он улыбнулся и в этот раз ему удалось.

- Ты помнишь, как я сделал тебе предложение? - спросил он.

Лина кивнула.

- И что я сказал?

- Ты сказал, что не хотел бы жить с толстой женщиной.

Зигфрид вновь улыбнулся:

- Да, на Западе все располнели от хорошей жизни.

Зигфрид опять молчал, собираясь с силами. Лина молча сидела рядом с ним. Он закрыл глаза и проговорил:

- Я всегда тебя любил. Ты всегда была хорошей женой. Когда ты ждала Симу, то сказала мне: «Это будет девочка с моим темпераментом. Все дети пошли в отца, пора уже и мне иметь моего ребенка». Я тогда положил руку на твой живот и молился. Я тогда говорил: «Господи, если этот ребенок должен унаследовать характер

Лины, то пусть он все-таки будет Твоим чадом».

Зигфриду было трудно говорить. Лина вспомнила, что рассердилась на его молитву. Что значит - «все-таки»? Разве у нее плохой характер или какой-то необычный темперамент? Она тогда обиделась и теперь вспомнилась давняя обида.

- А когда мы приняли Христа, ты мне сказала: «Я теперь христианка и не позволю мне диктовать, что делать, а чего избегать. Я буду читать Библию и сама разберусь». Ты мне тогда сказала: «Я буду во всем слушаться Бога и стану хорошей женой». Так ты сказала... И мне это понравилось, мне это очень понравилось...

Медсестра вошла в палату и что-то сказала по-английски. Супруги не поняли, но вслед за нею вошел Билл и объяснил:

- Мы должны оставить больного одного. Он слишком устал и нуждается в отдыхе. Да и нам всем пора в отель!

Лина опять поцеловала мужа и пошла к выходу, стараясь не оглянуться. Ее поселили в очень хорошем отеле. Билл сказал, что в администрации работает его хороший друг Джон Витт и он поможет Лине освоиться в непривычной обстановке. Она может позвонить в Германию. А сейчас - отдых. Ужин и завтрак принесут в номер.

- А вы, где же вы будете? - обеспокоилась Лина.

- Холидей Инн, мама. В трех километрах отсюда.

- Как, с этим молодым человеком?

Билл засмеялся и вышел из комнаты.

- Ну что ты, мама. Я ведь уже взрослая и сама за собой посмотрю. Мы живем в разных номерах. Я живу с сестрой Билла. Она приехала сюда, как только с папой случилась беда... Он пережил большое нервное потрясение...

- Потрясение?... А инфаркт?

- Все это свалилось на него одновременно...

- Как же это случилось, Наташа? Я ведь хочу знать всю правду!

Наташа задумалась. Что сказать маме? Она ответила:

- Отдыхай. И успокойся. Отец жив и надо молиться о его исцелении. Завтра мы поговорим...

- Хорошо, завтра. Но вы меня оставляете совсем одну в таком громадном отеле! Как я тут со всем управлюсь?

- Мама, тебе во всем помогут. Через полчаса принесут ужин. Потом - отдых. А мы с Биллом идем в христианский театр на премьеру.

- Как в театр? Это же грех!

- Театр - грех или то, что мы туда идем? До свидания, мама! - Наташа поцеловала мать и убежала к Биллу. Лина осталась в полном недоумении. Ей было не по себе в огромном городе, в большом отеле. Уставшая, одинокая, оставленная всеми... Сокрушенно бросилась она на постель и горько заплакала. На стук кельнера никто не ответил: Лина спала и на ее лице было выражение упрямой, обиженной девочки.

Сима познает жизнь

Начальница Симы сдала ей комнату в своей квартире. Эта женщина была одинокой, имела самые многообразные увлечения, но, как сама утверждала, была не в восторге от мужчин.

- Ты извини, Сима,- сказала она в первый же вечер,- но все они - племенные жеребцы, которые ждут только кормежки, стирки, другого обслуживания и постоянно лезут в постель, а по отношению к женщине не чувствуют за собой никаких обязанностей. Еще в прошлом веке мужчины мог-

ли хоть что-то знать, а сейчас это постельные баловни, сами неспособные к труду, да еще совращающие детей.

Сима не поддержала тему разговора: она была рада, что без труда нашла убежище, а к представлениям своей хозяйки и руководительницы о жизни решила вернуться при удобном случае. Поселившись в Эспелькампе, Сима не стала искать связей с переселенцами из России. Мало общего было у нее и с новой знакомой - было с нее достаточно выполнять определенную домашнюю работу, за которую ей вскоре даже стали платить!

Ее уединение было вызвано также обидой на маму и брата, оскорбивших ее в самом святом, девическом... Да еще и без серьезного повода. Сима опасалась, что такие придирки могут повториться в общине, состоящей из таких же переселенцев, как мама и Михаил. Девушка знала свои недостатки: она была упрямой и своенравной, но считала, что это лишь поможет ей в буднях на Западе, где не слишком любят сентиментальность. После ухода из дому отпала необходимость посещения молитвенных собраний - Сима ходила на них ради родителей, но всякий раз такие посещения заканчивались препирательствами.

- Три проповеди для одного собрания - это уж слишком! - говорила Сима. - А так называемый немецкий язык наших проповедников просто пугает здешних немцев!

Родители пытались успокоить ее и говорили, что раньше всегда собрания состояли из трех проповедей, поэтому надо потерпеть ради людей, привыкших к таким богослужениям. Подрастут дети и внуки и все станет на свое место: и язык, и стиль собраний.

- Когда подрастут внуки, я уже буду бабушкой и не смогу ходить на собрания,- возражала Сима.- А сейчас как мне быть?

Да, Сима видела, что переселенцы лучше чувствуют себя среди своих, поэтому не спешат к слиянию с местными верующими. Изю всех сил, как за якорь спасения, они держатся за старые привычки и обряды, а надо бы просто бросить их и окунуться в новое житейское море - им ведь не дадут утонуть! Большое количество этических свобод и дозволенностей пугало приезжих, выбравшихся их своей глухомани на свет. Особенно непонятными были взаимоотношения между мужчинами и женщинами... А ведь этим людям была нужна лишь одна свобода - свобода вероисповедания, о которой они мечтали и за которую нередко претерпевали страдания! Так долго они прятались от КГБ и партийных организаций со своей верой, со своими Библиями, выслушивали насмешки, читали разный вымысел в газетах, стойчески выслушивали приговоры неправых судов, что теперь не сразу могли поверить, что все это осталось в прошлом.

Конечно, многие свободы были хороши и понятны. Имея машину, можно было поехать куда угодно, даже за границу, и никто не останавливал тебя в пути, не рылся в багажнике и не рассматривал твои документы так подозрительно, что и самому становилось неловко за себя.

Свобода передвижения была хорошей свободой. Возможность зарабатывать столько, сколько позволяет тебе здоровье и квалификация - это тоже неплохо! Правда, особенно молодые люди почувствовали неутолимую потребность приобретения всего, о чем они могли раньше только мечтать. Эта страсть пугала старших, тем более, что старшие не умели

отличать вещи повседневного употребления от излишеств и часто приписывали какое-то сексуальное или непотребное значение обычным радиоприемникам, спортивному снаряжению и другим аксессуарам молодежного быта.

«Ты не должен», «это нельзя» - такие запреты были понятны и их произносить было легче, чем каждый раз думать о том, нужно или нет запрещать данное действие. Как-то забылось наставление апостола Павла: «Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною». Молодые люди были с детства приучены к жестким рамкам дозволенного и когда перед ними открылся огромный мир желанных возможностей, они поначалу растерялись и ощутили себя на роковом пути. Внезапное «Я могу все» привело к угрызениям совести и многие молодые люди со слезами на глазах представляли перед общиной и каялись в своих невинных проступках. Образ жизни старшего поколения отразился на их совести и чувство вины делало их безвольными, лишало предприимчивости, а в отдельных случаях приводило к большим неприятностям - они становились жертвами недобросовестных людей.

Мало кто задумывался над тем, идет ли речь о Библейских заповедях или о традициях местной общины. В поисках выхода многие молодые люди шли в библейские школы или на богословские семинары, но потом с изумлением убеждались, что в общинах их встречают с опаской.

Со всем этим не могла смириться Сима. Ее отец был прав: она унаследовала характер матери и все эти запреты лишь раздражали ее. Она доискивалась причин запретов и, не видя их, обвиняла старших в придирчивости.

- Я ведь читаю Библию и сама могу составить суждение об этом,- говорила она, не зная, что дословно повторяет заявления матери.

Никто не мог убедить Симу в том, что ее брюки - мужская одежда.

- Ты мои джинсы оденешь? - спрашивала она у братьев.- Нет? Вот и помалкивай!

Да, Сима все чаще становилась невежливой, резкой. Особенно, если речь заходила об одежде. В семье Сима была «белой вороной». Примечательно, что Павел по сравнению с ней мог позволить себе значительно больше. Но он ведь был парнем, он учился, чтобы стать кормильцем, поэтому и мог позволить себе какие-то вольности. Его уважали. Русские, в том числе и русские немцы, уважали силу. Это была их история, их судьба. Почему бы не проявлять такое уважение к Павлу, воплощению силы? Такое уважение соответствовало ментальности не только одной семьи.

Павел пользовался несомненным авторитетом во всем окружении. Как же - будущий офицер! Ему можно было простить недавние прегрешения. Да и были ли они вообще! Иное дело Сима - слабое существо, осмеливающееся подавать голос в присутствии авторитетов! Не удивительно, что на нее нередко было направлено тихое неудовольствие новыми порядками всей ее семьи. Но Сима как раз на это не обращала внимания и совсем не боялась конфликта.

- Разве я веду распутную жизнь? - вопрошала она у домашних.- Назовите заповеди апостолов, которые я нарушила. Ага, не можете! Вот и нечего меня учить. Мои ровесницы уже давно занимаются любовью, а я - девушка и этим горжусь!

Такие резкие возражения многим в семье были не по нраву и втайне никто не возражал бы против

того, чтобы дерзкая девчонка набила себе шишку. Лишь бы без ущерба на будущее. Споткнувшись, она, возможно, как блудный сын, пришла бы в отчий дом с повинной, ее приняли бы с любовью и жалостью! Так ведь не оступается, а немецкие ее друзья утверждают, что ей удалось многих молодых людей привести к Христу.

Не только Клеммов, многих соеседей и знакомых шокировало поведение Симы. Все видели, как она заходила в пивной бар. Когда испуганная мать спросила ее об этом, Сима спокойно ответила:

- Да, мы с подругой раздавали посетителям христианские листовки!

Вскоре она привела нескольких своих знакомых из пивного бара на Богослужение. Местные немцы наблюдали за поведением Симы со смешанными чувствами: Бог хочет всех заблудших наставить на путь истинный, но действовать через эту шальную девчонку - это уж слишком! Она ведь не приняла во внимание наставления добродетельных немцев и устремилась в жизнь собственным путем. Упрек был направлен и маме Лине. Она и сама узнавала себя в Симе, но упорно не хотела признать этого перед остальными. Лина помнила, как ее дочь в детстве громко протестовала:

- Я сама знаю, как мне удобнее держать вилку, не надо меня учить!

Отец влюбленно смотрел на протестовавшую малышку, узнавая в ней свою, безусловно, любимую жену. При этом он говаривал:

Обычно люди наследуют грешные стороны, проявляющиеся в темпераменте их родителей.

И вот Сима обрела самостоятельность, собственное жилье, оказалась в ином мире, который готовил ей горькие сюрпризы. Хозяйка Симы не случайно

произносила филиппики против чухлых мужчин. Она их и впрямь терпеть не могла, а потому стремилась к немногим из уцелевших сильных представителей противоположного пола. «В свободный от работы день мне обязательно нужно что-нибудь для души», - повторяла она. А после любовного свидания стремилась запустить что-нибудь крепкое в желудок. Этими привычками объяснялось ее желание иметь помощницу в домашних заботах.

Фрау Кольба не научилась уважать никого из мужчин, но никогда не была «синим чулком», считала, что раз живешь один раз, то нужно не упускать возможностей и взять от жизни побольше, пока позволяет возраст. В сущности она была симпатичной и даже привлекательной молодухой с большими, кукольно голубыми глазами.

Пока Сима гремела в кухне кастрюлями, фрау принимала в спальне своего гостя. Для Симы все эти кухонные заботы были довольно новым делом и она начинала готовить рано, чтобы успеть. При этом она настойчиво молилась за фрау Кольба. С собой в кухню она брала Библию, чтобы почитать, если останется свободное время. Так было и в тот день, когда на кухне появилась ее хозяйка с неизменным вопросом:

- Нет ли чего-нибудь пожевать? Мой кавалер, я должна тебе сказать, девочка, мне сегодня понравился. Что ты читаешь?

Она открыла Библию и рассеянно повела взглядом по строчкам. Потом села у стола и углубилась в чтение. Она читала и читала, листая страницы...

- Очень интересно, - сказала фрау. - Я ведь раньше как-то не удосужилась... А здесь пишут, как Иисус не велел мучить женщину, нарушившую супружескую верность. Она и вправду была неверна?

- Дело не в этом,- сказала Сима.- Иисус любил ее и поэтому сохранил ей жизнь.

- Что-о?- удивилась фрау Кольба.- Иисус ее любил? Он хотел ее спасти для Себя?

- О Боже! - Симе едва не стало плохо: разве можно все в жизни сводить к плотской любви? В пивнушке легче было объяснить в чем дело, чем ее фрау...

- У вас только эротика на уме, а Иисус любил всех людей, в том числе и эту грешницу. Он спас ей жизнь и сказал: «Иди и больше не греши!» Разве это не свидетельствует о Его хорошем отношении к падшей женщине?

Сима повернулась к хозяйке и, глядя в голубые глаза, сказала:

- Иисус Христос и вам говорит сегодня: идите и больше не грешите! Вы можете еще раз счастливо выйти замуж, иметь милых детей. Вы сами можете стать счастливым дитем Божиим, если покаетесь в своем образе жизни и примете Христа в свое сердце!

- Молчать! - крикнула фрау Кольба и отвесила Симе звонкую пощечину. - Что же прикажешь мне делать со своим мужчиной?

Сима мгновение ошарашенно молчала, ощущая жар горячей щеки. Но в ней не вспыхнула злость, как можно было бы ожидать и девушка сама этому удивилась. Случившееся показалось ей забавным и она рассмеялась наивности вопроса фрау Кольба.

- Отдайте ему деньги и выставьте за дверь,- посоветовала она. - Если у вас на это недостает сил, скажите мне и я это сама сделаю.

Фрау Кольба закрыла лицо руками и просидела так несколько минут. Потом достала из кармана двести марок, протянула Симе и показала головой и глазами на дверь:

- Отдай ему!

Сима с деньгами в руках вышла в гостиную и, увидев там молодого человека, остолбенела:

- Михаил! - воскликнула она.

- Сима! А ты как сюда попала? Ты дружишь с фрау?

Симе вновь стало ужасно плохо. Она собралась с силами и протянула брату деньги:

- Вот твои деньги. А теперь иди. Иди и больше не грехи! Если ты покаешься, я никому не скажу.

На кухню Сима не вернулась: она побежала в свою комнату - плакать. Вскоре к ней пришла фрау Кольба, присела и обняла девушку:

- Сима, я хотела бы вместе с тобой помолиться о прощении моей души, - попросила она. - Я когда прочитала о грешнице... Я хочу измениться, Сима. Помоги мне! Моя дорогая девочка, прости и помоги!

Симе казалось, что она плохо слышит свою хозяйку: эта ли женщина еще сегодня так цинично рассуждала о своих связях с мужчинами? Она послушалась и обе усердно, проникновенно молились. Фрау Кольба в своих искренних попытках покаяться полностью и бесповоротно, попыталась даже назвать всех своих любовников, но запуталась в именах и оставила эту затею. Сима же молилась за Михаила. Прислушавшись, фрау Кольба прервала свою молитву и спросила с испугом:

- Что? Это был твой брат?

Сима кивнула головой и обе женщины залились слезами. Они долго плакали, но Сима первой взяла себя в руки и пообещала хозяйке помочь ей сделать первые шаги на пути к Христу и крещению.

* * *

Михаил шел по улице, чувствуя ожог в руке от марок, принесенных Симой. Он был полностью выбит из нормальной колеи. Сегодня, наконец, ему удалось найти сестру. Он искал ее упорно и довольно успешно. Ему подсказали, что она снимает комнату у своей начальницы, назвали адрес. Михаил разыскал улицу и дом, позвонил. Ему открыл дверь мужчина. Михаил удивился: он успел узнать, что фрау Кольба не имеет мужа... Возможно, это был брат хозяйки? Он хорошо выглядел.

«Не из-за него ли Сима именно здесь нашла квартиру?» - Михаил почувствовал страшное подозрение.

Мужчина впустил его и сказал с явным разочарованием:

- Так быстро? Фрау Кольба на кухне. Скажите, что я зайду попозже. Сердечный привет хозяйке! - он шутливо приподнял шляпу и подмигнул.

Михаил ничего не понял, но все же зашел и стал ждать. Через несколько мгновений появилась раздраженная Сима и вручила ему деньги. Михаил опять ничего не понял, кроме ощущения, что он попал в какую-то жуткую историю, имеющую отношение к сестре. Он взял деньги, подчиняясь ее настойчивому требованию. Но уже через мгновение опомнился, бросил деньги на стол и опрометью бросился на улицу.

Теперь он шагал прочь, пытаясь разобраться в случившемся. Его сестра, наверно, имела предосудительную связь с мужчиной, открывшим ему дверь. Она платила ему! И когда принесла деньги, но застала в комнате Михаила, то страшно побледнела и не нашла лучшего выхода из создавшегося положения, как обвинить брата в прелюбодеянии с собственной хозяйкой. О, как права была мама! Как

низко пала Сима! Подумать только: она нанимает мужчину для любовных утех! Михаил вспомнил, что приехал к Симе автомобилем, вернулся и сел за руль. Но его мысли были так поглощены бедой, случившейся с Симой, что он проехал первый же красный сигнал светофора и был вынужден остановиться по требованию полиции.

- Ваши документы, пожалуйста,- потребовал полицейский.

Михаил смотрел на него, не понимая.

- Выйдите из машины. Очевидно, вы пьяны.

Михаил вышел.

- У вас есть права на вождение машины?

Наконец, Михаил понял, что от него требуют и показал полицейскому документ. Над городом вечерело. Полицейский быстро писал в блокноте. Михаилу было все равно. Потом полицейский вызвал по рации свой участок и что-то говорил им. А Михаил в мыслях был далеко на Востоке. Он вспоминал жизнь, которой больше не было. Он вспоминал их добропорядочную немецкую семью, совместные посещения молитвенных собраний, всеобщую доброжелательность и строгость по отношению к детям и молодежи. Так захотелось вернуться в голодное детство, что Михаил едва не закричал на вечерней улице от душевной боли. Наверно, он ужасно напугал бы полицейского, потому что вслед за криком расплакался бы. Полицейский и так не знал, что делать со странным водителем...

«Боже мой! - думал Михаил.- Коммунизм жесток, но он хотя бы соблюдает какие-то правила бытовой морали! А здесь все продажно и мерзко! У всех на уме только марки и развлечения! Они погибнут как в Содоме с Гоморрой и никто не спасет их от заслуженной кары! Они распадутся, как распалась в гре-

хе империя Рима! Полное отсутствие человеческого достоинства, падение нравов, упадок! У коммунистов больше шансов на спасение во дни второго пришествия! Утверждают, что здесь - расцвет христианства, а сами поступают хуже коммунистов! Нет уж, лучше гнить в коммунистической тюрьме, чем видеть, как твоя сестра во имя денег становится гулящей девкой!»

Михаил не заметил, что говорит вслух и полицейский слушает его.

- Вы переселенец? - спросил он.

- Что? Да, я приезжий.

- Это заметно. Только приезжий может мчаться по городу со скоростью сто километров в час, игнорируя сигнал светофора. Возьмите ваши бумаги и убирайтесь!

Полицеский ткнул документы Михаилу в руку и пошел к своей машине. Обернувшись, он сказал:

- Вас следовало бы подвергнуть наказанию, но, судя по вашим высказываниям, у вас не в порядке с головой. Советую обратиться к психиатру...

Михаил не ответил. «Тоже хорош,- подумал он.- Вместо того, чтобы торчать у светофора, лучше занялся бы теми девицами, которые совращают мальчишек, теми парнями, которые совращают девушек...».

Дальше Михаил вел машину уже по правилам. И только в пустой квартире он сообразил, что так и не сказал Симе об отце. Придется завтра опять к ней ехать...

Сима долго пребывала в шоке. Поздно вечером она вновь молилась. «Боже,- говорила она,- почему ты прощаешь людям их показную набожность, тогда как они совсем иные? Мой брат, которого все уважают как регента церковного хора на самом

деле альфонс, живущий на деньги беспутной женщины! Как это возможно? Мне приходилось слышать, что среди наших переселенцев немало лицемеров, но я никогда не ожидала такого от родного брата!»

Дальше Сима уже не могла молиться: досада и обида на брата затмили все чувства. Пережитое сегодня было свыше ее сил. Ее называли публичной женщиной, тогда как сам назвавший погряз в разврате! Ради наживы! И все это - хваленый западный образ жизни! Тут Сима вспомнила об отце и залилась горькими слезами. «О, мой папочка, - причитала она, - если ты узнаешь о Михаиле, то умрешь с горя! Мы сами сведем тебя в могилу! Твои дети! О как ты мне сейчас нужен!» После слез Сима почувствовала глубокую усталость и вскоре уснула. Она не слышала, как в комнату вошла фрау Кольба и остановилась у ее постели, засмотревшись на спящую девушку. На ее лице было умиротворение...

Елена и Иоганнес

Сотрудники КГБ без труда установили, что целью поездки Иоганнеса Лебера в Москву была Елена Клемм. Знали, что он вез деньги баптистам и легко выследили его тайник. Каждый его шаг был им известен. Попытки Елены сбить с толку оперативных работников КГБ привели только к временному ее успеху. Теперь они ждали человека, который придет за пакетом. Были наготове кинокамеры и фотоаппараты, свидетели и понятые... К плакату никто не приходил...

Елена тоже поняла, что «тайник» Лебера - наивная затея и предупредила друзей. Деньги, конечно, были нужны, но стоило ли рисковать шумным разоблачением, судебным процессом и обвинением

баптистов едва ли не в шпионаже? Стоило ли добавлять новые награды коллегам Милютина? Была опасность, что КГБ потеряет терпение и попытается привлечь к ответственности Лебера: у них уж точно заснято, как он прятал свой сверток! Ситуация была щекотливой, но не хотелось пугать молодого человека. А вдруг обойдется...

Лебер получил согласие на посещение патриархального управления православной церкви и Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. Интервью с руководителями обеих церквей записал не только Лебер, и на Лубянке кое-кто посмеивался по поводу его русского произношения. Полковник Милютин торжествовал: Елена теперь у него в руках! В свое время ему не удалось уличить ее отца в противозаконной деятельности. Он был уверен, что пастор Клемм занимался подпольной издательской деятельностью, вовлекал молодежь в церковную жизнь, но ни разу не смог застать его на месте преступления, а все предположения начальство не принимало в расчет. Только с поличным! И вот одна из его дочерей сама идет в его руки!

Елена предполагала, что вокруг нее сжимается опасное кольцо. Немалое значение имело предостережение Риты Боткиной, посоветовавшей ей быть осторожной. Конечно, Рита была любовницей Милютина и падкой на любую наживу, вернее, наживу любой ценой, но при известной осторожности да еще ценой заграничных подарков с Ритой можно было вести игру. Какой ей расчет продавать Елену? После ее ареста ей ровно ничего не перепадет. А так - всегда остается надежда на заграничные подарки, даже на валюту, открывающую заветную дверь магазина «Березка». И, помня об этом, Рита рассказывала подруге всё, что только могла узнать у Милютина.

Елена хотела знать, фотографировали ли Лебера с момента его приезда и Рита узнала: да, снимали каждый его шаг. Но пленки нет: ее по оплошности засветили. Есть снимки только из патриархата, но они лишены для КГБ какого-либо значения. Эта информация успокоила Елену. Теперь можно было подумать о том, как взять из тайника пакет с деньгами.

Елена вместе с друзьями молилась о помощи. И она пришла неожиданно как подарок небес. В Ленинском райкоме партии кому-то пришлось в голову заменить транспарант со здравицей в честь КПСС. Один из четырех работников художественно-оформительского цеха райкомхоза посещал общину баптистов и был готов помочь.

Оформитель был уже на пороге пенсии. Он знал пастора Клемма и даже мечтал, что один из его сыновей / а их было семеро / женится на дочери Зигфрида. Но они ведь жили в разных городах и не имели возможности дружить семьями, а после отъезда Клемма о мечте пришлось забыть. И вот вернулась Елена. В тот вторник она сидела в семье старого оформителя и уплетала вареный картофель с мелкой рыбешкой- тюлькой. Старик говорил: «Каждый день развешиваем по городу прославления КПСС. Хотя бы раз где-нибудь написали о баптистах! Правда, приходится и снимать эту самую КПСС. Завтра, например, возле гостиницы снимем огромный щит...»

- Где? Возле какой? - воскликнула Елена.

Ответ взволновал ее. Это был «их» плакат.

- Мне нужно с вами поговорить наедине, - с волнением произнесла Елена. Они уединились и девушка рассказала старику все о деньгах для церкви.

- Завтра мы что-нибудь придумаем,- пообещал ее собеседник.

На следующее утро обветшавший транспарант был снят со стены. Конечно, никто и не подумал сообщать о столь заурядном событии в КГБ и его наблюдатели увидели, как снимают полотнище, уже в момент работы. Они ринулись за грузовиком, собиравшим старую наглядную агитацию, но с оборотной стороны транспаранта ничего не было: пакет бесследно исчез. На всякий случай опросили рабочих, но так как напрямую им нельзя было объяснить, что именно хранилось за плакатом, то они ничего и не смогли рассказать, а один из них, старший по возрасту, даже пошутил, что любовные письма со времен Дубровского носят в дупло, а не за партийные плакаты. На том и кончилось.

Елена сразу после этих события бросилась искать Лебера и сумела поговорить с ним после богослужения у протестантов.

- Иоганнес, я советую вам вернуться в Германию,- сказала она.

- Что вы, Елена! - удивился он. - Мои дела обстоят блестяще и я имею хорошие материалы для своей работы.

- Возможно, но за вами постоянно следят. Вы не знаете, что такое КГБ. У них может лопнуть терпение. Это мы здесь привыкли избегать ловушек, а вы легко станете их добычей. Не будьте наивны, возвращайтесь домой!

Упрек в наивности задел Лебера. Он себя таким не считал. Когда Елена направилась к выходу, он позвал ее:

- Елена!

Она не остановилась, не оглянулась, лишь взяла под руку знакомую и ушла, оживленно беседуя с нею.

Лебер был смущен и обескуражен таким поведением девушки. По дороге с богослужения, у самой гостиницы, его схватили и затолкали в автомобиль. В милицейском отделении с Лебером беседовал полковник Милютин. Он представился, назвал и место своей службы.

- Не считаете ли вы, герр богослов, что ваши контакты в Москве зашли слишком уж далеко? - спросил Милютин. - Впрочем, вы уже знаете, что сверток исчез из тайника. Кому же попали привезенные вами деньги?

- О чем это вы? - удивился Лебер.

- Не будем играть! - полковник злился. - Я могу устроить вам такое представление с вашим участием, что на всю жизнь запомнится. У нас есть и пленки, и свидетели... Но я хочу вам добра и настаиваю: у вас есть билет, проставьте дату и убирайтесь домой, пока целы. У нас здесь свои порядки и я не могу поручиться за вашу безопасность. Советую вам впредь быть осмотрительнее, потому что следующая наша встреча может быть менее приятна для вас. Счастливого пути!

Двое мужчин проводили Лебера до гостиницы. Он так и не понял, в чем состояла его ошибка. Все было так хорошо устроено! Иоганнес провел две почти бессонные ночи, а потом отправился в посольство. Ему сказали:

- Вас ждут!

Лебер постучал и приоткрыл дверь. В комнате была Елена Клемм.

- Здравствуйте, Иоганнес,- сказала она,- хотела повидать вас, чтобы попрощаться. Вам надо ехать. В нашей семье случилась беда: у отца тяжелый сердечный приступ и я не знаю, что происходит с нашей семьей в Германии.

- Вам нужно ехать со мной!

- Нет, мой дорогой друг, это невозможно. Я разрываюсь между моей семьей и братьями по вере в России. Не могу их оставить - здесь я нужнее, здесь я в безопасности.

- Здесь в безопасности?! - вскричал Лебер.

- Да, дорогой. Здесь за нами следят сотрудники КГБ, вмешиваются в нашу жизнь, угрожают и досаждают, но здесь нас хранит Господь. Мы живем и боремся за святое дело, а на Западе деятели церкви все больше погружаются в мистические химеры, тиранствуют над верующими, теряют Бога.

- Елена неожиданно разговорилась, но искренность не пугала ее, она радовалась, что нашла человека, с которым можно говорить о наболевшем.

- Елена, - сказал Иоганнес, - у меня американское подданство, вы можете уехать со мной в Штаты, я буду заканчивать в Пасадене мою докторскую работу, а вы будете в безопасности. Я люблю вас, Елена!

Девушка покраснела как школьница.

- Что же мы не сядем? - смущенно произнесла она и закрыла лицо ладонями. Лебер опустился рядом с ней на колени и взял в свои руки ее ладони. Они были влажны от слез.

- Елена, я буду так часто приезжать в Советский Союз, как только будет возможно и пока вы не убедитесь, что я люблю вас. Я знаю, что вы любите человека, которого больше нет. Пусть это чувство останется с вами. Выходите за меня замуж, а я сумею найти такую линию поведения, чтобы не задеть то, что живет в вашем сердце. Наша любовь придет, я в это верю. Мама рассказывала мне, что не любила моего отца, когда ее вынудили стать его женой. А сейчас они не представляют свою жизнь иначе. Господь благословил их союз.

Елена долго не решалась посмотреть в глаза Иоганнеса, а когда решилась, сказала:

- Я люблю тебя с нашей первой встречи. Но поняла это лишь здесь, в Москве. Что же нам делать? Я не хочу уезжать на Запад! Мое место здесь!

Иоганнес положил голову на ее колени, счастливо улыбнулся и неожиданно ... задремал. Сказалось нервное напряжение и бессонные ночи. Молодой человек среди огромной и неуютной Москвы забылся в непонятном сне и его девушка не удивилась. Она положила руку на его голову и ждала.

Зигфрид

В ту же ночь Лине позвонили в отель и предупредили, что за ней вышла машина: ее мужу плохо. Наташа и Билл были уже в больнице. За ней приехал родственник из Сан-Хосе. Лина не могла с ним поговорить: он не владел немецким. За время пути она услышала лишь одну фразу:

- Это есть плохо!

Но значение этого предупреждения она поняла сразу же, едва вошла в палату. Зигфрид был жив, но минуты были уже сочтены. Медики больше смотрели на экран, чем на больного, понимая, что жизнь его завершается и все их усилия тщетны. Они сделали всё, что могли.

Лина опустилась на колени возле постели Зигфрида, но Билл поднял ее и усадил на стул. Она послушалась и взяла руку мужа в свои ладони. Рука холодела. Боль и тревога пронзили сердце Лины. Зигфрид открыл глаза и прошептал:

- Я ухожу домой, к Господу. Я уже иду к Нему. Передай мое прощание Елене, Михаилу, Павлу, Петру, Симе.

Он никого не забыл и это было хорошо. Потом

Зигфрид взглядом позвал Наташу. Она подошла ближе, чтобы слышать отца. По лицу девушки текли слезы.

- Благословляю вас, дети,- прошептал Зигфрид. Потом его взгляд вновь перешел к Лине:

- Не плачь, дорогая. Ты была мне верной спутницей. Я ухажу. Господь благословит вас всех.

Счастливая улыбка озарила его лицо. Зигфрид был свободен от всех земных забот. Врач отошел от аппарата, а его ассистент выключил прибор, регистрировавший истечение жизни.

- Я сожалею,- сказал врач, посмотрев на плачущих родственников.

Покойный до последнего мгновения пребывал в палате интенсивной терапии и уже это обстоятельство не внушало надежд. Но Лина все же не теряла надежды. Ведь у Зигфрида и раньше случались сердечные приступы, но он справлялся с недугом. Она верила, что и на этот раз беда минует их. Но случилось иначе. Наташа не решалась оставить мать одну и поехала с ней в гостиницу. Мужчины отправились на почту, чтобы сообщить всей родне о кончине Зигфрида Клемма. Решили, что его похоронят в Сан-Хосе - ведь он хотел остаться в США навсегда.

* * *

После обеда с разрешения начальника Михаил поехал к сестре, чтобы сообщить ей о болезни отца и отъезде матери в Америку. Мать просила у Симы прощения.

Михаил надеялся застать Симу в ее квартире. Он неохотно ехал туда, но другого выхода не видел - по телефону всего не скажешь... На звонок у двери ему открыла фрау Кольба. Михаил ощутил неприятное чувство, но выхода не было - он поздно

ровался и ... В нем проходило боре́ние - эта женщина приютила его младшую сестру, но она же, видимо, бесстрастно взирала на ее беспутное поведение. С другой стороны - как же она внешне мила, эта фрау Кольба! Голубые глаза, мягкие линии тела... Михаил сконфузился и подумал: «Я все же ничем не лучше других». От смущения он повернулся и стал спускаться по лестнице. Хозяйка растерянно смотрела ему вслед. Ей показалось, что она уже где-то видела этого молодого человека. Ах, да! Он же чертовски похож на Симу!

- Послушайте! - вскричала она и даже сбежала за ним на несколько ступенек.- Вы родственник Симы Клемм?

- Да, я ее брат!

- Как хорошо! Вы, наверно, хотите ее видеть?

- Она одна?- злорадно спросил Михаил и бросил на фрау испытующий взгляд. Хозяйка никак не отреагировала на колкость и Михаил продолжил:

- Вчера я был у вас и встретил в прихожей дружка Симы. Он испарился мгновенно, решив, что я тоже ее воздыхатель...

Фрау Кольба прислонилась к дверному косяку, пытаясь перехватить дыхание...Она начинала кое-что понимать! Так ведь Сима застала в гостиной собственного брата, когда вышла с деньгами! Какой ужас! Ведь она приняла его за любовника своей хозяйки! Что делать? Фрау Кольба справилась со смущением и пригласила Михаила войти. Он не отказался, подчиняясь не столько голосу рассудка, сколько ее обаянию.

- Послушайте меня, герр Клемм,- начала хозяйка,- человек, которого вы вчера встретили, не знаком с Симой. Она вообще ничего общего не имеет с мужчинами. Я вижу, вы несправедливы к своей

сестре... Мне не хотелось бы раскрывать свои маленькие тайны, но в этом случае просто необходимо сказать вам, что до вчерашнего дня я вела не слишком примерную жизнь... Знаете, одинокая женщина не всегда может устоять перед соблазнительным предложением. И заработать можно на мелкие радости, и соблазн телесного общения... Ну, вы не мальчик... Но вчера под влиянием Симы я решила покончить с этим и отправила ее к своему посетителю. Она должна была лишь вернуть ему деньги... В гостиной оказались вы. Что мне еще сказать? Вы меня простите, я сама отвечаю за свои дела, а вот Сима со вчерашнего дня молится о вашем спасении. Она ведь решила, что мой гость - это ее брат... Сима, дитя мое! - позвала фрау Кольба свою квартирантку.

Обескураженный Михаил не находил слов, чтобы объяснить свое состояние, а Сима плакала от радости, что все ее подозрения и горести оказались беспочвенными. Они плакали... С ними плакала и фрау Кольба. Когда же слезы просохли, Михаил рассказал сестре о болезни отца и они вместе помолвились о его здоровье.

По дороге домой Михаил обдумывал еще одну проблему, которую он сам себе создал из-за собственной невыдержанности в общении с Симой. Вот бы посоветоваться сейчас с отцом! Ведь именно его он обидел больше всего своими подозрениями и нападками. Вместе с матерью он стал в оппозицию к собственному отцу, причислив его к тем ренегатам, которые отступились от христианской этики во имя упадочнической морали Запада. Сам Михаил как истовый баптист русско-немецкого воспитания считал своим долгом вести священную войну против всех соблазнов растленного Запада. Он ос-

новал группу экзорцистов, выступивших на борьбу против демонических сил современного мира. Эти молодые люди решились на такое служение, когда прочли книгу Николая Храпова из Совета общин евангельских христиан-баптистов о благословении Божиим в такой борьбе. Автор книги стал для них призывом к борьбе и они приняли свое призвание быть экзорцистами в западном мире. Служение их исполнялось в большой тайне и мало кто знал о новом призвании группы молодых людей. Обращавшиеся к ним за очищением от демонического влияния уверяли, что пережили благотворное очищение, но никогда не называли источник такого омоновения, поэтому Михаил был вне подозрений. Эта группа изучила обвинения против Елены и сочла их бесосновательными.

В группе Михаила Клемма царило убеждение, что возрожденный христианин никогда не сможет поддаться демоническому влиянию, даже если он отойдет от веры. После шокирующего вечера в квартире фрау Кольба Михаил успел рассказать членам своей группы, что его сестра Сима ведет предосудительный образ жизни и, без сомнения, отошла от веры. Она пребывает в оковах дьявола и может быть освобождена лишь молитвой и постом.

И теперь Михаил был подавлен чувством вины. Как рассказать в группе о своей фатальной ошибке? Он не сомневался в том, что Сима его простила. Но он ведь свои предположения представил в кругу единомышленников, пусть даже небольшом, как свершившийся факт? А что же сам он?

«Кто посмотрит на женщину с вождедением...» То-то и оно... Михаил очень нуждался в помощи. О, если бы отец был здесь!

Он поставил машину на стоянку близ универма-

га, уронил голову на руль и горько заплакал. Прохожие удивленно поглядывали на плачущего мужчину, а маленькая девочка с куклой в руках даже попыталась утешить Михаила:

- Дядя, не плачь. Я дам тебе в подружки мою куклу.

Прохожие засмеялись, а Михаил включил мотор и уехал. Едва он переступил порог родительской квартиры, как позвонила Наташа.

- Михаил, папа умер сегодня утром. Ты можешь сказать об этом Симе?

- Конечно. Мы с ней сегодня помирились. Передай это маме!

Михаил вновь предстал перед Симой, чтобы сообщить ей печальную весть. Но прежде он решил покаяться перед ней в своем прегрешении, опустился на колени и попросил простить его за то, что в беседе с братьями из своей молодежной группы он предположил, что сестра его греховна.

- Мой дорогой покоритель демонов! Ты видишь, как нас восстановили друг против друга! - воскликнула Сима голосом матери. Он посмотрел на сестру смущенно: что знала она о его духовной работе?

- Всё знала! - как бы прочитала его мысли Сима. - Ваши тайны - простое ребячество и мы с отцом знали о них с первых шагов деятельности твоей группы.

Михаил не стал выяснять, кто же стал источником такой информации. Он лишь сказал:

- Отец умер, Сима.

Сима смотрела на него, не понимая. Потом медленно произнесла:

- Папа умер?

Михаил кивнул. Сестра смотрела прямо перед собой как загипнотизированная печальной вестью.

Ни слезинки, лишь капелька крови появилась на нижней губе, которую она прикусила, чтобы не зарыдать. Все это было так неестественно для нее. Сима вдруг утратила ощущение реальности и как будто попала в злой сон.

- Где? - спросила она.

- В Лос-Анжелесе.,

- Господи Иисусе,- прошептала Сима,- у Тебя папе будет лучше. Мы приносили ему только боль и печали.

Произнеся эти слова, она и дальше сидела неподвижно. Михаил испугался за нее и попросил фрау Кольба поговорить с сестрой. «Наш папа умер», - объяснил он. Хозяйка пришла к Симе, села рядом с ней и погладила девушку по спине. От ее прикосновения Сима заплакала. Потом зарыдала, как будто погружаясь в пучину горя. Михаил растерянно встал.

- Закажите три билета в Лос-Анжелес,- сказала фрау Кольба.- Туда и обратно. Я оплачу. Нужны визы, их можно оформить без промедления, коль речь идет о смерти. Прошу вас, Михаил.

Слова хозяйки прозвучали как приказ. Михаил пришел в себя и понял, что от него ждут решительных действий. Он ринулся в путь и уже на следующий день сообщил фрау Кольба, что к вылету все готово.

Бегство Елены

На школьном уроке Елена была настоящей актрисой. Она умела так увлечь музыкой своих учеников, что даже самые нерадивые стремились заслужить ее похвалу. Ее уроки любила и руководительница школы, часто посещая их лично для себя. Вот и сегодня она сидела позади, стараясь не привлекать внимания. В служебном кабинете школы ей просто было скучно. Кроме того, она узнала,

что Елена опять получила посылочку от брата и хотела навестить ее после занятий. Неплохо бы получить новый коврик на стену.

Когда позвонили на перерыв, Елена отпустила учеников и подошла к Рите:

- Дорогая, сегодня я получила посылку от Павла,- сказала она.- Не нужен ли тебе коврик на стену?

Рита улыбнулась:

- С некоторых пор ты угадываешь мои мысли. Значит, мы совсем сблизились. Пойдем прямо сейчас?

У Елены больше не было уроков и она согласилась:

- Почему бы и нет? Пойдем!

Вместе они направились к остановке. Елена делала вид, что ничего не произошло, хотя знала, что КГБ проинформировано о ее встрече с Лебером в посольстве. Теперь они вновь начнут интенсивную слежку. Поэтому она и пригласила Риту к себе. Пусть думают, что все идет как прежде. Хотя на самом деле все теперь было иначе.

Именно в это время Иоганнес был уже в американском посольстве и заказывал визу для Елены по своему паспорту она ведь была его невестой. Информация о том, что мистер Баркер из американского посольства заказал на свое имя два билета на рейс американской авиакомпании ничего не говорило сотрудникам КГБ.

Полковник Милютин в эти дни был занят своей сверхзадачей: он пытался уговорить Елену отказаться от германского гражданства и вернуться к советскому. К его вящей радости Елена принимала его уговоры снисходительно и обещала подумать, так как ей теперь не резон жить иностранкой в своей стране.

В квартире она сохраняла прежний порядок, чтобы Рита не догадалась о ее сборах в дальнюю дорогу. Едва они вошли в комнату, она сказала Рите:

- Вот там все лежит. Посмотри сама, подружка, а я приготовлю чай.

Рита набросилась на заманчивые вещи, едва прислушиваясь к словам Елены, обещающей ей устроить самый настоящий русский чай у самовара. Хозяйка проказливо сделала ударение на словах «русский чай», но Рита и этого не заметила.

- Да я тут могу у тебя всё забрать! - в восторге вскричала Рита.

- Вот и заberi! - ответила Елена из кухни.

Потом Рита притихла: вспомнила, наверное, о подслушивании и смутилась, что ее могут обвинить в чрезмерном пристрастии у барахлу. Елена вышла из кухни и привычно включила проигрыватель. Наверно, тот, кто слушал их разговоры, знал каждый такт этой пластинки. На кушетке красовались метры развернутого рулона нарядной ткани и Рита как бы примеряла ее к себе в разных вариантах вечерних платьев.

- Что лучше: костюм или платье? - спросила она шепотом.

Елена наблюдала за ней с улыбкой. Не дожидаясь ответа, Рита запела... У Елены тоже было хорошее настроение: она знала, что отец все еще в США, хотя и в больнице. Как только они с Иоганнесом прилетят в Нью-Йорк, Елена сразу же позвонит в Сан-Хосе и Лос-Анжелес. Ее приезд в Америку вернет отцу бодрость и здоровье и он... обвенчает дочь с Иоганнесом. Или благословит их брак. Она громко запела псалом и даже на мгновение заглушила пластинку. Из комнаты в кухню

заглянула удивленная Рита. Но, убедившись, что ничего необычного не происходит, вновь вернулась к обновам из Германии. Она вытащила из картонного ящика ковер, немного приклеившийся к краям, и начала его разворачивать на полу.

- Какая великолепная вещь! - опять воскликнула она, не в силах сдержать радость. Медведи на ковре тянули лапы в ее сторону и ей захотелось обнять этих зверюшек. Когда Елена внесла самовар, картонный короб был пуст. Вещи оказались уложенными в большую сумку, стоящую у входной двери. Рита вдруг почувствовала неловкость:

- Ты ведь вправду сказала, что я могу все взять себе? - спросила она робко и несколько стыдливо.

Елена громко рассмеялась и обняла подругу:

- Разумеется, моя дорогая. Я ведь с мыслью о тебе писала брату о посылке. А у меня есть все необходимое, зачем мне еще?

- Друга у тебя нет, Леночка! - возразила Рита и осмотрела комнату с легкой завистью: цветной телевизор, проигрыватель со стопкой хороших пластинок, много книг, новая мебель, пианино, кассетный магнитофон... Елена перехватила ее взгляд и подумала: «Хорошо, что я могу все это оставить моим братьям-христианам». Тогда она не знала, что в завещании оговорено: нажитое предками она могла только завещать другому и не имела права что-либо дарить при жизни. Заботливый прадед хотел видеть ее всегда в благополучии.

Телефон зазвонил, когда подружки обсуждали предстоящий балет Чайковского в Большом театре. Елене хотелось побывать на премьере и она могла себе позволить такие расходы, но в день премьеры ее уже здесь не будет. Звонили из немецкого посольства:

- Просим вас зайти к нам, фрау. Если можно, немедленно. Нет, сегодня после обеда мы не принимаем, но вас будут ждать.

Елена не могла угадать причину звонка и тревожилась.

- Рита, звонят из германского посольства. Ты не хочешь меня проводить?

Рита поежилась: она не хотела маячить у иностранного посольства и полученные подарки тянули ее домой. Правда, Милютин не отказался бы от дополнительной информации...

Если ты действительно хочешь,- она нерешительно посмотрела на сумку у двери. Елена поняла ее колебания и сказала:

- Ах, оставим мою затею. Увидимся завтра и я все тебе расскажу.

Уже через несколько минут они были в пути и вскоре Рита поцеловала Елену на прощание. Она исчезла в автобусе, останавливаемом у высотного дома, а Елена поспешила в метро. Ожидая поезд, она любовалась чистотой подземной станции и думала, что на Западе такой стерильности еще не достигли. Итак, есть чему поучиться и в Москве! За ней, конечно, следили, но Елена уже привыкла к этому и относилась спокойно. Послышался шум приближающегося поезда. Елена инстинктивно оглянулась: за ней стояла дама с огромным чемоданом. Вдруг она сделала движение и бросила чемодан в ноги Елене. Девушка покачнулась, теряя равновесие, возмущенные голоса обрушились на неловкую даму, а руки доброжелателей подхватили падающую Елену и оттащили от опасной ramпы. Женщина исчезла и лишь чемодан сиротливо лежал у блестящей стены, отодвинутый в сторону суетливой толпой. Люди не придали особого зна-

чения происшедшему: чего только не бывает в московских давках... Каждый стремился поскорее втиснуться в вагон. Поезд увез с собой шумевшую толпу и на пероне остались только Елена и...Иоганнес. Именно его руки задержали Елену в смертельном ее падении на рельсы.

- Иоганнес, что это значит?- ошеломленно спросила Елена.

- Покушение, дорогая. Кому-то не хочется, чтобы ты уезжала. Но виза уже готова и теперь я тебя не отпущу от себя ни на шаг. Ты в безопасности, - Иоганнес говорил по-немецки, привлекая к себе любопытные взгляды: в Москве и любят, и опасаются иностранцев.

- Откуда же ты появился?

- Я шел к тебе и увидел, как вы уходите из дому с этой учительницей. Я заметил также, что за тобой следят и пошел следом. Поэтому я видел все, что творилось за твоей спиной, тогда как ты просто ждала поезд.

Елена обняла Иоганнеса и поблагодарила за чудесное спасение. Через сорок минут они уже были в посольстве. Сотрудник пригласил их в комнату и предложил сесть на диван. Потом обратился к Иоганнесу:

- Вам уже сказали?

Тот кивнул головой.

- Тогда прошу вас, скажите вашей даме,- с этими словами сотрудник посольства вышел из комнаты.

- Что это значит, Иоганнес?- спросила Елена.

Лебер взял ее руки в свои.

- Господь призвал твоего отца к себе, дорогая,- печально сказал он.- Вчера твой папа умер.

- Нет, мой папа жив! - капризно, как маленькая

девочка, вскричала Елена, но сразу же взяла себя в руки, осознав потерю и неуместность своего протеста. Иоганнес обнял ее за плечи и нежно встряхнул:

- Твой отец у Господа! - повторил он.

- Этот несправедливо, Иоганнес. Это же несправедливо! Мы же летим к нему! Он ждал нас...

- Елена, я говорил по телефону с врачом в Лос-Анжелесе два дня тому назад. Он соединил меня с пастором. Твой отец благословил нас. Я не хотел тебя огорчать, но он мог не выдержать твоего голоса и умереть от волнения. Его дни были сочтены, сказал врач. Они сделали все, что могли. Теперь он в руках Господа. Так угодно Богу, поверь мне!

Елена потеряла сознание: для одного дня всего было уж слишком. Позвали врача и он сделал девушке укол. Тем временем Лебер рассказал сотруднику посольства о происшествии в метро. Тот качал головой и повторял:

- Фройляйн нужно на Запад. Как можно скорее на Запад.

Иоганнес сказал:

- Мы летим послезавтра.

- Но еще два дня в Москве. Следите же за девушкой,- посоветовал дипломат.

- Я постараюсь,- заверил скорее себя, чем его Лебер. - Я уже постарался: друзья ее отца будут при ней до самого отъезда.

Пастор Лебер не узнавал себя: как быстро набрался нужного опыта еще вчера столь наивный богослов. Что сказал бы о нем Милютин?

Похороны

В Сан-Хосе было жарко. И хотя в церкви безукоризненно работала климатизационная установка, пастор Смит ощущал необычную жару и удивлял-

ся тому, что женщины набросили шали на плечи. Он подумал, что ему так жарко от волнения.

Гроб с телом Зигфрида Клемма стоял впереди. В первом ряду сидели Лина и Наташа. Петр, Павел и Рената разместились за ними. Елена, Сима, фрау Кольба и Михаил стояли у гроба. Они не хотели сидеть в присутствии умершего. Билл и Лебер стояли у входа в церковь. Они видели как из старого, блестящего черным лаком лимузина выбрались два старичка и засеменяли в церковь. Там они благоговейно подошли к гробу и прищурились, рассматривая сквозь стекло лицо покойного.

- Так это пастор Клемм? - спросил один из них у Симы, подошедшей с вежливым вниманием к ним.

- Да, это мой отец пастор Клемм,- подтвердила она и вдруг осознала, что вопрос прозвучал на немецком языке.

Старики вновь присмотрелись к умершему и один из них сказал:

- Ленгард, ты не находишь, что он очень похож на нашего брата?

- После стольких лет разлуки я уже не очень хорошо помню нашего брата,- спокойно ответил второй.

Потом оба подошли к Лине и один из стариков спросил:

- Вы были женой умершего?

- Да,- подтвердила Лина.

- А мы братья его отца. Мы его дяди,- их американский акцент был очевиден.

Наташа поднялась:

- Я дочь пастора, Наташа. Мы вместе прилетели сюда. Это мои братья, а это - невеста Павла, Рената. Мои сестры...

Старики никому не подали рук, лишь церемонно кланялись.

- Я не видела их на похоронах дяди Фридриха, - сказала Наташа.

- Вы правы, - услышал ее реплику один из стариков. - Мы были в Парагвае и не могли приехать. Мы ведь уже не живем в Калифорнии. Скажите, пожалуйста, а ваш отец был коммунистом?

Наташа даже возмутилась:

- Что вы такое говорите? Он был баптистским пастором в России!

- О, юная дева, я не хотел вас обидеть. В Италии мы встречали священников, которые состояли в Коммунистической партии, - старик был явно смущен своим неудачным вопросом.

Иоганнес, Билл, фрау Кольба подошли к старикам и Лебер миролюбиво предложил:

- А не присесть ли нам?

Старики согласились и засеменили к левому ряду. Началось богослужение. Пастор Смит говорил об усопшем, представшим пред Господом. Церковь была полна: слух о «русском» пасторе, умершем в их городе, облетел все кварталы. Хор печально пел в глубине. Родные Клемма почти ничего не поняли в проповеди, но их взволновала проникновенная торжественность, с которой пастор говорил о Зигфриде. Потом Билл подсказал, что пастор просит родных подойти к гробу, а затем к выходу. Они стояли у гроба, а мимо них цепочкой тянулись многочисленные участники печальной церемонии, произнося слова соболезнования. Лишь немногие говорили по-немецки. Когда поток прощания иссяк, к гробу подошли служители и перенесли его на катафалк. Процессия медленно двинулась на кладбище.

- Жаль, что мы не услышали его проповедей, -

сказал один из стариков Елене, взявшей их под руки.

- Где вы живете?

- Элхарт, Индиана, дом престарелых,- ответил второй и стал набивать табаком трубку.- Мы мennonиты.

- Вы еще курите? - удивилась Елена.

Старик что-то пробурчал и продолжил свое занятие. В тот же день все были приглашены на поминальный обед в трапезной церкви. Семья вновь собралась вместе ...

Пока отец с Наташей пребывали в Америке, дома остались только мать с Михаилом, так как Сима внезапно исчезла. Это случилось после ее возвращения из Австрии. Она заявила домой в пресловутых джинсах, довольная и счастливая. Но мать, увидев дочь в синих дудочках, потеряла самообладание. Ну ладно, вельветовые штаны - они еще имели мало-мальски приличный вид. А это что за мальчишество! И когда Сима начала рассказывать о том, сколько людей обратилось к Христу за время их поездки. Лина вспыхнула:

- Как ты можешь говорить о таких серьезных вещах! Посмотри на себя! Да эти молодые люди не могли оторваться от твоего джинсового зада, а ты вообразила невесть что! - с этими словами она вышла из гостиной.

Сима была так поражена, что вначале даже не почувствовала себя задетой. И лишь спустя несколько минут, в кухне, она разрыдалась. Михаил в соседней комнате готовился к репетиции хора и, услышав возбужденный голос матери, вышел узнать, что же случилось. Сима сквозь слезы рассказала ему о происшедшем. Михаил сказал:

- Мама права. Ты очень соблазнительна в этих джинсах и на месте австрийских парней я тоже не знал бы, что делать: идти за тобой в собрание или в дискотеку? Не сердись, но чем ты отличаешься от уличной девки?

Это уж было слишком: Сима просто взвыла, бросилась в свою комнату и заперлась. Вернувшись с репетиции хора, Лина и Михаил нашли на столе записку:

«Я от вас ушла и никогда - никогда не хочу больше вас видеть! Я люблю только папу! Будете ко мне приставать, всё выскажу при людях!»

- Она так же решительна, как и ее отец, - сказала Лина.

Михаил взглянул на Лину и усмехнулся:

- А я подумал: она так же темпераментна, как ее мать.

- Неужели я тоже похожа на уличную девку?

Михаил нахмурился:

- Мама,- сказал он,- не надо так говорить о своей дочери. Это уж слишком. У Симы нет друга, хотя многие за ней ухаживали. Она решила до конца учебы не обременять себя романтической связью. Ты не должна о ней плохо говорить!

В это мгновение позвонил телефон. Лина взяла трубку и услышала одно единственное слово: «Клемм».

- Зигфрид, это ты? - обрадовалась Лина.- Как наши дела? Сима ушла. Ты еще спрашиваешь, почему? Ты же сам ее так воспитал. Боялся сказать ей хотя бы слово, а теперь она щеголяет в джинсах как проститутка! Я ей сделала замечание, а она вспылила и ушла! Алло! Алло!

На другом конце провода молчали.

- У Клеммов опять заклинило, - горько пошутил Михаил.

- Ты тоже непредсказуем, - обрушилась на него Лина.- Сам назвал сестру уличной девкой, а потом меня стал упрекать за то же.

Михаил искренне огорчился:

- Мама, я глубоко сожалею, что сказал эти слова Симе. Я хочу попросить у нее прощения. Где только ее искать? Но я всего лишь брат...

Удрученный, он ушел в свою спальню.

Михаил всегда был на стороне матери. Но сегодня она причинила ему боль. Он понял, что его родители после переезда на Запад потеряли взаимный

контакт и живут каждый сам по себе. Мать часто поступала вопреки мнению и советам отца. Отец терпеливо переносил такие удары, но ничего не делал для того, чтобы исправить положение. Особенно напряженными были их взаимоотношения перед болезнью отца. Болезнь их примирила, но душевная близость была утрачена.

Лина тоже чувствовала разобщенность. Что-то стояло между нею и мужем. Супружеская жизнь стала просто привычкой и Лина часто задумывалась над тем, любит ли ее Зигфрид как прежде. Однажды она пожаловалась мужу:

- Я чувствую, что между мной и Еленой возникло странное соперничество. Мне кажется, что ты любишь Елену больше, чем меня. Дочь стала твоей духовной партнершей, а я, твоя жена, теперь просто домохозяйка. Не пора ли внести ясность в такое положение?

Зигфрид невыразимо страдал от ревности Лины. Он пытался объяснить ей несостоятельность каких-либо предположений во взаимоотношениях, для него предельно ясных, но Лина воспринимала его доводы не рассудком, а сердцем. Зигфрид считал, что после отъезда Елены в Москву небосклон прояснится. Лина тоже питала такую надежду. Как же быть теперь, после ухода Симы?

Лина ушла в спальню и попыталась читать. Содержание книги не фиксировалось в памяти. Она легла и открыла Библию. Перед ней был 103-й Псалом: «Буду петь Господу во всю жизнь мою, буду петь Богу моему, доколе есмь!» На душе было смутно и не была расположена она сегодня к благодарению. Лина отложила Библию... Она долго лежала без сна, но потом забылась. Она не знала, долго ли длился ее зыбкий сон, но телефонный

звонок поднял ее с постели. Лина набросила халат и вышла в гостиную. В темноте она споткнулась на чью-то неубранную обувь, нащупала выключатель и взяла трубку.

- Мама! - услышала Лина голос Елены.

- Елена, ты ли это? Здравствуй!

- Здравствуй, мама! Как дела у отца?

- Он в Америке, разгуливает в Штатах!

- Мама,- прервала ее Елена.- Только что мне позвонила Наташа. У отца второй инфаркт. Он в одной из клиник Лос-Анжелеса!

- Что?! - испугалась Лина.- Да он же недавно звонил и все было в порядке!

- Именно после этого разговора с ним и случилось. Поэтому и Наташа позвонила мне, а не тебе. Что же ты ему сказала такое, что у него сердце не выдержало?

- Сима от нас ушла!

- Этого следовало ожидать! Вы всегда ссорились! Опять о моде? Вы своими пререкательствами на темы дамских брюк сведете отца в могилу! Я сейчас же начинаю хлопотать о визе. Иду в американское посольство! Всего хорошего!

Елена положила трубку.

Лина даже не сообразила, что могла бы обидеться на Елену за ее дерзкий тон: она не знала, что теперь делать. Но уже через минуту она разбудила Михаила и сказала ему о случившемся.

- Нужно срочно найти Симу!- решил он.

- Это еще зачем? - удивилась Лина.

- Она, наверно, захочет полететь к отцу.

- Не нужно. Я завтра возьму отпуск и сама полечу в Лос-Анжелес.

Михаил пожал плечами и пошел в ванную. Решение Лины показалось ему неразумным: одна в Аме-

рике, не зная языка? Не зная адреса клиники в огромном городе?

Но Лина уже вся была в работе. Она позвонила родственникам в Сан-Хосе. Да, они знали о том, что Зигфрид в больнице. Им сообщили Наташа и Билл. Кто такой Билл? Пожалуй, жених Наташи. Пусть Лина сообщит, когда ее самолет приземлится в Лос-Анжелесе. Для этой информации им хватило познаний в немецком языке... А Лина уже звонила в аэропорт. Да, она может заказать билет на вечерний рейс. Какое счастье, что у нее была шестимесячная виза, ее предусмотрительно открыл Зигфрид, надеясь, что и она полетит с ним в Америку. А она еще ворчала на него за излишнюю трату денег!

Вечером она была с Михаилом в аэропорту.

- Если найдешь Симу, скажи ей, что я очень сожалею,- попросила она сына. Он посмотрел на нее удивленно:

- Пожалуй, я ее обидел больше, чем ты! Хорошо, хорошо, я скажу!

Он впервые увидел на лице матери горькие, жесткие складки. Она была очень старомодно, безвкусно одета. Михаил вдруг устыдился своих наблюдений, но все же сказал:

- Мама, ты оставила бы свою шубу дома. В Калифорнии сейчас очень тепло!

Лина любила свою шубу и считала, что она идет ей. Ведь эта шуба стоила шесть тысяч немецких марок! Она купила ее самостоятельно, не советуясь с Зигфридом, который не проявлял особого интереса к обнове. Может быть, он сейчас обрадуется, увидев жену в дорогой шубе? Лина за последнее время слегка располнела и на работе над ней подшучивали:

- В Германии все очень вкусное, не так ли?

Но как же не располнеть после многолетнего од-

нообразия в еде? Здесь действительно было много вкусного! И цыплята, и ветчина, и всевозможная рыба - об этом в России они могли лишь мечтать!

- Если ты считаешь,- согласилась Лина и сняла шубу. Михаил перебросил ее через руку и подставил щеку для прощального поцелуя:

- Помоги отцу!

Лина помахала сыну и пошла к терминалу. Михаил не ушел и провожал взглядом красный платочек на голове матери, пока он не исчез у самолета.

В Лос-Анжелесе Лину встречали Наташа и Билл. Они не дали ей ни минуты на расспросы:

- Поспешим в больницу - отец ждет тебя!

По дороге они почти не говорили. Лина попыталась расспросить, как случилась беда, но Наташа не стала объяснять.

- Петр и Павел знают, что ты здесь?- спросила она.

- Да, я им звонила.

- Вот и хорошо, - похвалила ее Наташа.

Автострада была переполнена машинами и они продвигались медленно. Лина проявляла нетерпение. Она искоса посматривала на дочь и уже видела, что Наташа очень изменилась. Длинные косы ее все еще были, как у школьницы, но движения стали уверенными, она на глазах повзрослела. В чем причина такой перемены? Кто этот молодой человек? Он назвал себя Биллом. Кто же он?

Не менее часа ушло на дорогу. Наташа и Билл быстро провели Лину в палату отца. Это была палата интенсивной терапии, вся в приборах и пультах. Все эти аппараты были присоединены к Зигфриду, его короткое дыхание вызывало тревогу. Увидев Лину, он улыбнулся. Но улыбка скорее

напоминала болезненную гримасу. Он показал глазами и слабым движением кисти, что хочет остаться с женой. Наташа и Билл вышли. Лина поцеловала мужа в лоб. Потом села рядом с ним прямо на кровать.

- Я уже не надеялся, дорогая,- с усилием сказал Зигфрид. Лина напряглась, чтобы уловить его слабый голос.

- Я должен тебе сказать, что был плохим христианином. Неблагодарным... Ожесточился от превратностей жизни, преисполнился зла, жалости к самому себе. Я не был образцом для семьи. Об этом я поведал Господу и покаялся в своих грехах.

Зигфрид закрыл глаза и помолчал. Потом он улыбнулся и в этот раз ему удалось.

- Ты помнишь, как я сделал тебе предложение? - спросил он.

Лина кивнула.

- И что я сказал?

- Ты сказал, что не хотел бы жить с толстой женщиной.

Зигфрид вновь улыбнулся:

- Да, на Западе все располнели от хорошей жизни.

Зигфрид опять молчал, собираясь с силами. Лина молча сидела рядом с ним. Он закрыл глаза и проговорил:

- Я всегда тебя любил. Ты всегда была хорошей женой. Когда ты ждала Симу, то сказала мне: «Это будет девочка с моим темпераментом. Все дети пошли в отца, пора уже и мне иметь моего ребенка». Я тогда положил руку на твой живот и молился. Я тогда говорил: «Господи, если этот ребенок должен унаследовать характер Лины, то пусть он все-таки будет Твоим чадом».

Зигфриду было трудно говорить. Лина вспомни-

ла, что рассердилась на его молитву. Что значит - «все-таки»? Разве у нее плохой характер или какой-то необычный темперамент? Она тогда обиделась и теперь вспомнилась давняя обида.

- А когда мы приняли Христа, ты мне сказала: «Я теперь христианка и не позволю мне диктовать, что делать, а чего избегать. Я буду читать Библию и сама разберусь». Ты мне тогда сказала: «Я буду во всем слушаться Бога и стану хорошей женой». Так ты сказала... И мне это понравилось, мне это очень понравилось...

Медсестра вошла в палату и что-то сказала по-английски. Супруги не поняли, но вслед за нею вошел Билл и объяснил:

- Мы должны оставить больного одного. Он слишком устал и нуждается в отдыхе. Да и нам всем пора в отель!

Лина опять поцеловала мужа и пошла к выходу, стараясь не оглянуться. Ее поселили в очень хорошем отеле. Билл сказал, что в администрации работает его хороший друг Джон Витт и он поможет Лине освоиться в непривычной обстановке. Она может позвонить в Германию. А сейчас - отдых. Ужин и завтрак принесут в номер.

- А вы, где же вы будете? - обеспокоилась Лина.

- Холидей Инн, мама. В трех километрах отсюда.

- Как, с этим молодым человеком?

Билл засмеялся и вышел из комнаты.

- Ну что ты, мама. Я ведь уже взрослая и сама за собой посмотрю. Мы живем в разных номерах. Я живу с сестрой Билла. Она приехала сюда, как только с папой случилась беда... Он пережил большое нервное потрясение...

- Потрясение?.. А инфаркт?

- Все это свалилось на него одновременно...

- Как же это случилось, Наташа? Я ведь хочу знать всю правду!

Наташа задумалась. Что сказать маме? Она ответила:

- Отдыхай. И успокойся. Отец жив и надо молиться о его исцелении. Завтра мы поговорим...

- Хорошо, завтра. Но вы меня оставляете совсем одну в таком громадном отеле! Как я тут со всем управлюсь?

- Мама, тебе во всем помогут. Через полчаса принесут ужин. Потом - отдых. А мы с Биллом идем в христианский театр на премьеру.

- Как в театр! Это же грех!

- Театр - грех или то, что мы туда идем? До свидания, мама! - Наташа поцеловала мать и убежала к Биллу. Лина осталась в полном недоумении. Ей было не по себе в огромном городе, в большом отеле. Уставшая, одинокая, оставленная всеми... Сокрушенно бросилась она на постель и горько заплакала. На стук кельнера никто не ответил: Лина спала и на ее лице было выражение упрямой, обиженной девочки.

Сима познает жизнь

Начальница Симы сдала ей комнату в своей квартире. Эта женщина была одинокой, имела самые многообразные увлечения, но, как сама утверждала, была не в восторге от мужчин.

- Ты извини, Сима,- сказала она в первый же вечер,- но все они - племенные жеребцы, которые ждут только кормежки, стирки, другого обслуживания и постоянно лезут в постель, а по отношению к женщине не чувствуют за собой никаких обязанностей. Еще в прошлом веке мужчины могли хоть что-то знать, а сейчас это постельные балов-

ни, сами неспособные к труду, да еще совращающие детей.

Сима не поддержала тему разговора: она была рада, что без труда нашла убежище, а к представлениям своей хозяйки и руководительницы о жизни решила вернуться при удобном случае. Поселившись в Эспелькампе, Сима не стала искать связей с переселенцами из России. Мало общего было у нее и с новой знакомой - было с нее достаточно выполнять определенную домашнюю работу, за которую ей вскоре даже стали платить!

Ее уединение было вызвано также обидой на маму и брата, оскорбивших ее в самом святом, девическом... Да еще и без серьезного повода. Сима опасалась, что такие придирки могут повториться в общине, состоящей из таких же переселенцев, как мама и Михаил. Девушка знала свои недостатки: она была упрямой и своенравной, но считала, что это лишь поможет ей в буднях на Западе, где не слишком любят сентиментальность. После ухода из дому отпала необходимость посещения молитвенных собраний - Сима ходила на них ради родителей, но всякий раз такие посещения заканчивались препирательствами.

- Три проповеди для одного собрания - это уж слишком! - говорила Сима. - А так называемый немецкий язык наших проповедников просто пугает здешних немцев!

Родители пытались успокоить ее и говорили, что раньше всегда собрания состояли из трех проповедей, поэтому надо потерпеть ради людей, привыкших к таким богослужениям. Подрастут дети и внуки и все станет на свое место: и язык, и стиль собраний.

- Когда подрастут внуки, я уже буду бабушкой

и не смогу ходить на собрания,- возражала Сима. А сейчас как мне быть?

Да, Сима видела, что переселенцы лучше чувствуют себя среди своих, поэтому не спешат к слиянию с местными верующими. Изю всех сил, как за якорь спасения, они держатся за старые привычки и обряды, а надо бы просто бросить их и окунуться в новое житейское море - им ведь не дадут утонуть! Большое количество этических свобод и дозволенностей пугало приезжих, выбравшихся их своей глухотой на свет. Особенно непонятными были взаимоотношения между мужчинами и женщинами... А ведь этим людям была нужна лишь одна свобода - свобода вероисповедания, о которой они мечтали и за которую нередко претерпевали страдания! Так долго они прятались от КГБ и партийных организаций со своей верой, со своими Библиями, выслушивали насмешки, читали разный вымысел в газетах, стоически выслушивали приговоры неправых судов, что теперь не сразу могли поверить, что все это осталось в прошлом.

Конечно, многие свободы были хороши и понятны. Имея машину, можно было поехать куда угодно, даже за границу, и никто не останавливал тебя в пути, не рылся в багажнике и не рассматривал твои документы так подозрительно, что и самому становилось неловко за себя.

Свобода передвижения была хорошей свободой. Возможность зарабатывать столько, сколько позволяет тебе здоровье и квалификация - это тоже неплохо! Правда, особенно молодые люди почувствовали неутолимую потребность приобретения всего, о чем они могли раньше только мечтать. Эта страсть пугала старших, тем более что старшие не умели

отличать вещи повседневного употребления от излишеств и часто приписывали какое-то сексуальное или непотребное значение обычным приемникам, спортивному снаряжению и другим аксессуарам молодежного быта.

«Ты не должен», «это нельзя» - такие запреты были понятны и их произносить было легче, чем каждый раз думать о том, нужно или нет запрещать данное действие. Как то забылось наставление апостола Павла, что человеку многое позволено, лишь бы дозволенное было благочестиво. Молодые люди были с детства приучены к жестким рамкам дозволенного и когда перед ними открылся огромный мир желанных возможностей, они поначалу растерялись и ощутили себя на роковом пути. Внезапное «Я могу все» привело к угрызениям совести и многие молодые люди со слезами на глазах представляли перед общиной и каялись в своих невинных проступках. Образ жизни старшего поколения отразился на их совести и чувство вины делало их безвольными, лишало предприимчивости, а в отдельных случаях приводило к большим неприятностям - они становились жертвами недобросовестных людей.

Мало кто задумывался над тем, идет ли речь о Библейских заповедях или о традициях местной общины. В поисках выхода многие молодые люди шли в библейские школы или на богословские семинары, но потом с изумлением убеждались, что в общинах их встречают с опаской.

Со всем этим не могла смириться Сима. Ее отец был прав: она унаследовала характер матери и все эти запреты лишь раздражали ее. Она доискивалась причин запретов и, не видя их, обвиняла старших в придиристичности.

- Я ведь читаю Библию и сама могу составить суждение об этом,- говорила она, не зная, что до-словно повторяет заявления матери.

Никто не мог убедить Симу в том, что ее брюки - мужская одежда.

- Ты мои джинсы оденешь? - спрашивала она у братьев.- Нет? Вот и помалкивай!

Да, Сима все чаще становилась невежливой, резкой. Особенно, если речь заходила об одежде. В семье Сима была «черной овцой». Примечательно, что Павел по сравнению с ней мог позволить себе значительно больше. Но он ведь был парень, он учился, чтобы стать кормильцем, поэтому и мог позволить себе какие-то вольности. Его уважали. Русские, в том числе и русские немцы, уважали силу. Это была их история, их судьба. Почему бы не проявлять такое уважение к Павлу, воплощению силы? Такое уважение соответствовало ментальности не только одной семьи.

Павел пользовался несомненным авторитетом во всем окружении. Как же - будущий офицер! ему можно было простить недавние прегрешения. Да и были ли они вообще! Иное дело Симаслабое существо, осмеливающееся подавать голос в присутствии авторитетов! Не удивительно, что на нее нередко было направлено тихое неудовольствие новыми порядками всей ее семьи. Но Сима как раз на это не обращала внимания и совсем не боялась конфликта.

- Разве я веду распутную жизнь? - вопрошала она у домашних.- Назовите заповеди апостолов, которые я нарушила. Ага, не можете! Вот и нечего меня учить. Мои ровесницы уже давно занимаются любовью, а я- девушка и этим горжусь!

Такие резкие возражения многим в семье были

не по нраву и втайне никто не возражал бы против того, чтобы дерзкая девчонка набила себе шишку. Лишь бы без ущерба на будущее. Споткнувшись, она, возможно, как блудный сын, пришла бы в отчий дом с повинной, ее приняли бы с любовью и жалостью! Так ведь не оступается, а немецкие ее друзья утверждают, что ей удалось многих молодых людей привести к Христу.

Не только Клеммов, многих соеседей и знакомых шокировало поведение Симы. Все видели, как она заходила в пивной бар. Когда испуганная мать спросила ее об этом, Сима спокойно ответила:

- Да, мы с подругой раздавали посетителям христианские листовки!

Вскоре она привела нескольких своих знакомцев из пивного бара на Богослужение. Местные немцы наблюдали за поведением Симы со смешанными чувствами: Бог хочет всех заблудших наставить на путь истинный, но действовать через эту шалую девчонку - это уж слишком! Она ведь не приняла во внимание наставления добродетельных немцев и устремилась в жизнь собственным путем. Упрек был направлен и маме Лине. Она и сама узнавала себя в Симе, но упорно не хотела признать этого перед остальными. Лина помнила, как ее дочь в детстве громко протестовала:

- Я сама знаю, как мне удобнее держать вилку, не надо меня учить!

Отец влюбленно смотрел на протестовавшую малышку, узнавая в ней свою безусловно любимую жену. При этом он говаривал:

Обычно люди наследуют грешные стороны, проявляющиеся в темпераменте их родителей.

И вот Сима обрела самостоятельность, собственное жилье, оказалась в ином мире, который гото-

вил ей горькие сюрпризы. Хозяйка Симы не случайно произносила филиппики против чахлах мужчин. Она их и впрямь терпеть не могла, а потому стремилась к немногим из уцелевших сильных представителей противоположного пола. «В свободный от работы день мне обязательно нужно что-нибудь для души», - повторяла она. А после любовного свидания стремилась запустить что-нибудь крепкое в желудок. Этими привычками объяснялось ее желание иметь помощницу в домашних заботах.

Фрау Кольба не научилась уважать никого из мужчин, но никогда не была «синим чулком», считала, что раз живешь один раз, то нужно не упускать возможностей и взять от жизни побольше, пока позволяет возраст. В сущности она была симпатичной и даже привлекательной молодухой с большими, кукольно голубыми глазами.

Пока Сима гремела в кухне кастрюлями, фрау принимала в спальне своего гостя. Для Симы все эти кухонные заботы были довольно новым делом и она начинала готовить рано, чтобы успеть. При этом она настойчиво молилась за фрау Кольба. С собой в кухню она брала Библию, чтобы почитать, если останется свободное время. Так было и в тот день, когда на кухне появилась ее хозяйка с неизменным вопросом:

- Нет ли чего-нибудь пожевать? Мой кавалер, я должна тебе сказать, девочка, мне сегодня понравился. Что ты читаешь?

Она открыла Библию и рассеянно повела взглядом по строчкам. Потом села у стола и углубилась в чтение. Она читала и читала, листая страницы...

- Очень интересно, - сказала фрау. - Я ведь раньше как-то не удосужилась... А здесь пишут, как

Иисус не велел мучить женщину, нарушившую супружескую верность. Она и вправду была неверна?

- Дело не в этом,- сказала Сима.- Иисус любил ее и поэтому сохранил ей жизнь.

- Что-о?- удивилась фрау Кольба.- Иисус ее любил? Он хотел ее спасти для Себя?

- О Боже! - Симе едва не стало плохо: разве можно все в жизни сводить к плотской любви? В пивнушке легче было объяснить в чем дело, чем ее фрау...

- У вас только эротика на уме, а Иисус любил всех людей, в том числе и эту грешницу. Он спас ей жизнь и сказал: «Иди и больше не греши!» Разве это не свидетельствует о Его хорошем отношении к падшей женщине?

Сима повернулась к хозяйке и, глядя в голубые глаза, сказала:

- Иисус Христос и вам говорит сегодня: идите и больше не грешите! Вы можете еще раз счастливо выйти замуж, иметь милых детей. Вы сами можете стать счастливым дитем Божиим, если покаетесь в своем образе жизни и примете Христа в свое сердце!

- Молчать! - крикнула фрау Кольба и отвесила Симе звонкую пощечину. - Что же прикажешь мне делать со своим мужчиной?

Сима мгновение ошарашенно молчала, ощущая жар горящей щеки. Но в ней не вспыхнула злость, как можно было бы ожидать и девушка сама этому удивилась. Случившееся показалось ей забавным и она рассмеялась наивности вопроса фрау Кольба.

- Отдайте ему деньги и выставьте за дверь,- посоветовала она. - Если у вас на это недостает сил, скажите мне и я это сама проделаю.

Фрау Кольба закрыла лицо руками и просидела так несколько минут. Потом достала из кармана двести марок, протянула Симе и показала головой и глазами на дверь:

- Отдай ему!

Сима с деньгами в руках вышла в гостиную и, увидев там молодого человека, остолбенела:

- Михаил!- воскликнула она.

- Сима! А ты как сюда попала? Ты дружишь с фрау?

Симе вновь стало ужасно плохо. Она собралась с силами и протянула брату деньги:

- Вот твои деньги. А теперь иди. Иди и больше не греши! Если ты покаешься, я никому не скажу.

На кухню Сима не вернулась: она побежала в свою комнату - плакать. Вскоре к ней пришла фрау Кольба, присела и обняла девушку:

- Сима, я хотела бы вместе с тобой помолиться о прощении моей души,- попросила она. - Я когда прочитала о грешнице... Я хочу измениться, Сима. Помоги мне! Моя дорогая девочка, прости и помоги!

Симе казалось, что она плохо слышит свою хозяйку: эта ли женщина еще сегодня так цинично рассуждала о своих связях с мужчинами? Она послушалась и обе усердно, проникновенно молились. Фрау Кольба в своих искренних попытках покаяться полностью и безповоротно, попыталась даже назвать всех своих любовников, но запуталась в именах и оставила эту затею. Сима же молилась за Михаила. Прислушавшись, фрау Кольба прервала свою молитву и спросила с испугом:

- Что? Это был твой брат?

Сима кивнула головой и обе женщины залились слезами. Они долго плакали, но Сима первой взяла

себя в руки с пообещала хозяйке помочь ей сделать первые шаги на пути к Христу и крещению.

* * *

Михаил шел по улице, чувствуя ожог в руке от марок, принесенных Симой. Он был полностью выбит из нормальной колеи. Сегодня, наконец, ему удалось найти сестру. Он искал ее упорно и довольно успешно. Ему подсказали, что она снимает комнату у своей начальницы, назвали адрес. Михаил разыскал улицу и дом, позвонил. Ему открыл дверь мужчина. Михаил удивился: он успел узнать, что фрау Кольба не имеет мужа... Возможно, это был брат хозяйки? Он хорошо выглядел.

«Не из-за него ли Сима именно здесь нашла квартиру?» - Михаил почувствовал страшное подозрение.

Мужчина впустил его и сказал с явным разочарованием:

- Так быстро? Фрау Кольба на кухне. Скажите, что я зайду попозже. Сердечный привет хозяйке! - он шутливо приподнял шляпу и подмигнул.

Михаил ничего не понял, но все же зашел и стал ждать. Через несколько мгновений появилась раздраженная Сима и вручила ему деньги. Михаил опять ничего не понял, кроме ощущения, что он попал в какую-то жуткую историю, имеющую отношение к сестре. Он взял деньги, подчиняясь ее настойчивому требованию. Но уже через мгновение опомнился, бросил деньги на стол и опрометью бросился на улицу.

Теперь он шагал прочь, пытаясь разобраться в случившемся. Его сестра, наверно, имела предосудительную связь с мужчиной, открывшим ему дверь. Она платила ему! И когда принесла деньги, но застала в комнате Михаила, то страшно побледнела

и не нашла лучшего выхода из создавшегося положения, как обвинить брата в прелюбодеянии с собственной хозяйкой. О, как права была мама! Как низко пала Сима! Подумать только: она нанимает мужчину для любовных утех! Михаил вспомнил, что приехал к Симе автомобилем, вернулся и сел за руль. Но его мысли были так поглощены бедой, случившейся с Симой, что он проехал первый же красный сигнал светофора и был вынужден остановиться по требованию полиции.

- Ваши документы, пожалуйста,- потребовал полицейский.

Михаил смотрел на него, не понимая.

- Выйдите из машины. Очевидно, вы пьяны.

Михаил вышел.

- У вас есть права на вождение машины?

Наконец, Михаил понял, что от него требуют и показал полицейскому документ. Над городом вечерело. Полицейский быстро писал в блокноте. Михаилу было все равно. Потом полицейский вызвал по радиации свой участок и что-то говорил им. А Михаил в мыслях был далеко на Востоке. Он вспоминал жизнь, которой больше не было. Он вспоминал их добропорядочную немецкую семью, совместные посещения молитвенных собраний, всеобщую доброжелательность и строгость по отношению к детям и молодежи. Так захотелось вернуться в голодное детство, что Михаил едва не закричал на вечерней улице от душевной боли. Наверно, он ужасно напугал бы полицейского, потому что вслед за криком расплакался бы. Полицейский и так не знал, что делать со странным водителем...

«Боже мой!- думал Михаил.- Коммунизм жесток, но он хотя бы соблюдает какие-то правила бытовой морали! А здесь все продажно и мерзко! У

всех на уме только марки и развлечения! Они погибнут как в Содоме с Гоморой и никто не спасет их от заслуженной кары! Они распадутся, как распалась в грехе империя Рима! Полное отсутствие человеческого достоинства, падение нравов, упадок! У коммунистов больше шансов на спасение во дни второго пришествия! Утверждают, что здесь - расцвет христианства, а сами поступают хуже коммунистов! Нет уж, лучше гнить в коммунистической тюрьме, чем видеть, как твоя сестра во имя денег становится гулящей девкой!»

Михаил не заметил, что говорит вслух и полицейский слушает его.

- Вы переселенец? - спросил он.

- Что? Да, я приезжий.

- Это заметно. Только приезжий может мчаться по городу со скоростью сто километров в час, игнорируя сигнал светофора. Возьмите ваши бумаги и убирайтесь!

Полицеский ткнул документы Михаилу в руку и пошел к своей машине. Обернувшись, он сказал:

- Вас следовало бы подвергнуть наказанию, но, судя по вашим высказываниям, у вас не в порядке с головой. Советую обратиться к психиатру...

Михаил не ответил. «Тоже хорош,- подумал он.- Вместо того, чтобы торчать у светофора, лучше занялся бы теми девицами, которые совращают мальчишек, теми парнями, которые совращают девушек...».

Дальше Михаил вел машину уже по правилам. И только в пустой квартире он сообразил, что так и не сказал Симе об отце. Придется завтра опять к ней ехать...

Сима долго пребывала в шоке. Поздно вечером она вновь молилась. «Боже,- говорила она,- почему

ты прощаешь людям их показную набожность, тогда как они совсем иные? Мой брат, которого все уважают как регента церковного хора на самом деле альфонс, живущий на деньги беспутной женщины! Как это возможно? Мне приходилось слышать, что среди наших переселенцев немало лицемеров, но я никогда не ожидала такого от родного брата!»

Дальше Сима уже не могла молиться: досада и обида на брата затмили все чувства. Пережитое сегодня было свыше ее сил. Ее называли публичной женщиной, тогда как сам назвавший погряз в разврате! Ради наживы! И все это - хваленый западный образ жизни! Тут Сима вспомнила об отце и залилась горькими слезами. «О мой папочка,- причитала она,- если ты узнаешь о Михаиле, то умрешь с горя! Мы сами сведем тебя в могилу! Твои дети! О как ты мне сейчас нужен!» После слез Сима почувствовала глубокую усталость и вскоре уснула. Она не слышала как в комнату вошла фрау Кольба и остановилась у ее постели, засмотревшись на спящую девушку. На ее лице было умиротворение...

Елена и Иоганнес

Сотрудники КГБ без труда установили, что целью поездки Иоганнеса Лебера в Москву была Елена Клемм. Знали, что он вез деньги баптистам и легко выследили его тайник. Каждый его шаг был им известен. Попытки Елены сбить с толку оперативных работников КГБ привели только к временному ее успеху. Теперь они ждали человека, который придет за пакетом. Были наготове кинокамеры и фотоаппараты, свидетели и понятые... К плакату никто не приходил...

Елена тоже поняла, что «тайник» Лебера - на-

ивная затея и предупредила друзей. Деньги, конечно, были нужны, но стоило ли рисковать шумным разоблачением, судебным процессом и обвинением баптистов едва ли не в шпионаже? Стоило ли добавлять новые награды коллегам Милютина? Была опасность, что КГБ потеряет терпение и попытается привлечь к ответственности Лебера: у них уж точно заснято, как он прятал свой сверток! Ситуация была щекотливой, но не хотелось пугать молодого человека. А вдруг обойдется...

Лебер получил согласие на посещение патриархального управления православной церкви и Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. Интервью с руководителями обеих церквей записал не только Лебер и на Лубянке кое-то посмеивался по поводу его русского произношения. Полковник Милютин торжествовал: Елена теперь у него в руках! В свое время ему не удалось уличить ее отца в противозаконной деятельности. Он был уверен, что пастор Клемм занимался подпольной издательской деятельностью, вовлекал молодежь в церковную жизнь, но ни разу не смог застать его на месте преступления, а все предположения начальство не принимало в расчет. Только с поличным! И вот одна из его дочерей сама идет в его руки!

Елена предполагала, что вокруг нее сжимается опасное кольцо. Немалое значение имело предостережение Риты Боткиной, посоветовавшей ей быть осторожной. Конечно, Рита была любовницей Милютина и падкой на любую наживу, вернее, наживу любой ценой, но при известной осторожности да еще ценой заграничных подарков с Ритой можно было вести игру. Какой ей расчет продавать Елену? После ее ареста ей ровно ничего не перепадет. А так - всегда остается надежда на заграничные

подарки, даже на валюту, открывающую заветную дверь магазина «Березка». И, помня об этом, Рита рассказывала подруге всё, что только могла узнать у Милютина.

Елена хотела знать, фотографировали ли Лебера с момента его приезда и Рита узнала: да, снимали каждый его шаг. Но пленки нет: ее по оплошности засветили. Есть снимки только из патриархата, но они лишены для КГБ какого-либо значения. Эта информация успокоила Елену. Теперь можно было подумать о том, как взять из тайника пакет с деньгами.

Елена вместе с друзьями молилась о помощи. И она пришла неожиданно как подарок небес. В Ленинском райкоме партии кому-то пришло в голову заменить новым транспарант со здравицей в честь КПСС. Один из четырех работников художественно-оформительского цеха райкоммунхоза посещал общину баптистов и был готов помочь.

Оформитель был уже на пороге пенсии. Он знал пастора Клемма и даже мечтал, что один из его сыновей / а их было семеро / женится на дочери Зигфрида. Но они ведь жили в разных городах и не имели возможности дружить семьями, а после отъезда Клемма о мечте пришлось забыть. И вот вернулась Елена. В тот вторник она сидела в семье старого оформителя и уплетала вареный картофель с мелкой рыбешкой- тюлькой. Старик говорил: «Каждый день развешиваем по городу прославления КПСС. Хотя бы раз где-нибудь написали о баптистах! Правда, приходится и снимать эту самую КПСС. Завтра, например, возле гостиницы снимем огромный щит...»

Где? Возле какой? - воскликнула Елена.

Ответ взволновал ее . Это был «их» плакат.

- Мне нужно с вами поговорить наедине,- с волнением произнесла Елена. Они уединились и девушка рассказала старику все о деньгах для церкви.

- Завтра мы что-нибудь придумаем,- пообещал ее собеседник.

На следующее утро обветшавший транспарант был снят со стены. Конечно, никто и не подумал сообщать о столь заурядном событии в КГБ и его наблюдатели увидели как снимают полотнище уже в момент работы. Они ринулись за грузовиком, собиравшим старую наглядную агитацию, но с обратной стороны транспаранта ничего не было: пакет бесследно исчез. На всякий случай опросили рабочих, но так как напрямую им нельзя было объяснить, что именно хранилось за плакатом, то они ничего и не смогли рассказать, а один из них, старший по возрасту, даже пошутил, что любовные письма со времен Дубровского носят в дупло, а не за партийные плакаты. На том и кончилось.

Елена сразу после этих события бросилась искать Лебера и сумела поговорить с ним после богослужения у протестантов.

- Иоганнес, я советую вам вернуться в Германию,- сказала она.

- Что вы, Елена! - удивился он. - Мои дела обстоят блестяще и я имею хорошие материалы для своей работы.

- Возможно, но за вами постоянно следят. Вы не знаете, что такое КГБ. У них может лопнуть терпение. Это мы здесь привыкли избегать ловушек, а вы легко станете их добычей. Не будьте наивны, возвращайтесь домой!

Упрек в наивности задел Лебера. Он себя таким не считал. Когда Елена направилась к выходу, он позвал ее:

- Елена!

Она не остановилась, не оглянулась, лишь взяла под руку знакомую и ушла, оживленно беседуя с нею.

Лебер был смущен и обескуражен таким поведением девушки. По дороге с богослужения, у самой гостиницы, его схватили и затолкали в автомобиль. В милицейском отделении с Лебером беседовал полковник Милютин. Он представился, назвал и место своей службы.

- Не считаете ли вы, герр богослов, что ваши контакты в Москве зашли слишком уж далеко? - спросил Милютин. - Впрочем, вы уже знаете, что сверток исчез из тайника. Кому же попали привезенные вами деньги?

- О чем это вы? - удивился Лебер.

- Не будем играть! - полковник злился. - Я могу устроить вам такое представление с вашим участием, что на всю жизнь запомнится. У нас есть и пленки, и свидетели. Но я хочу вам добра и настаиваю: у вас есть билет, проставьте дату и убирайтесь домой, пока целы. У нас здесь свои порядки и я не могу поручиться за вашу безопасность. Советую вам впредь быть осмотрительнее, потому что следующая наша встреча может быть менее приятна для вас. Счастливого пути!

Двое мужчин проводили Лебера до гостиницы. Он так и не понял, в чем состояла его ошибка. Все было так хорошо устроено! Иоганнес провел две почти бессонные ночи, а потом отправился в посольство. Ему сказали:

- Вас ждут!

Лебер постучал и приоткрыл дверь. В комнате была Елена Клемм.

- Здравствуйте, Иоганнес, - сказала она, - хотела

повидать вас, чтобы попрощаться. Вам надо ехать. В нашей семье случилась беда: у отца тяжелый сердечный приступ и я не знаю, что происходит с нашей семьей в Германии.

- Вам нужно ехать со мной!

- Нет, мой дорогой друг, это невозможно. Я разрываюсь между моей семьей и братьями по вере в России. Не могу их оставить - здесь я нужнее, здесь я в безопасности.

- Здесь в безопасности?! - вскричал Лебер.

- Да, дорогой. Здесь за нами следят сотрудники КГБ, вмешиваются в нашу жизнь, угрожают и допрашивают, но здесь нас хранит Господь. Мы живем и боремся за святое дело, а на Западе деятели церкви все больше погружаются в мистические химеры, тиранствуют над верующими, теряют Бога.

- Елена неожиданно разговорилась, но искренность не пугала ее, она радовалась, что нашла человека, с которым можно говорить о наболевшем.

- Елена, - сказал Иоганнес, - у меня американское подданство, вы можете уехать со мной в Штаты, я буду заканчивать в Пасадене мою докторскую работу, а вы будете в безопасности. Я люблю вас, Елена!

Девушка покраснела как школьница.

- Что же мы не сядем? - смущенно произнесла она и закрыла лицо ладонями. Лебер опустился рядом с ней на колени и взял в свои руки ее ладони. Они были влажны от слез.

- Елена, я буду так часто приезжать в Советский Союз, как только будет возможно и пока вы не убедитесь, что я люблю вас. Я знаю, что вы любите человека, которого больше нет. Пусть это чувство останется с вами. Выходите за меня замуж, а я сумею найти такую линию поведения,

чтобы не задеть то, что живет в вашем сердце. Наша любовь придет, я в это верю. Мама рассказывала мне, что не любила моего отца, когда ее вынудили стать его женой. А сейчас они не представляют свою жизнь иначе. Господь благословил их союз.

Елена долго не решалась посмотреть в глаза Иоганнеса, а когда решилась, сказала:

- Я люблю тебя с нашей первой встречи. Но поняла это лишь здесь, в Москве. Что же нам делать? Я не хочу уезжать на Запад! Мое место здесь!

Иоганнес положил голову на ее колени, счастливо улыбнулся и неожиданно ... задремал. Сказалось нервное напряжение и бессонные ночи. Молодой человек среди огромной и неудобной Москвы забылся в непонятном сне и его девушка не удивилась. Она положила руку на его голову и ждала.

Зигфрид

В ту же ночь Лине позвонили в отель и предупредили, что за ней вышла машина: ее мужу плохо. Наташа и Билл были уже в больнице. За ней приехал родственник из Сан-Хосе. Лина не могла с ним поговорить: он не владел немецким. За время пути она услышала лишь одну фразу: - Это есть плохо!

Но значение этого предупреждения она поняла сразу же, едва вошла в палату. Зигфрид был жив, но минуты были уже сочтены. Медики больше смотрели на экран, чем на больного, понимая, что жизнь его завершается и все их усилия тщетны. Они сделали всё, что могли.

Лина опустилась на колени возле постели Зигфрида, но Билл поднял ее и усадил на стул. Она послушалась и взяла руку мужа в свои ладони.

Рука холодела. Боль и тревога пронзили сердце Лины. Зигфрид открыл глаза и прошептал:

- Я уйду домой, к Господу. Я уже иду к Нему. Передай мое прощание Елене, Михаилу, Павлу, Петру, Симе.

Он никого не забыл и это было хорошо. Потом Зигфрид взглядом позвал Наташу. Она подошла ближе, чтобы слышать отца. По лицу девушки текли слезы.

- Благословляю вас, деги,- прошептал Зигфрид.

Потом его взгляд вновь перешел к Лине:

- Не плачь, дорогая. Ты была мне верной спутницей. Я уйду. Господь благословит вас всех.

Счастливая улыбка озарила его лицо. Зигфрид был свободен от всех земных забот. Врач отошел от аппарата, а его ассистент выключил прибор, регистрировавший истечение жизни.

- Я сожалею,- сказал врач, посмотрев на плачущих родственников.

Покойный до последнего мгновения пребывал в палате интенсивной терапии и уже это обстоятельство не внушало надежд. Но Лина все же не теряла надежды. Ведь у Зигфрида и раньше случалось сердечные приступы, но он справлялся с недугом. Она верила, что и на этот раз беда минует их. Но случилось иначе. Наташа не решалась оставить мать одну и поехала с ней в гостиницу. Мужчины отправились на почту, чтобы сообщить всей родне о кончине Зигфрида Клемма. Решили, что его похоронят в Сан-Хосе - ведь он хотел остаться в США навсегда.

* * *

После обеда с разрешения начальника Михаил поехал к сестре, чтобы сообщить ей о болезни отца и отъезде матери в Америку. Мать просила у Симы прощания.

Михаил надеялся застать Симу в ее квартире. Он неохотно ехал туда, но другого выхода не видел - по телефону всего не скажешь... На звонок у двери ему открыла фрау Кольба. Михаил ощутил неприятное чувство, но выхода не было - он поздоровался и ... В нем проходило брение - эта женщина приютила его младшую сестру, но она же, видимо, бесстрастно взирала на ее беспутное поведение. С другой стороны - как же она внешне мила, эта фрау Кольба! Голубые глаза, мягкие линии тела... Михаил сконфузился и подумал: «Я все же ничем не лучше других». От смущения он повернулся и стал спускаться по лестнице. Хозяйка растерянно смотрела ему вслед. Ей показалось, что она уже где-то видела этого молодого человека. Ах, да! Он же чертовски похож на Симу!

- Послушайте! - вскричала она и даже сбежала за ним на несколько ступенек.- Вы родственник Симы Клемм?

- Да, я ее брат!

- Как хорошо! Вы, наверно, хотите ее видеть?

- Она одна?- злорадно спросил Михаил и бросил на фрау испытующий взгляд. Хозяйка никак не отреагировала на колкость и Михаил продолжил:

- Вчера я был у вас и встретил в прихожей дружка Симы. Он испарился мгновенно, решив, что я тоже ее воздыхатель...

Фрау Кольба прислонилась к дверному косяку, пытаясь перехватить дыхание...Она начинала кое-что понимать! Так ведь Сима застала в гостиной собственного брата, когда вышла с деньгами! Какой ужас! Ведь она приняла его за любовника своей хозяйки! Что делать? Фрау Кольба справилась со смущением и пригласила Михаила войти. Он не отказался, подчиняясь не столько голосу рассудка, сколько ее обаянию.

- Послушайте меня, герр Клемм,- начала хозяйка,- человек, которого вы вчера встретили, не знаком с Симой. Она вообще ничего общего не имеет с мужчинами. Я вижу, вы несправедливы к своей сестре... Мне не хотелось бы раскрывать свои маленькие тайны, но в этом случае просто необходимо сказать вам, что до вчерашнего дня я вела не слишком примерную жизнь... Знаете, одинокая женщина не всегда может устоять перед соблазнительным предложением. И заработать можно на мелкие радости, и соблазн телесного общения... Ну, вы не мальчик... Но вчера под влиянием Симы я решила покончить с этим и отправила ее к своему посетителю. Она должна была лишь вернуть ему деньги... В гостиной оказались вы. Что мне еще сказать? Вы меня простите, я сама отвечу за свои дела, а вот Сима с вчерашнего дня молится о вашем спасении. Она ведь решила, что мой гость - это ее брат... Сима, дитя мое! - позвала фрау Кольба свою квартирантку.

Обескураженный Михаил не находил слов, чтобы объяснить свое состояние, а Сима плакала от радости, что все ее подозрения и горести оказались беспочвенными. Они плакали... С ними плакала и фрау Кольба. Когда же слезы просохли, Михаил рассказал сестре о болезни отца и они вместе помолились о его здоровье.

По дороге домой Михаил обдумывал еще одну проблему, которую он сам себе создал из-за собственной невыдержанности в общении с Симой. Вот бы посоветоваться сейчас с отцом! Ведь именно его он обидел больше всего своими подозрениями и нападками. Вместе с матерью он стал в оппозицию к собственному отцу, причислив его к тем ренегатам, которые отступились от христианской этики

во имя упадочнической морали Запада. Сам Михаил как истовый баптист русско-немецкого воспитания считал своим долгом вести священную войну против всех соблазнов растленного Запада. Он основал группу экзорцистов, выступивших на борьбу против демонических сил современного мира. Эти молодые люди решились на такое служение, когда прочли книгу Николая Храпова из Совета общин евангельских христиан-баптистов о благословении Божиим в такой борьбе. Автор книги стал для них призывом к борьбе и они приняли свое призвание быть экзорцистами в западном мире. Служение их исполнялось в большой тайне и мало кто знал о новом призвании группы молодых людей. Обращавшиеся к ним за очищением от демонического влияния уверяли, что пережили благотворное очищение, но никогда не называли источник такого омовения, поэтому Михаил был вне подозрений. Эта группа изучила обвинения против Елены и сочла их бесосновательными.

В группе Михаила Клемма царило убеждение, что возрожденный христианин никогда не сможет поддаться демоническому влиянию, даже если он отойдет от веры. После шокирующего вечера в квартире фрау Кольба Михаил успел рассказать членам своей группы, что его сестра Сима ведет предосудительный образ жизни и, без сомнения, отошла от веры. Она пребывает в оковах дьявола и может быть освобождена лишь молитвой и постом.

И теперь Михаил был подавлен чувством вины. Как рассказать в группе о своей фатальной ошибке? Он не сомневался в том, что Сима его простила. Но он ведь свои предположения представил в кругу единомышленников, пусть даже небольшом, как свершившийся факт? А что же сам он? « Кто

посмотрит на женщину с вождением...» То-то и оно... Михаил очень нуждался в помощи. О, если бы отец был здесь!

Он поставил машину на стоянку близ универсама, уронил голову на руль и горько заплакал. Прохожие удивленно поглядывали на плачущего мужчину, а маленькая девочка с куклой в руках даже попыталась утешить Михаила:

- Дядя, не плачь. Я дам тебе в подружки мою куклу.

Прохожие засмеялись, а Михаил включил мотор и уехал. Едва он переступил порог родительской квартиры, как позвонила Наташа.

- Михаил, папа умер сегодня утром. Ты можешь сказать об этом Симе?

- Конечно. Мы с ней сегодня помирились. Передай это маме!

Михаил вновь предстал перед Симой, чтобы сообщить ей печальную весть. Но прежде он решил покаяться перед ней в своем прегрешении, опустился на колени и попросил простить его за то, что в беседе с братьями из своей молодежной группы он предположил, что сестра его греховна.

- Мой дорогой покоритель демонов! Ты видишь, как нас восстановили друг против друга! - воскликнула Сима голосом матери. Он посмотрел на сестру смущенно: что знала она о его духовной работе?

- Всё знала! - как бы прочитала его мысли Сима. - Ваши тайны - простое ребячество, и мы с отцом знали о них с первых шагов деятельности твоей группы.

Михаил не стал выяснять, кто же стал источником такой информации. Он лишь сказал:

- Отец умер, Сима.

Сима смотрела на него, не понимая. Потом медленно произнесла:

- Папа умер?

Михаил кивнул. Сестра смотрела прямо перед собой как загипнотизированная печальной вестью. Ни слезинки, лишь капелька крови появилась на нижней губе, которую она прикусила, чтобы не зарыдать. Все это было так неестественно для нее. Сима вдруг утратила ощущение реальности и как будто попала в злой сон.

- Где? - спросила она.

- В Лос-Анжелесе.,

- Господи Иисусе,- прошептала Сима,- у Тебя папе будет лучше. Мы приносили ему только боль и печали.

Произнеся эти слова, она и дальше сидела неподвижно. Михаил испугался за нее и попросил фрау Кольба поговорить с сестрой. «Наш папа умер», - объяснил он. Хозяйка пришла к Симе, села рядом с ней и погладила девушку по спине. От ее прикосновения Сима заплакала. Потом зарыдала, как будто погружаясь в пучину горя. Михаил растерянно встал.

- Закажите три билета в Лос-Анжелес,- сказала фрау Кольба.- Туда и обратно. Я оплачу. Нужны визы, их можно оформить без промедления, коль речь идет о смерти. Прошу вас, Михаил.

Слова хозяйки прозвучали, как приказ. Михаил пришел в себя и понял, что от него ждут решительных действий. Он ринулся в путь и уже на следующий день сообщил фрау Кольба, что к вылету все готово.

Бегство Елены

На школьном уроке Елена была настоящей актрисой. Она умела так увлечь музыкой своих учеников, что даже самые нерадивые стремились заслужить ее похвалу. Ее уроки любила и руководительница школы, часто посещая их лично для

себя. Вот и сегодня она сидела позади, стараясь не привлекать внимания. В служебном кабинете школы ей просто было скучно. Кроме того, она узнала, что Елена опять получила посылочку от брата и хотела навестить ее после занятий. Неплохо бы получить новый коврик на стену.

Когда позвонили на перерыв, Елена отпустила учеников и подошла к Рите:

- Дорогая, сегодня я получила посылку от Павла,- сказала она.- Не нужен ли тебе коврик на стену?

Рита улыбнулась:

- С некоторых пор ты угадываешь мои мысли. Значит, мы совсем сблизились. Пойдем прямо сейчас?

У Елены больше не было уроков и она согласилась:

- Почему бы и нет? Пойдем!

Вместе они направились к остановке. Елена делала вид, что ничего не произошло, хотя знала, что КГБ проинформировано о ее встрече с Лебером в посольстве. Теперь они вновь начнут интенсивную слежку. Поэтому она и пригласила Риту к себе. Пусть думают, что все идет как прежде. Хотя на самом деле все теперь было иначе.

Именно в это время Иоганнес был уже в американском посольстве и заказывал визу для Елены по своему паспорту она ведь была его невестой. Информация о том, что мистер Баркер из американского посольства заказал на свое имя два билета на рейс американской авиакомпании ничего не говорило сотрудникам КГБ.

Полковник Милютин в эти дни был занят своей сверхзадачей: он пытался уговорить Елену отказаться от германского гражданства и вернуться к

советскому. К его великой радости Елена принимала его уговоры снисходительно и обещала подумать, так как ей теперь не резон жить иностранкой в своей стране.

В квартире она сохраняла прежний порядок, чтобы Рита не догадалась о ее сборах в дальнюю дорогу. Едва они вошли в комнату, она сказала Рите:

- Вот там все лежит. Посмотри сама, подруга, а я приготовлю чай.

Рита набросилась на заманчивые вещи, едва прислушиваясь к словам Елены, обещающей ей устроить самый настоящий русский чай у самовара. Хозяйка проказливо сделала ударение на словах «русский чай», но Рита и этого не заметила.

- Да я тут могу у тебя всё забрать! - в восторге вскричала Рита.

- Вот и забери! - ответила Елена из кухни.

Потом Рита притихла: вспомнила, наверное, о подслушивании и смутилась, что ее могут обвинить в чрезмерном пристрастии к барахлу. Елена вышла из кухни и привычно включила проигрыватель. Наверно, тот, кто слушал их разговоры, знал каждый такт этой пластинки. На кушетке красовались метры развернутого рулона нарядной ткани и Рита как бы примеряла ее к себе в разных вариантах вечерних платьев.

- Что лучше: костюм или платье? - спросила она шепотом.

Елена наблюдала за ней с улыбкой. Не дожидаясь ответа, Рита запела... У Елены тоже было хорошее настроение: она знала, что отец все еще в США, хотя и в больнице. Как только они с Иоганнесом прилетят в Нью-Йорк, Елена сразу же позвонит в Сан-Хосе и Лос-Анжелес. Ее приезд в

Америку вернет отцу бодрость и здоровье и он... обвенчает дочь с Иоганнесом. Или благословит их брак. Она громко запела псалом и даже на мгновение заглушила пластинку. Из комнаты в кухню заглянула удивленная Рита. Но, убедившись, что ничего необычного не происходит, вновь вернулась к обновам из Германии. Она вытащила из картонного ящичка ковер, немного приклеившийся к краям, и начала его разворачивать на полу.

- Какая великолепная вещь! - опять воскликнула она, не в силах сдержать радость. Медведи на ковре тянули лапы в ее сторону и ей захотелось обнять этих зверюшек. Когда Елена внесла самовар, картонный короб был пуст. Вещи оказались уложенными в большую сумку, стоявшую у входной двери. Рита вдруг почувствовала неловкость:

- Ты ведь вправду сказала, что я могу все взять себе? - спросила она робко и несколько стыдливо.

Елена громко рассмеялась и обняла подругу:

- Разумеется, моя дорогая. Я ведь с мыслью о тебе писала брату о посылке. А у меня есть все необходимое, зачем мне еще?

- Друга у тебя нет, Леночка! - возразила Рита и осмотрела комнату с легкой завистью: цветной телевизор, проигрыватель со стопкой хороших пластинок, много книг, новая мебель, пианино, кассетный магнитофон... Елена перехватила ее взгляд и подумала: «Хорошо, что я могу все это оставить моим братьям-христианам». Тогда она не знала, что в завещании оговорено: нажитое предками она могла только завещать другому и не имела права что-либо дарить при жизни. Заботливый прадед хотел видеть ее всегда в благополучии.

Телефон зазвонил, когда подруги обсуждали

предстоящий балет Чайковского в Большом театре. Елене хотелось побывать на премьере и она могла себе позволить такие расходы, но в день премьеры ее уже здесь не будет. Звонили из немецкого посольства:

- Просим вас зайти к нам, фрау. Если можно, немедленно. Нет, сегодня после обеда мы не принимаем, но вас будут ждать.

Елена не могла угадать причину звонка и тревожилась.

- Рита, звонят из германского посольства. Ты не хочешь меня проводить?

Рита поежилась: она не хотела маячить у иностранного посольства и полученные подарки тянули ее домой. Правда, Милютин не отказался бы от дополнительной информации...

- Если ты действительно хочешь,- она нерешительно посмотрела на сумку у двери. Елена поняла ее колебания и сказала:

- Ах, оставим мою затею. Увидимся завтра и я все тебе расскажу.

Уже через несколько минут они были в пути и вскоре Рита поцеловала Елену на прощание. Она исчезла в автобусе, останавливаемом у высотного дома, а Елена поспешила в метро. Ожидая поезд, она любовалась чистотой подземной станции и думала, что на Западе такой стерильности еще не достигли. И так, есть чему поучиться и в Москве! За ней, конечно, следили, но Елена уже привыкла к этому и относилась спокойно. Послышался шум приближающегося поезда. Елена инстинктивно оглянулась: за ней стояла дама с огромным чемоданом. Вдруг она сделала движение и бросила чемо-

дан в ноги Елене. Девушка покачнулась, теряя равновесие, возмущенные голоса обрушились на неловкую даму, а руки доброжелателей подхватили падающую Елену и оттащили от опасной рампы. Женщина исчезла и лишь чемодан сиротливо лежал у блестящей стены, отодвинутый в сторону суетливой толпой. Люди не придали особого значения происшедшему: чего только не бывает в московских давках... Каждый стремился поскорее втиснуться в вагон. Поезд увез с собой шумевшую толпу и на пероне остались только Елена и...Иоганнес. Именно его руки задержали Елену в смертельном ее падении на рельсы.

- Иоганнес, что это значит?- ошеломленно спросила Елена.

- Покушение, дорогая. Кому-то не хочется, чтобы ты уезжала. Но виза уже готова и теперь я тебя не отпущу от себя ни на шаг. Ты в безопасности, - Иоганнес говорил по-немецки, привлекая к себе любопытные взгляды: в Москве и любят, и опасаются иностранцев.

- Откуда же ты появился?

- Я шел к тебе и увидел, как вы уходите из дому с этой учительницей. Я заметил также, что за тобой следят и пошел следом. Поэтому я видел все, что творилось за твоей спиной, тогда как ты просто ждала поезд.

Елена обняла Иоганнеса и поблагодарила за чудесное спасение. Через сорок минут они уже были в посольстве. Сотрудник пригласил их в комнату и предложил сесть на диван. Потом обратился к Иоганнесу:

- Вам уже сказали?

Тот кивнул головой.

- Тогда прошу вас, скажите вашей даме,- с

этими словами сотрудник посольства вышел из комнаты.

- Что это значит, Иоганнес?- спросила Елена.

Лебер взял ее руки в свои.

- Господь призвал твоего отца к себе, дорогая,- печально сказал он.- Вчера твой папа умер.

- Нет, мой папа жив! - капризно, как маленькая девочка, вскричала Елена, но сразу же взяла себя в руки, осознав потерю и неуместность своего протеста. Иоганнес обнял ее за плечи и нежно встряхнул:

- Твой отец у Господа! - повторил он.

- Это несправедливо, Иоганнес. Это же несправедливо! Мы же летим к нему! Он ждал нас...

- Елена, я говорил по телефону с врачом в Лос-Анжелесе два дня тому назад. Он соединил меня с пастором. Твой отец благословил нас. Я не хотел тебя огорчать, но он мог не выдержать твоего голоса и умереть от волнения. Его дни были сочтены, сказал врач. Они сделали все, что могли. Теперь он в руках Господа. Так угодно Богу, поверь мне!

Елена потеряла сознание: для одного дня всего было уж слишком. Позвали врача и он сделал девушке укол. Тем временем Лебер рассказал сотруднику посольства о происшествии в метро. Тот качал головой и повторял:

- Фройляйн нужно на Запад. Как можно скорее на Запад.

Иоганнес сказал:

- Мы летим послезавтра.

- Но еще два дня в Москве. Следите же за девушкой,- посоветовал дипломат.

- Я постараюсь,- заверил скорее себя, чем его Лебер. - Я уже постарался: друзья ее отца будут при ней до самого отъезда.

Пастор Лебер не узнавал себя: как быстро набрался нужного опыта еще вчера столь наивный богослов. Что сказал бы о нем Милютин?

Похороны

В Сан-Хосе было жарко. И хотя в церкви безукоризненно работала климатизационная установка, пастор Смит ощущал необычную жару и удивлялся тому, что женщины набросили шали на плечи. Он подумал, что ему так жарко от волнения.

Гроб с телом Зигфрида Клемма стоял впереди. В первом ряду сидели Лина и Наташа. Петр, Павел и Рената разместились за ними. Елена, Сима, фрау Кольба и Михаил стояли у гроба. Они не хотели сидеть в присутствии умершего. Билл и Лебер стояли у входа в церковь. Они видели, как из старого, блестящего черным лаком лимузина выбрались два старичка и засеменяли в церковь. Там они благоговейно подошли к гробу и прищурились, рассматривая сквозь стекло лицо покойного.

- Так это пастор Клемм? - спросил один из них у Симы, подошедшей с вежливым вниманием к ним.

- Да, это мой отец пастор Клемм,- подтвердила она и вдруг осознала, что вопрос прозвучал на немецком языке.

Старики вновь присмотрелись к умершему и один из них сказал:

- Ленгард, ты не находишь, что он очень похож на нашего брата?

- После стольких лет разлуки я уже не очень хорошо помню нашего брата,- спокойно ответил второй.

Потом оба подошли к Лине и один из стариков спросил:

- Вы были женой умершего?

- Да,- подтвердила Лина.

- А мы братья его отца. Мы его дяди,- их американский акцент был очевиден.

Наташа поднялась:

- Я дочь пастора, Наташа. Мы вместе прилетели сюда. Это мои братья, а это - невеста Павла, Рената. Мои сестры...

Старики никому не подали рук, лишь церемонно кланялись.

- Я не видела их на похоронах дяди Фридриха,- сказала Наташа.

- Вы правы,- услышал ее реплику один из стариков.- Мы были в Парагвае и не могли приехать. Мы ведь уже не живем в Калифорнии. Скажите, пожалуйста, а ваш отец был коммунистом?

Наташа даже возмутилась:

- Что вы такое говорите? Он был баптистским пастором в России!

- О, юная дева, я не хотел вас обидеть. В Италии мы встречали священников, которые состояли в Коммунистической партии,- старик был явно смущен своим неудачным вопросом.

Иоганнес, Билл, фрау Кольба подошли к старикам и Лебер миролюбиво предложил:

- А не присесть ли нам?

Старики согласились и засеменили к левому ряду. Началось богослужение. Пастор Смит говорил об усопшем, представшим пред Господом. Церковь была полна: слух о «русском» пасторе, умершем в их городе, облетел все кварталы. Хор печально пел в глубине. Родные Клемма почти ничего не поняли в проповеди, но их взволновала проникновенная торжественность, с которой пастор говорил о Зигфриде. Потом Билл подсказал, что пастор просит родных подойти к гробу, а затем к выходу. Они стоя-

ли у гроба, а мимо них цепочкой тянулись многочисленные участники печальной церемонии, произнося слова соболезнования. Лишь немногие говорили по-немецки. Когда поток прощания иссяк, к гробу подошли служители и перенесли его на катафалк. Процессия медленно двинулась на кладбище.

- Жаль, что мы не услышали его проповедей,- сказал один из стариков Елене, взявшей их под руки.

- Где вы живете?

- Элкхарт, Индиана, дом престарелых,- ответил второй и стал набивать табаком трубку.- Мы меннониты.

- Вы еще курите? - удивилась Елена.

Старик что-то пробурчал и продолжил свое занятие. В тот же день все были приглашены на поминальный обед в трапезной церкви. Семья вновь собралась вместе ...

Послесловие

На кладбище в Сан-Хосе некоторое время стояла надгробная плита с надписью: «Здесь покоится человек без Родины, тосковавший по ней всю жизнь, но так и не обретший ее на грешной земле». Потом ее заменили новой с иной эпитафией: «На земле он был без Родины, теперь он дома у Небесного Отца».

На Востоке, на Западе живет немало людей, так и не обретших Родину и я думаю о них с печалью. Мне горько, что другие христиане не стремятся облегчить участь этих «вырванных с корнем из почвы родимой» народов. В Калифорнии немецкие студенты в беседах со мной пренебрежительно отзывались о переселенцах, в их словах звучало превосходство. Я подумал: какими стали бы эти самоуверенные молодые люди, если бы их лишили Родины и переселили в российские просторы?

Смогут ли они сохранить устои христианской жизни в условиях несказуемой бедности и бескультуры?

Я вспомнил несчастного грека, которого мне выпало похоронить в далеком сибирском лагере. К его ноге была привязана безымянная бирка с номером. Бригадир достал огрызок карандаша и приписал на дощечке: «Без родины». Рядом стояли другие греки, они заплакали. Это были греческие коммунисты, переселившиеся из своей Эллады в южные республики Советского Союза с мечтой о новой Родине - стране коммунистического счастья. Они были поодиночке закопаны в безвестных сибирских могилах. Люди без Родины...

Пастор Клемм пытался осуществить мечту своих предков - воссоединиться со своим народом, обрести свою Родину. Он мечтал об этом, но никто

не предлагал ему такого слияния. Лишь смерть позволила ему стать равным с остальными. Смерть уравнивает всех немцев - и тех с Востока, что так упрямо держатся за свои привычки и обычаи, не понимая, что их пора сдать в архив, и тех с Запада, что косятся на пришельцев, растопыривая локти, чтобы их не потеснили в пивных барах и на автостоянках. Смерть всех уравнивает. Решающим остается лишь отношение умерших к Богу, Умершему и Воскресшему, чтобы быть Господином над мертвыми и еще живущими.

Похоронив Зигфрида Клемма, Иоганнес Лебер отправился во Флориду изучать систематическое богословие. Его жена Елена подтвердила в Штатах свой диплом и преподавала музыку в том же теологическом учебном заведении, где постигал высшие премудрости ее муж. Они посещали евангельскую церковь и всегда брали с собой своего маленького сына Зигфрида Лебера.

Билл все еще учится в Гарвардском университете. Он упросил жену Наташу не обрезать ее длинные, «русские» косы, на что она согласилась и носит их пышной короной, без платка. Она вслед за мужем изучает медицину. Учебу в Германии она прервала, чтобы досконально изучить английский язык и работать самостоятельно в новой для нее стране. Раз в неделю Наташа звонит сестре Елене, чтобы выслушать привычный уже вопрос:

- Вы все еще не хотите иметь ребенка?

- Еще рано, сестричка, еще рано,- неизменно отвечает Наташа. Ей и самой непривычно, что они не идут за зовом природы, а планируют свою семью, но так сказал Билл, а он знает всё на несколько лет вперед.

О-ля-ля! Взаимная симпатия возникла между

Михаилом и фрау Кольба. Братьев немного тревожит, что она старше его на восемь лет, а сестры считают, что ему полезно оказаться в надежных руках женщины с большим житейским опытом. Совместная жизнь с любовью сгладит разницу - это проверено на других супружествах.

Сима уже овладела своим ремеслом и сейчас пребывает со своей миссией в Кении. Все ждут ее возвращения и рассказов о загадочной Африке. Сима сказала, что не выйдет замуж, пока не обратит к вере известное только ей число людей. Она упряма и не слышит доводов своего суженого, который изучает богословие и обоснованно доказывает ей, что такой подход не предусмотрен Библией. Сима не лезет в карман за словом и отвечает своему жениху:

- Ах так! Ты уже все знаешь? Так поищи себе другую, такую же умницу, как сам! А я подожду встречи с человеком, который похвалит меня за мое служение.

Все знают, что яблоко от яблони недалеко падает и надеются, что упрямица все же прислушается к зову своего жениха. Симу злит и возможность женитьбы Михаила на фрау Кольба. У нее сходные характеры с братом и поэтому они часто ссорятся, но мирятся они тоже часто. После каждой ссоры... Сима кается и просит прощения за горячность.

У Ренаты и Павла родилась дочь. Рената мечтает о карьере адвоката, но Павел кочует с места на место и ей не удается найти постоянных клиентов. Рената тихо мечтает об оседлом образе жизни и Павел утешает ее: «Офицеры раньше выходят на пенсию, и у тебя будет предостаточно времени для осуществления мечты!»

- Это молодое поколение решительно выходит

из-под нашего контроля и всегда поступает по-своему. Им уже не прикажешь! - жалуется своим ровесницам Лина Клемм и они полностью с нею соглашаются.

Петр остриг свои длинные волосы, потому что изменилась мода. Он посещает ту же общину, что мать и Михаил, но дома показывается редко. Видимо, на то у него есть веские причины.

- Ты должен научиться нести ответственность за свои поступки перед Богом! - наставляет его мать. Петр не возражает, отмалчивается. У него - диплом инженера, но он собирается учиться дальше.

- Как тебе живется в Германии? - спросил у Петра Билл.

- На своем месте. Научился кое-что понимать... Я ведь изучаю не только инженерное дело, но и историю, еженедельно хожу на библейские семинары. Мне здесь нравится, это моя страна,- ответил Петр. Билл сказал, что глубокие корни пустили в вестфальскую землю также Лина, Сима и Михаил.

- И все же на Востоке многое было понятнее. Коммунисты провозглашали те же этические нормы, что и христиане. Хотя...

Она не договаривает и Билл продолжает:

- Хотя при этом убили десятки миллионов безвинных людей.

На Рождество вся семья собралась вместе. Вспомнили «старые времена», когда был жив отец. Музицировали и рассказывали друг другу новости из жизни своих общин. Елена решила впервые рассказать о своей жизни в Москве... Она сидела напротив Лины и той казалось, что Елена говорит только для нее. Лина слушала, наклонившись. Каждое слово драматических переживаний она ловила, как откровение.

Когда маленький Зигфрид закапризничал - была уже поздняя пора - и Елена унесла его в спальню, Лина пришла вслед за нею. Она сидела у постели и ждала, когда малыш уснет. Потом Елена обняла мать и они некоторое время сидели молча. Иоганнес Лебер, продолживший рассказ вышедшей с сыном жены, заметил после возвращения женщин происшедшую перемену и понял, что в спальне произошло окончательное примирение. Души их были исцелены...

В гостиницу Леберы возвращались пешком. Иоганнес нес сына. Зигфрид вновь заплакал: «Мама, я хочу домой!»

- Вот мы и направляемся домой,- сказал Иоганнес.

- Нет, я хочу в Америку! - заявил сын.

Иоганнес засмеялся и сказал:

- Сын мой, у всех христиан один настоящий дом - Небесная Страна.

Малыш потянулся к матери. Елена обняла своего «большого парня» и сказала:

- Весь в дедушку. Всю жизнь будешь тосковать по своей Родине. Но у тебя она есть и не одна, а дедушка ни одной не нашел. Во всяком случае, на земле. Помнишь старую песню: «Моя Родина там, в Небесах!»

Сегодня мы пели ее у мамы.

- И все-таки,- сказал Лебер жене,- со стороны Господа было бы справедливо сделать землю более домашней, уютной.

- Пока земля исполнена грехом, не стать ей настоящим домом,- ответила мужу Елена.

- «Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне», - произнес Иоганнес слова из Послания к Римлянам. - Но даже в Египте евреи

должны были строить дома, возделывать землю, растить детей.

Они взяли окончательно проснувшегося Зигфрида за руки и зашагали к гостинице. Было совсем поздно и в домах погас свет. Елене и Иоганнесу тоже не терпелось вернуться домой, в Америку. Да, домой...

Германн и Мария Гартфельд.

"Я беспредельно благодарен моей жене Марии, помогавшей мне писать эту книгу в будни и праздники. Когда приходила усталость и мог возникнуть конфликт, мы бросались друг к другу и кружились по комнате в танце, гуляли по улицам Цюриха, болтали, чтобы после возвращения с новыми силами приняться за книгу".